

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК
ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Том 6 Номер 1 Январь-Март
2019

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL
BULLETIN
OF THE LAW FACULTY,
SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY

Volume 6 Issue 1 January-March
2019

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ВЕСТНИК ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ЮЖНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА

2019 Том 6 Номер 1 Январь-Март

Учредитель: *Федеральное государственное образовательное учреждение
высшего профессионального образования «Южный федеральный университет»*

344006, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105/42

Адрес редакции: 344007, Россия, Ростовская обл., г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88

тел./факс: +7 (863) 240-36-10; e-mail: vestnik@sfedu.ru; сайт: <http://urvestnikpravo.sfedu.ru>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-57149)

Периодичность выхода: 4 раза в год

ISSN 2313-6138 / DOI: 10.23683/2313-6138-2019-6-1

Входит в систему РИНЦ (лицензионный договор № 537-09/2014)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: *Овчинников А.И.*, доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета

Ответственный редактор: *Тищенко Е.В.*, кандидат юридических наук, доцент

Ответственный секретарь: *Фролова Е.Ю.*, кандидат юридических наук, доцент

Помощник главного редактора: *Осинский А.С.*

Артеменко Н.В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного права и криминологии
юридического факультета Южного федерального университета

Волова Л.И., доктор юридических наук, профессор

Воронцов С.А., доктор юридических наук, профессор

Джорджевич А., доктор юридических наук, профессор юридического факультета

Государственного университета в Нише (Республика Сербия)

Зиновьев И.П., кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Южного федерального университета

Иванников И.А., доктор юридических наук, доктор политических наук, профессор

Колесников Ю.А., доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой финансового права

юридического факультета Южного федерального университета

Лукьянцев А.А., доктор юридических наук, профессор

Любашиц В.Я., доктор юридических наук, профессор

Ляхов Ю.А., доктор юридических наук, профессор

Овсепян Ж.И., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой государственного (конституционного)
права юридического факультета Южного федерального университета

Серегин А.В., кандидат юридических наук, доцент

Смагина Е.С., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского процессуального и трудового права юридического
факультета Южного федерального университета

Степанов К.В., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой уголовного процесса и криминалистики
юридического факультета Южного федерального университета

Тарасова А.Е., кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой международного права
юридического факультета Южного федерального университета

Цыганенко С.С., доктор юридических наук, профессор

Яценко Т.С., доктор юридических наук, доцент, зав. кафедрой гражданского права

юридического факультета Южного федерального университета

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Баранов В.М., доктор юридических наук, профессор, помощник начальника Нижегородской академии Министерства внутренних дел
Российской Федерации по инновационному развитию научной деятельности

Баранов П.П., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой конституционного
и муниципального права ЮРИУ РАНХиГС

Бондарь Н.С., доктор юридических наук, профессор, Судья Конституционного Суда Российской Федерации

Васильев А.А., доктор юридических наук, Директор института права АлтГУ

Величко А.М., доктор юридических наук, Правительство г. Москвы

Гайстенгер М., доктор права, профессор Университета Зальцбурга

Корецкий Д.А., доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии
юридического факультета Южного федерального университета

Кузнецова Н.С., доктор юридических наук, профессор, академик Академии правовых наук Украины

Левушкин А.Н., доктор юридических наук, профессор

Ляхов Е.Г., доктор юридических наук, профессор, Вице-президент Ассоциации Международного права

Мамитова Н.В., доктор юридических наук, профессор, РАНХиГС

Мамычев А.Ю., доктор политических наук, кандидат юридических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории российского
и зарубежного права Владивостокского государственного университета экономики и сервиса

Николич Д., доктор юридических наук, профессор юридического факультета

Государственного университета в Нише (Республика Сербия)

Оганесян В.А., доктор юридических наук, профессор Ереванского государственного университета,
зам. председателя Конституционного Суда Армении

Зражевская Т.Д., доктор юридических наук, профессор, Уполномоченный по правам человека в Воронежской области

Толочко О.Н., доктор юридических наук, зав. кафедрой международного права, Белорусский институт правоведения, г. Минск

Турлуковский Я., кандидат юридических наук, доцент кафедры коммерческого права факультета права и администрации, Варшавский
университет (Республика Польша)

Цибуленко З.И., доктор юридических наук, профессор Саратовской государственной академии права

Шапсугов Д.Ю., доктор юридических наук, профессор, зав. кафедрой теории и истории права и государства
ЮРИУ РАНХиГС, Директор Центра правовых исследований ЮРИУ РАНХиГС

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL
BULLETIN OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY

2019 Volume 6 Issue 1 January-March

Established by: Southern Federal University

(a federal state institution for professional higher education)

105/42 Bolshaya Sadovaya Street, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344006, Russia

Editorial Office: 88 M. Gorkogo Street, Rostov-on-Don, Rostov Oblast 344007, Russia

phone/fax: +7 (863) 240-36-10; email: vestnik@sfedu.ru; website: <http://urvestnikpravo.sfedu.ru>

The journal is registered with the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom,
Information Technologies and Mass Communications (Registration Certificate FS77-57149)

Publication frequency: 4 times per year

ISSN 2313-6138 / DOI: 10.23683/2313-6138-2019-6-1

Included into the Russian Science Citation Index System (Licence Agreement 537-09/2014)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief: *Ovchinnikov, A.I.*, Doctor of Law, Professor, Head of Department of Theory and History
of State and Law, Law Faculty, Southern Federal University

Responsible editor: *Tishchenko, E.V.*, PhD in Law, Associate Professor

Executive Secretary: *Frolova, E.Yu.*, PhD in Law, Associate Professor

Assistant to the Editor-in-Chief: *Osinsky A.S.*

Artemenko, N.V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Criminal Law and Criminology,
Law Faculty, Southern Federal University

Volova, L.I., Doctor of Law, Professor

Vorontsov, S.A., Doctor of Law, Professor

Djordjevic, A., Doctor of Law, Professor at the Law Faculty of the State University in Nis (Republic of Serbia)

Zinoviev, I.P., PhD in Law, Associate Professor, Dean of the Law Faculty of the Southern Federal University

Ivannikov, I.A., Doctor of Law, Doctor of Political Sciences, Professor

Kolesnikov, Yu.A., Doctor of Law, Associate Professor, Head of Department of Financial Law,
Law Faculty, Southern Federal University

Lukyantsev, A.A., Doctor of Law, Professor

Lyubashits, V.Ya., Doctor of Law, Professor

Lyakhov, Yu.A., Doctor of Law, Professor

Hovsepyan, Zh.I., Doctor of Law, Professor, Head of Department of State (Constitutional) Law,
Law Faculty, Southern Federal University

Seregin, A.V., PhD in Law, Associate Professor

Smagina, E.S., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Procedure and Labour Law,
Law Faculty, Southern Federal University

Stepanov, K.V., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department

of Criminal Procedure and Criminalistics, Law Faculty, Southern Federal University

Tarasova, A.E., PhD in Law, Associate Professor, Head of Department of International Law,
Law Faculty, Southern Federal University

Tsyganenko, S.S., Doctor of Law, Professor

Yatsenko, T.S., Doctor of Law, Associate Professor, Head of Department of Civil Law,
Law Faculty, Southern Federal University

EDITORIAL COUNCIL

Baranov, V.M., Doctor of Law, Professor, Assistant to the Head of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal
Affairs of the Russian Federation on the innovative development of scientific activity

Baranov, P.P., Doctor of Law, Professor, Head of Department of Constitutional and Municipal Law
of the Law Institute of the RANEPa

Bondar, N.S., Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation

Vasilyev, A.A., Doctor of Law, Director of the Institute of Law of the AltSU

Velichko, A.M., Doctor of Law, Government of Moscow

Geistenger, M., Doctor of Law, Professor of the University of Salzburg

Koretsky, D.A., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law and Criminology,
Faculty of Law, Southern Federal University

Kuznetsova, N.S., Doctor of Law, Professor, Academician of the Academy of Legal Sciences of Ukraine

Levushkin, A.N., Doctor of Law, Professor

Lyakhov, E.G., Doctor of Law, Professor, Vice President of the International Law Association

Mamitova, N.V., Doctor of Law, Professor, RANEPa

Mamychev, A.Yu., Doctor of Political Sciences, PhD in Law, Associate Professor, Head of the Department of Theory
and History of Russian and Foreign Law, Vladivostok State University of Economics and Service

Nikolic, D., Doctor of Law, Professor at the Law Faculty of the State University in Nis (Republic of Serbia)

Oganesyan, V.A., Doctor of Law, Professor at Yerevan State University,

Deputy Chairman of the Constitutional Court of Armenia

Zrazhevskaya, T.D., Doctor of Law, Professor, Commissioner for Human Rights in the Voronezh Region

Tolochko, O.N., Doctor of Law, Head of Department of International Law, Belarusian Institute of Law, Minsk

Turlukovsky, J., PhD in Law, Associate Professor at the Department of Commercial Law, Faculty of Law
and Administration, University of Warsaw (Poland)

Tsibulenko, Z.I., Doctor of Law, Professor of the Saratov State Academy of Law

Shapsugov, D.Yu., Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Theory and History of Law and State
at the Law Institute of RANEPa, Director of the Legal Research Center of the Law Institute of RANEPa

СОДЕРЖАНИЕ

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

ФОМИНСКАЯ М.Д.

Духовно-нравственные основания и предпосылки «достоинства личности»
как юридической категории8

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

КАРАСОВА А.Л., ГОРБАНЬ А.В.

Теоретико-практические взгляды на квалификацию убийства
двух и более лиц, при частичной реализации умысла..... 15

КОБЛЕВА М.М.

Процессуальные права обвиняемого в уголовном процессе 23

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

ЛЕВУШКИН А.Н., КУЗЬМИНА И.К.

Проблемы правового регулирования и правоприменительной практики
признания физического лица банкротом 29

КОНФЕРЕНЦИИ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ, СЕМИНАРЫ

*Материалы Круглого стола «Византийское наследие в истории мировой политической
и правовой культуры», Юридический факультет ЮФУ, 26.12.2018*

ВЕЛИЧКО А.М.

Исихазм как политическое явление 35

ОВЧИННИКОВ А.И.

Идея симфонии властей как основа византийской государственности 46

СЕРЕГИН А.В.

Византийские корни государственно-территориального устройства
Московского царства в XVI–XVII вв. 52

КРАВЦОВ Н.А.

«Симфония властей» и византийство в России: вчера и сегодня 57

ФЕДОРЕНКО С.П.

Роль идеи симфонии властей в становлении государственности России 61

ЕРМОЛОВИЧ В.И.

Рецепция норм восточно-римского права в правовую систему средневековой Сербии
и славянских стран (X–XV вв.) 65

КОЗЛОВ Д.В.

Синтез власти-собственности в Византии как отражение традиционных
жизненных устоев Востока 77

BULLETIN
OF THE LAW FACULTY, SOUTHERN FEDERAL UNIVERSITY
2019 Volume 6 No 1 January-March

CONTENTS

*GENERAL THEORETICAL AND HISTORICAL ISSUES
OF LEGAL RESEARCH AND PRACTICE*

- FOMINSKAYA, Marina D.
Spiritual-and-moral foundations and prerequisites of personal dignity as a legal category8

CRIMINAL LAW AND CRIMINAL PROCEDURE

- KARASOVA, Anna L., and GORBAN, Artem V.
Theoretical and practical views on classifying murder of two and more persons, with
the intention partially implemented 15
- KOBLEVA, Maria M.
Procedural rights of the accused in the criminal procedure 23

CIVIL LAW AND CIVIL PROCEDURE

- LEVUSHKIN, Anatoly N., and KUZMINA, Irina K.
Problems of legal regulation and law enforcement practice of declaring
an individual bankrupt 29

CONFERENCES, ROUND TABLES, SEMINARS

*Materials of the Round table «Byzantine heritage in the history of world politics and legal culture»,
Law Faculty of SFEDU, 26.12.2018*

- VELICHKO, Aleksey M.
Hesychasm as a political phenomenon 35
- OVCHINNIKOV, Aleksey I.
Symphony of powers as the basis of Byzantine statehood 46
- SEREGIN, Andrey V.
The Byzantine roots of the state-territorial structure of Moscow Kingdom
in the XVI–XVII centuries..... 52

KRAVTSOV, Nikolay A.

Symphony of powers and Byzantism in Russia: past and future 57

FEDORENKO, Svyatoslav P.

Symphony of powers in the development of Russian statehood..... 61

YERMALOVICH, Viktor I.

Reception of the norms of Eastern Roman law into the legal system of Medieval Serbia
and Slavic countries 65

KOZLOV, Denis V.

The power-property synthesis in the Byzantine Empire as the reflection of traditional
oriental principles of life..... 77

ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ И ПРАКТИКИ

УДК 340.15

DOI: 10.23683/2313-6138-2019-6-1-8-14

© 2019 М.Д. Фоминская¹

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ОСНОВАНИЯ И ПРЕДПОСЫЛКИ «ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ» КАК ЮРИДИЧЕСКОЙ КАТЕГОРИИ

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется развитие концепции достоинства личности в современном праве, обсуждаются проблемы духовно-нравственной интерпретации достоинства личности и прав человека. Обосновывается принципиальная необходимость духовно-нравственного измерения прав человека в целях обеспечения поликультурности и стабильности социально-правовой организации многоукладных обществ. При этом аргументируется, что категория «достоинство личности», ее права и свободы выступают основополагающими элементами духовно-нравственной культуры общества и правосознания.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: духовно-нравственные стандарты; права человека; правовая культура; правосознание; право и религия; юридическое мировоззрение.

SPIRITUAL-AND-MORAL FOUNDATIONS AND PREREQUISITES OF PERSONAL DIGNITY AS A LEGAL CATEGORY

ABSTRACT. The article analyses the development of the *personal dignity* concept in contemporary law; spiritual-and-moral interpretation of personal dignity and human rights is discussed. The author grounds a fundamental necessity of the spiritual-and-moral dimension of human rights in order to ensure policulturalism and stability of the social-and-legal organisation of plural societies. At the same time, it is claimed that personal dignity, rights and freedoms are the fundamental elements of society's spiritual-and-moral culture and legal awareness.

KEYWORDS: spiritual-and-moral standards; human rights; legal culture; legal awareness; law and religion; legal worldview.

¹ **Фоминская Марина Дмитриевна**, кандидат юридических наук, доцент, зам. директора Ставропольского института кооперации (филиала) Белгородского университета кооперации, экономики и права, 355035, г. Ставрополь, ул. Голенева, д. 36, stik-zam-uch@bukep.ru

Fominskaya, Marina D., PhD in Law, Associate Professor — Deputy Director, Stavropol Institute of Cooperation, Branch of Belgorod University of Cooperation, Economics and Law; 36 Goleneva St., Stavropol 355035, Russian Federation; stik-zam-uch@bukep.ru

В правовой системе современного государства «достоинство личности» является важнейшей юридической категорией. Не является исключением и Российская Федерация: в отечественном конституционном праве давно обосновывается важность и значимость этого понятия в правовой политике государства. При этом не всегда учитывается социокультурное и духовно-нравственное измерение достоинства личности, его понятийного происхождения, основных параметров и признаков.

Данный термин имеет религиозное, точнее, христианское происхождение. «Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» не обошли вниманием тот факт, что «на протяжении всей истории человечества понимание того, что есть человек, сущностно влияло на устройство частной и общественной жизни людей. Несмотря на глубокие различия между отдельными цивилизациями и культурами, в любой из них наличествуют некоторые представления о правах и обязанностях человека» [22]. В другом месте данного основополагающего документа Русской православной церкви более конкретно отмечается, что *базовым*, основополагающим понятием, на которое опирается, например, теория прав человека или концепция правового государства, «является понятие человеческого достоинства» [22].

Об этой основополагающей роли достаточно много и активно писали дореволюционные русские юристы [13; 14; 20; 30; 35; 36]. С их точки зрения, достоинство и свобода являются ключевыми в формировании правового государства, социального порядка, обеспечении в обществе «замиреной среды» и т. д. [9, с. 489–490; 25, с. 10–11; 34, с. 211–220].

Так, например, по мысли профессора М.А. Рейснера, только свободная и достойная личность в своей активной социальной позиции может создать единое и мощное государство, обеспечить уважение прав и свобод в общественной организации. Для всего государственно-правового устройства, прежде всего, важны нравственное достоинство, свобода и активность личности, это фундамент, по его утверждению, успешной правовой и социально-политической организации. Причем «толь-

ко христианские чувства, мысли и поступки граждан делают государство христианским... только поверив в силу Христа и церкви и отказавшись от всякой подделки и замены силы своими грубыми материальными средствами, государство откроет истинный источник своей мощи и единства, своей нравственной высоты и религиозного озарения» [24, с. 64].

В современное время достоинство личности является ключевой категорией в юридической регламентации социального взаимодействия, государственно-правовой организации, в регулировании тех или иных общественных отношений. На международно-правовом уровне достоинство человека фиксируется в основополагающих правовых актах. Причем, например, в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, Международном пакте о гражданских и политических правах уже в преамбулах данных правовых документов четко обозначается, что различные права человека в качестве своего источника имеют достоинство человеческой личности и ее свободы: «Эти права вытекают из присущего человеческой личности достоинства» [18]. Концепция прав человека, изложенная во Всеобщей декларации прав человека, принятой в Париже Генеральной Ассамблеей 10 декабря 1948 г., прежде всего, основана на «достоинстве, присущем всем членам человеческой семьи» [17, с. 14]. Хартия Европейского Союза об основных правах определяет естественный, абсолютный характер права на человеческое достоинство, что следует из ст. 1, где говорится о неприкосновенности человеческого достоинства и закрепляется, что это право «подлежит уважению и защите» [33, с. 67].

Основываясь на принципе приоритета прав и свобод человека и гражданина, закрепленного в Конституции Российской Федерации, следует сделать вывод, согласно которому признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства. Это значит, что источник и основа этих прав находится вне государства, т. е. говорит о естественном характере этих прав. Однако это не исключает ответственности человека и гражданина перед государством, обязанностей граждан по защите его интересов, т. к. государство создает специальные учреждения по охране и защите

прав и свобод человека, деятельность которых регулируется законом. Все это можно сказать и о праве на человеческое достоинство, т. к. оно занимает одно из определяющих мест в ряду прав и свобод человека и гражданина [37].

Следовательно, можно сделать общий вывод о том, что право на человеческое достоинство и в международных документах, конституциях, и в Конституции Российской Федерации характеризуется как абсолютное, неотчуждаемое естественное, и вместе с тем, позитивное право.

Практически во всех важнейших нормативно-правовых актах субъектов Российской Федерации также наличествует конституционно-правовой институт «достоинство человека», который является базовым во взаимодействии человека и государства, реализации и защиты его прав и свобод. Так, например: ст. 18 Конституции Республики Дагестан фиксирует, что «достоинство личности, ее свободное развитие, уважение закона и прав других людей являются основой общественного порядка и социального мира»; а ст. 23 закрепляет, что «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» [11]; практически та же формулировка содержится в Конституции Чеченской Республики, где в п. 1 ст. 18 говорится, что «достоинство личности охраняется государством. Ничто не может быть основанием для его умаления» [12]; Конституция Кабардино-Балкарской Республики также упоминает о государственной гарантии социальной защиты и охраны достоинства личности как базовых конституционно-правовых принципов организации государственной власти субъекта Российской Федерации, деятельности ее органов и должностных лиц, ориентиров развития правового и социального порядка в республике и т. д. [10].

Историко-правовой анализ юридических актов и трудов исследователей дореволюционного периода, а также формально-юридический анализ нормативно-правовых актов национального и международного характера показывает, что достоинство личности является *фундаментальной категорией* не только в философско-правовых, социально-религиозных, политических учениях и доктринах, но и выступает *базовым институтом* в современ-

ном законодательстве в Российской Федерации и многих современных зарубежных государствах; а также является основополагающим *концептуально-правовым ядром* в обосновании неотъемлемых прав и свобод человека в международно-правовом порядке [19; 31].

Однако главная проблема заключается не в юридической фиксации этой важной духовно-нравственной, социально-правовой и культурной смысловой конструкции, а в ее понимании. Содержание этой категории, ее понимание зависит: *во-первых*, от социально-правового контекста и конкретной юридической опыта общества, национального правосознания; *во-вторых*, от цивилизационной специфики, культурно-религиозной обусловленности юридического мировоззрения, формирующих конкретно-исторический тип юридического мышления и практики [21, с. 23].

То, что современное правовое мышление, юридическая техника и правовая практика, ключевые юридические институты и фундаментальные правовые категории обусловлены развитием религиозно-философской мысли [5; 16; 26; 27], которая подготовила теоретический, нравственный и цивилизационный фундамент для тех или иных систем права [3; 4; 7; 28], мысль, конечно, не новая, однако достаточно часто игнорируемая при проведении конкретно-исторических и иных правовых исследований.

В этом плане современное правоведение предпочитает не замечать библейских оснований современного права. Так, во многих работах, посвященных исследованию источников права, общих принципов права, правосознания и т. п., «аккуратно разбираются» такие источники, как доктрина, нормативный договор, правовой обычай, юридический (судебный, административный) прецедент, религиозные тексты (причем рассматриваются в качестве примера таковых мусульманские источники права!), «и лишь о последнем из них “религиозном”, — хотя бы в плане его роли в истории европейского права, не говорится ни слова... в общем контексте атеистических ориентаций постсоциалистической Восточной Европы и антитеологических настроений Запада это воспринимается скорее как отрицательная оценка обращения права к “религиозным тек-

стам” вообще. А еще важнее то, что вследствие подобного отношения... при существовании мусульманского видения права, создается впечатление *полного отсутствия того, что можно было бы назвать христианским видением, отсутствует христианское осмысление основных, неотъемлемых прав человека*. Подобное пренебрежение приводит в ряде работ к тому, что *и человеческое достоинство, и мораль становятся величинами переменными* (курсив наш. — М.Ф.)» [23, с. 155–156].

Отсюда и формируется в профессиональном и массовом правосознании либеральная установка на то, что «бытующий взгляд о некоем превосходстве морали, о якобы присущей ей первенстве в отношении права не имеет сколько-нибудь серьезных оснований» [1, с. 59], что права — это высшая справедливость и более высокий ориентир для человеческого развития и защиты его достоинства, чем абстрактная и туманная система морали [32, с. 56].

Следовательно, употребление правовой категории «достоинство человека» требует уяснения и пояснения: *во-первых*, как общей философско-правовой категории; а *во-вторых*, разъяснение содержания данной категории осуществляется с привязкой к национально-культурной специфике ее понимания, поскольку именно от последнего существенно зависит ее интерпретация в массовом и профессиональном правосознании. Такая методологическая позиция, с нашей точки зрения, весьма оправдана, поскольку российская цивилизация и ее правовая система — это относительно самостоятельные социокультурные явления, обладающие специфической динамикой и закономерностями развития.

Справедливо в этом плане отмечает проф. Е.А. Лукашева, рассматривающая проблематику прав человека и достоинства личности с позиции цивилизационного подхода к праву, что российская правовая цивилизация — это отдельное и самостоятельное образование, «у нее сформировались свои принципы социального устройства, взаимодействия людей», которое «обладает устойчивыми компонентами, скрепляющими характер общественного взаимодействия, определяющими ее “стиль”» [15, с. 309, 311]. Фундаментальное различие в духовно-нравственном понимании достоинства

человека связано с цивилизационным различием религиозного мировоззрения, которое в течение многих веков формировало понимание личности, ее место в общественной организации, индивидуальные и социальные ее характеристики. Так, в православном мировоззрении достоинство личности всегда осмыслялось в качестве духовно-нравственного, социально-активного и правового феномена, поскольку связывалось не только с нравственными стандартами личности, но и с его активной социальной позицией. В западноевропейском контексте достоинство было связано с приватной, частной жизнью, его индивидуальной верой и часто не гармонировало с активной социальной позицией. Индивидуальные духовно-нравственные стандарты здесь были частным делом индивида и редко выступали, особенно благодаря натурфилософским правовым учениям Просвещения, в качестве обязательных ориентиров общественного взаимодействия. Если в отечественном правосознании вера, дела, социально активное действие, право, духовно-нравственные стандарты и проч. стремились к гармоничному взаимодействию, то в западноевропейском мировоззрении, напротив, противопоставлялись друг другу.

Известный дореволюционный юрист Н.С. Суворов верно замечал, что «на христианском западе учение об оправдании человека перед Богом верою, а не делами, сделалось исходным пунктом и основным догматом реформации XVI века» [29, с. 9–10].

В свою очередь, отечественная религиозно-философская мысль акцентировала внимание именно на *гармоничности и взаимообусловленности веры и дела, нравственности и права, внешнего и внутреннего* [29, с. 9–10]. И это со всей очевидностью проявлялось как в духовно-нравственном складе русской христианской цивилизации, так и в ее социальном, правовом, политическом и экономическом укладе.

В православной традиции духовно-нравственный аспект — это ключевой момент в понимании человеческого достоинства как *Богоданной нравственной природы*: «Богоданное достоинство подтверждается наличием у каждого человека нравственного начала, которое опознается в голосе совести» — отмечается в учении Русской православной церкви о

достоинстве человека [29, с. 9–10]. Поэтому и личное достоинство неразрывным образом в христианской философско-правовой мысли связано с *нравственной ответственностью*, а позитивное право, как это отмечал В.С. Соловьев, связывалось с *принудительной силой* к добру и нравственному порядку. Апостол Павел в Послании к римлянам пишет, что «дело закона у них написано в сердцах, о чем свидетельствует совесть их и мысли их, то обвиняющее, и оправдывающая одна другую» (Рим. 2, 15). Следовательно, «человек, носящий в себе образ Божий, не должен превозноситься (как и производить действия по отношению к другому. — М.Ф.) этим высоким достоинством, ибо это не его личная заслуга, но дар Божий. Тем более он не должен оправдывать им свои слабости и пороки, но, напротив, осознавать ответственность за направление и образ своей жизни» [22].

В христианской догматической и философско-религиозной мысли в качестве аксиомы признается, что различные дарования личностей (т. е. дарованные духовно-нравственные ее качества, формирующие достоинство самой личности¹) уравниваются в Боге как их Источнике, но не формально, механистически, а качественно, и в этом духовном единстве все различия снимаются; «в этом неравенстве, — писал священномученик Иоанн, — залог высшего и разнообразного нравственного развития» [8, с. 29].

В этом плане *неверно* характеризовать российское общество как антииндивидуалистическое, отечественную государственность как противоположностную форму правления, основанную на коллективном духе с чуждыми формами индивидуального властно-правового взаимодействия, а русское право как общинно ориентированное и уравнивающее. Напротив, «на Руси всегда ценили индивидуальность

(именно в вышеназванном понимании, не выводимую из рационального принципа и идеологизированного шаблона — индивидуализма. — М.Ф.), но не привечали индивидуализм. Эта особенность русского человека, ставшая основой национального мировоззрения и национального уклада жизни, определяла судьбу всех реформ в России за последние столетия, и будет определять впредь» [2, с. 251].

Таким образом, «достоинство личности» является *фундаментальной категорией* не только для философско-правовых, социально-религиозных, политических учений и доктрин, но и выступает *базовым институтом* в современном законодательстве. Для современных христианских философов достоинство человека является основополагающим *концептуально-правовым ядром* в обосновании неотъемлемых прав и свобод человека. При этом еще раз подчеркнем, что в христианской философско-правовой мысли достоинство человека обосновывалось в *духовно-нравственном аспекте*, и оно связано с наделением человека *божественными свойствами*, это ключевой момент в понимании человеческого достоинства как *Богоданной нравственной природы*.

Выше аргументировалось, что духовно-нравственная категория «достоинство личности» играла определяющую роль в национально-культурной эволюции правовой системы общества (как западноевропейских, так и отечественной), тех или иных юридических институтов (особенно прав и свобод человека). Причем особенности понимания и трактовка данной категории влияли не только на формирование специфической системы нормативного регулирования общественными процессами и уникального (цивилизационного) характера взаимодействия различных социально-нормативных систем (религии, права, обычаев и т. п.); но и на становление особого типа устойчивого взаимодействия в системе «человек — общество — государство».

Сегодня достоинство и свобода являются ключевыми в формировании правового государства, социального порядка, являются «исходным началом» всех христианских философско-правовых представлений: об общинном и гражданском устройстве; о соотношении естественного и позитивного права, их духовно-

¹ В «Основах учения Русской Православной Церкви о достоинстве...» говорится, что «Если к образу Божию в Православии возводится неотъемлемое, онтологическое достоинство каждой человеческой личности, ее высочайшая ценность, то подобающая достоинству жизнь соотносится понятием подобия Божия, которое по Божественной благодати достигается через преодоление греха и стяжание нравственной чистоты и добродетелей. А потому человек, носящий в себе образ Божий, не должен превозноситься этим высоким достоинством, ибо это не его личная заслуга, но дар Божий» (см. [22]).

нравственной сущности, социальных функциях и задачах; о сущности и месте прав человека в системе религиозного мировоззрения. В настоящее время «достоинство личности» также является ключевым моментом в юридической регламентации социального взаимодействия, государственно-правовой организации, в регулировании тех или иных общественных отношений, а также базовой категорией на международно-правовом уровне, фиксируемой в основополагающих правовых актах.

Достоинство личности и ее свобода выступают основополагающими элементами духовно-нравственной культуры общества и религиозного правосознания¹. Понимание, устойчивые идейно-смысловые и чувственные элементы этой категории, сформированные в рамках религиозного мировоззрения, в дальнейшем выступали ориентиром не только духовно-нравственного развития общества и личности, социальной организации; но и нормативно-правового регулирования общественных отношений, обеспечивали преемственное воспроизводство национально-культурной (цивилизационной) формы и стиля правового мышления.

В то же время содержание этой категории, ее понимание зависит также: *во-первых*, от социально-правового контекста и конкретного юридического опыта общества, национального правосознания; *во-вторых*, от цивилизационной специфики, культурно-религиозной обусловленности юридического мировоззрения, формирующих конкретно-исторический тип юридического мышления и практики. Так, в православном мировоззрении достоинство личности всегда осмыслялось в качестве духовно-нравственного, социально-активного и правового феномена, поскольку связывалось не только с нравственными стандартами личности, но и с его активной социальной по-

зицией. В западноевропейском контексте достоинство было связано с приватной, частной жизнью, его индивидуальной верой и часто не гармонировало с активной социальной позицией. Индивидуальные духовно-нравственные стандарты здесь были частным делом индивида и редко выступали в качестве обязательных ориентиров общественного взаимодействия. Если в отечественном правосознании вера, дела, социально активное действие, право, духовно-нравственные стандарты и проч. стремились к гармоничному взаимодействию, то в западноевропейском мировоззрении, напротив, противопоставлялись друг другу.

Христианская философско-правовая доктрина исходит из того постулата, что все идеологические, государственно-правовые скрепы и другие скрепы это суть внешних, временных и относительных форм объединения личностей. В противовес современным проектам формирования новых, глобальных форм гражданской (конституционно-правовой) идентичности христианская философско-правовая доктрина обосновывает, что настоящая общность может быть только духовной, а гражданские институты уже разворачиваются на этой духовно-нравственной общности. Все иные формально-правовые и внешние конструкты в своей сущности абстрактны, неустойчивы и временны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев С.С. Философия права. М., 1999.
2. Бабурин С.Н. Российский путь: утраты и обретения. М., 1997.
3. Берман Г.Дж. Вера и закон: примирение права и религии. М., 1993.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Избранные произведения. М., 1990.
5. Величко А.М. Государственные идеалы России и Запада. Параллели правовых культур. М., 1999.
6. Виноградова О.П. Религиозные аспекты в российском праве: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Н. Новгород, 2011.
7. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1988.
8. Иоанн (Восторгов). Берегись обманных речей // Сочинения. В 5 т. Т. 5. СПб., 1998.
9. Кистяковский Б.А. Социальные науки и право. Очерк по методологии социальных наук и общей теории права. М., 1916.
10. Конституция Кабардино-Балкарской Республики от 1 сентября 1997 г. N 28-РЗ (принята Парламентом

¹ В этом плане можно привести недавнее исследование, посвященное религиозным аспектам права и религиозного правосознания, в котором автор, на наш взгляд, достаточно верно отмечает, что «религиозное правосознание следует рассматривать как самостоятельный источник права, вбирающий в себя разнообразные духовные элементы, отражающие различные сферы общественной идеологии и психологии... Религиозное правосознание дает важную для генезиса права духовно-культурную основу правотворчества, выступая важным элементом правосознания в юридически значимых жизненных ситуациях» [6, с. 11].

- Кабардино-Балкарской Республики 1 сентября 1997 г.) (в редакции, принятой Конституционным Собранием 12 июля 2006 г., республиканских законов от 28 июля 2001 г. N 74-РЗ, от 2 июля 2003 г. N 61-РЗ, от 12 июля 2005 г. N 52-РЗ, от 13 июля 2006 г. N 48-РЗ) // Информационно-правовая система «Гарант – Эксперт».
11. Конституция Республики Дагестан (ред. от 10.04.2015) // Информационно-правовая система «Гарант – Эксперт».
12. Конституция Чеченской Республики (принята 23 марта 2003 г.) (ред. от 30.09.2014) // Информационно-правовая система «Гарант – Эксперт».
13. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. 7-е изд. СПб., 1907.
14. Коркунов Н.М. Сборник статей. 1877–1897. СПб., 1898.
15. Лукашева Е.А. Человек, право, цивилизации: нормативно-ценностное измерение. М., 2011.
16. Мальцев Г.В. Нравственные основания права. М., 2008.
17. Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. М., 1990.
18. Международный пакт о гражданских и политических правах // Международная защита прав и свобод человека: Сборник документов. М., 1990.
19. Мишин А.А. Конституционное (государственное) право зарубежных стран. М., 2009.
20. Муромцев С.А. Избранные труды. М., 2010.
21. Овчинников А.И. Правовое мышление: теоретико-методологический анализ. Ростов н/Д, 2003.
22. Основы учения Русской Православной Церкви о достоинстве, свободе и правах человека» [Электронный ресурс] // Основополагающие документы Русской Православной Церкви. URL: <http://projectrussia.orthodoxy.ru/PR/rpc.php>
23. Папаян Р.А. Христианские корни современного права. М., 2002.
24. Рейснер М.А. Государство и верующая личность. М., 1905.
25. Рейснер М.А. Государство. Часть I. Культурно-историческая основа. М., 1911.
26. Синюков В.Н. Российская правовая система. М., 2010.
27. Сорокин В.В. Понятие и сущность права в духовной культуре России. М., 2007.
28. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
29. Суворов Н.С. Вера и дела. Ярославль, 1888.
30. Тареев М.М. Основы христианства. том IV. Система Религиозной мысли. Христианская свобода. Второе издание. Сергиев Посад, 1908.
31. Хабриева Т.Я., Чиркин В.Е. Теория современной конституции. М., 2007.
32. Хайек Ф.А. фон. Дорога к рабству. М., 1992.
33. Хартия Европейского Союза об основных правах: Комментарий / под ред. С.Ю. Кашкина. М., 2001.
34. Чичерин Б.Н. Наука и религия. М., 1879.
35. Шершеневич Г.Ф. Общая теория права, вып. 1. М., 1911.
36. Gurvitch G. Grundzuge der Soziologie des Rechts. Neuwied a. R., 1974.
37. Markova-Murashova S.A. The Right to Human Dignity: the Theory and Practice of Modern Legal Systems // 3rd International Multidisciplinary Scientific Conference on Social Sciences and Arts SGEM 2016. SGEM2016 Conference Proceedings. Book 2. Vol. 2. P. 884–885.

УДК 343.611

DOI: 10.23683/2313-6138-2019-6-1-15-22

© 2019 А.Л. Карасова¹, А.В. Горбань²

ТЕОРЕТИКО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ НА КВАЛИФИКАЦИЮ УБИЙСТВА ДВУХ И БОЛЕЕ ЛИЦ, ПРИ ЧАСТИЧНОЙ РЕАЛИЗАЦИИ УМЫСЛА

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена рассмотрению различных научных подходов в правовой оценке убийства двух и более лиц при частичной реализации умысла, позиции судебных инстанций по данному вопросу. Освещены наиболее спорные ситуации, которые встречаются в процессе квалификации таких посягательств. Также в работе даются критерии квалификации этого посягательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: убийство; посягательства на жизнь; уголовное законодательство; дифференциация уголовной ответственности; квалифицированные виды убийства; совершенствование законодательства; обстоятельства, отягчающие ответственность.

THEORETICAL AND PRACTICAL VIEWS ON CLASSIFYING MURDER OF TWO AND MORE PERSONS, WITH THE INTENTION PARTIALLY IMPLEMENTED

ABSTRACT. The article studies various academic approaches to legally assessing *murder of two and more persons, with the intention partially implemented*. It also examines the attitude of judicial bodies to the matter in question. The author describes the most controversial situations that happen in the classification process, while also indicating criteria for classifying such attempt.

KEYWORDS: murder; attempt on someone's life; criminal legislation; differentiation of criminal liability; classified types of murder; legislation improvement; aggravating circumstances.

¹ **Карасова Анна Леонтиевна**, доцент кафедры уголовного права и криминологии ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», кандидат юридических наук, 344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88, karasovaanna@rambler.ru
Karasova, Anna L., PhD in Law, Associate Professor — Chair of Criminal Law and Criminology, Southern Federal University, 88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don 344007, Russian Federation, karasovaanna@rambler.ru

² **Горбань Артем Владимирович**, старший следователь следственного отдела по городу Новошахтинску следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Ростовской области, лейтенант юстиции, 346918, г. Новошахтинск, ул. Садовая, д. 21, gorb-artem@yandex.ru

Gorban, Artem V., Justice Lieutenant, Senior Investigator — Novoshakhtinsk Investigation Department, Rostov Oblast Office of the Investigation Committee of the Russian Federation, 21 Sadovaya St., Novoshakhtinsk 346918, Russian Federation, gorb-artem@yandex.ru

Среди особо тяжких преступлений убийства относятся к деяниям, наносящим невосполнимый вред общественным отношениям. Ежегодно в России совершается порядка 8–10 тыс. убийств и покушений на убийство¹. Только за январь 2019 г. в России зарегистрировано 796 убийств и покушений на умышленное причинение смерти.

Несмотря на то, что вопросам уголовной ответственности за убийство посвящено значительное количество научных работ, накоплен обширный практический опыт, ряд проблем квалификации убийств по-прежнему сохраняет свою актуальность.

Так, неоднозначной с точки зрения теории уголовного права и практики правоприменения является квалификация действий виновного, направленных на убийство нескольких лиц, в результате которых смерть причинена не всем потерпевшим. К примеру, виновный намеревался лишить жизни двух и более лиц, а в результате преступных действий погиб один человек, или преступный умысел был направлен на убийство более двух лиц, при этом двое погибли, а остальные остались живы². Уголовно-правовая доктрина всегда неоднозначно подходила к решению этой проблемы. В настоящее время уголовно-правовая наука содержит несколько противоположных подходов при квалификации таких действий.

Первый из таких подходов определяет, что действия лица, направленные на лишение жизни нескольких потерпевших, должны квалифицироваться исходя из направленности умысла на убийство двух и более лиц как оконченное преступление, вне зависимости от наступив-

ших последствий (количества лиц, которым причинена смерть). Возможность такой квалификации допускалась в п. 10 Постановления Пленума Верховного Суда СССР № 9 от 03.07.1963 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике по делам об умышленном убийстве», согласно которому при установлении того, что умысел виновного был направлен на лишение жизни двух или более лиц, убийство одного человека и покушение на жизнь можно было квалифицировать как оконченное преступление (убийство двух и более лиц) [6].

Указанный подход не придавал юридического значения незавершенности реализации умысла преступника.

Критикуя данный подход, О. Толмачев указывал на то, что описанный механизм квалификации противоречит фактическим обстоятельствам дела, поскольку отсутствие общественно опасного последствия в виде смерти еще одного человека не дает оснований считать убийство двух и более лиц оконченным. То есть нельзя обвинять лицо в умышленном лишении жизни двух и более человек, если убитым оказался только один, а другие остались живы и на их жизнь было совершено лишь покушение [27, с. 30–31].

Другая точка зрения, касающаяся оценки убийств при частичной реализации умысла, предлагает в случаях, если умысел на убийство нескольких лиц в полной мере не реализован, квалифицировать деяние лишь как покушение на преступление, то есть по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Главным достоинством указанной позиции является то, что она в полной мере отражает устоявшееся теоретическое правило квалификации преступлений при фактической ошибке (*error in objecto*): поскольку объективная сторона преступления фактически не выполняется, содеянное образует не оконченное преступление, а покушение на него [28, с. 133].

Сторонниками такой квалификации, к примеру, выступали Н. Бабий [2], С. Косарев [8, с. 63], А. Корнеева [7, с. 98–100], Л. Спиридонова [24], Л. Иногамова-Хегай [26].

В частности, Л. Иногамова-Хегай указывала, что «норма об убийстве одного человека (ч. 1 ст. 105 УК) как часть входит в содержание нормы о покушении на убийство двух или более

¹ В период с января по декабрь 2018 года на территории России зарегистрировано совершение около 8 574 убийств и покушений на убийство [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/rxOrdPt4BF.pdf (дата обращения: 06.03.2019); В период с января по декабрь 2015 года на территории России зарегистрировано совершение 11496 убийств и покушений на убийство [Электронный ресурс] // URL: https://мвд.рф/upload/site1/document_file/sb_1512.pdf (дата обращения: 12.11.2016).

² Вопросы квалификации ситуаций, при которых виновный покушался на жизнь двух и более лиц, при этом никто не погиб, в данной статье не рассматриваются, поскольку правило квалификации таких действий по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, на наш взгляд, не имеет спорного характера.

лиц, которая является нормой-целым. Иначе говоря, норма об оконченном преступлении, содержащем признаки основного состава убийства, охватывается нормой о покушении на убийство, содержащем признаки квалифицированного состава неоконченного убийства» [26].

Следует отметить, что назначенное при такой квалификации наказание может не соответствовать характеру и степени общественной опасности совершенного деяния, поскольку имеются законодательные ограничения максимально возможного наказания (ч. 3, 4 ст. 66 УК РФ). Так, за покушение на убийство двух и более лиц суд максимально может назначить 15 лет лишения свободы, что соответствует максимальному размеру санкции простого убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ). Однако общественно опасные последствия, наступившие в результате покушения на убийство двух и более лиц (ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), при котором наступила смерть одного из них, а другим причинен иной вред различной степени тяжести, значительно серьезнее последствий, учтенных санкцией ч. 1 ст. 105 УК РФ.

Таким образом, при квалификации деяний с незавершенной реализацией умысла на убийство двух и более лиц лишь по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ остается юридически не учтенным состоявшееся оконченное убийство человека, обладающее высокой степенью общественной опасности, а также создаются условия для необоснованного ограничения объема ответственности виновного в силу ст. 66 УК РФ.

В данном аспекте следует обратить внимание на принципиальную позицию Верховного Суда РФ, согласно которой убийство одного человека и покушение на убийство другого не может рассматриваться как оконченное преступление — убийство двух лиц, в таких случаях независимо от последовательности преступных действий содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (п. 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» [17]). Это третий подход к квалификации убийства двух и более лиц при частичной реализации умысла.

Логика такого решения, по всей видимости, заключается в том, что преступление в отношении одного человека не доведено до конца, и поэтому обстоятельства, отягчающие убийство и покушение на убийство, отсутствуют. Таким образом, квалификация указанных посягательств осуществляется путем дробления действий лица на отдельные эпизоды, где один из них представляет оконченное преступление, а другой — покушение. В целом же такая комбинация образует совокупность преступлений.

В силу того, что разъяснения Верховного Суда РФ являются ориентиром в правоприменительной деятельности судебно-следственных органов, вышеприведенная позиция судебного органа стала преобладающей в юридической практике, о чем свидетельствуют соответствующие судебные решения [13; 19; 21].

Следует отметить, что указанная позиция находит отражение и в учебной литературе [22, с. 305; 29, с. 332], и в научно-теоретических исследованиях. В частности, С.В. Бородин в своей работе отмечает, что убийство одного человека и покушение на жизнь другого должно квалифицироваться по ч. 1 или по соответствующим пунктам ч. 2 ст. 105 УК (в зависимости от конкретных обстоятельств) и ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, хотя и отмечает, что такая позиция не является безупречной [5, с. 128, 130].

О. Толмачев полагает, что «незавершенное в задуманном объеме деяние необходимо квалифицировать как приготовление к преступлению или покушение на него и отдельно как оконченное преступление в той его части, в которой преступная цель достигнута и умысел, хоть и частично, реализован, то есть где уже обнаруживаются все признаки состава преступления, присущие оконченным преступлениям» [27, с. 30–31].

Вместе с этим текущая позиция Верховного Суда РФ и, соответственно, правоприменительная практика квалификации убийств нескольких лиц с частичной реализацией умысла не снимают остроты некоторых вопросов, возникающих при оценке таких посягательств.

В частности, весьма спорным выглядит содержание самого пункта 5 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 «О судебной практике по делам об убийстве» [17]. В первом абзаце данного пункта

отмечается, что убийство двух и более лиц, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, а при наличии к тому оснований также и по другим пунктам ч. 2 данной статьи при условии, что ни за одно из этих убийств виновный ранее не был осужден. Данная позиция отражает принципиальный подход, согласно которому «независимо от того, охватывалось ли убийство нескольких лиц единым умыслом или убийство каждого потерпевшего стало результатом преступных намерений, действия квалифицируются по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ. При этом не имеет значения, совершены ли убийства одновременно либо разновременно, как и не влияет на квалификацию момент формирования умысла на совершение второго и последующих преступлений. При таком подходе исключается и квалификация нескольких убийств по совокупности преступлений, а наличие единого умысла на убийство двух и более лиц не является обязательным условием для квалификации по пункту «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ» [29, с. 331].

Несмотря на наличие разъяснений Пленума ВС РФ относительно квалификаций убийств, суды по-прежнему допускают квалификацию нескольких фактов окончанных убийств и покушений на убийство по совокупности преступлений. По всей видимости, это вызвано небесспорным характером установленного разъяснениями Верховного Суда РФ правила квалификации рассмотренных преступных посягательств. В связи с этим судебная коллегия Верховного Суда РФ неоднократно указывала, что покушение на убийство нескольких лиц, совершенное одновременно либо в разное время, не образует совокупности преступлений, квалифицируется по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ [1; 12].

В это же время второй абзац п. 5 вышеуказанного постановления Пленума, напротив, указывает на все же возможное вменение виновному совокупности преступлений при посягательстве на жизнь двух и более лиц в случаях убийства одного человека и покушения на убийство другого (ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30, и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Разъяснения по данному вопросу имеются в работе Н. Семерновой, которая отмечает, что

убийство двух и более лиц является единичным преступлением с усложненной объективной стороной, где каждый отдельный эпизод выступает как самостоятельное оконченное преступление. Однако умысел, возникший до начала первого убийства, охватывает намерение умышленного лишения жизни двух или более человек, в связи с чем все эпизоды убийств объединяются в одно продолжаемое преступление. Если же один из эпизодов убийства остался незавершенным — следствие в виде смерти потерпевшего не наступило по причинам, не зависящим от воли виновного, то деяние не может рассматриваться как единое оконченное преступление — убийство двух и более лиц. Единичное продолжаемое преступление переходит в разряд множественных деяний [23].

Схожее по смыслу обоснование квалификации по совокупности преступлений убийства двух и более лиц при частично реализованном умысле предлагает А. Мадьярова, которая исходит из того, что по своей конструкции состав убийства двух и более лиц представляет собой совокупность двух убийств. Неоконченное убийство двух и более лиц сочетает в себе одновременно два эпизода убийства — оконченное преступление (в отношении одного лица) и неоконченное (в отношении другого). Для точной квалификации необходимо четко отразить стадии совершения преступления, что требует анализа этапов каждого эпизода убийства. Это возможно лишь путем отдельной квалификации оконченного убийства одного и неоконченного убийства другого лица [9, с. 226–228].

На наш взгляд, определение состава преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, в качестве нескольких эпизодов убийств противоречит теории уголовного права. «Подобная ситуация не является ни реальной совокупностью, для которой характерно совершение различных действий, каждое из которых совершается при наличии самостоятельно возникшего умысла, ни идеальной совокупностью, для которой характерно совершение одного деяния, подпадающего под различные статьи Особенной части УК, поскольку при убийстве одного человека и покушении на убийство другого в рассматриваемом случае статья Особенной части одна»

[7, с. 99]. В связи с этим стоит согласиться с Г. Борзенковым в том, что убийство двух и более лиц является единым преступлением, его нельзя расчленять на «эпизоды» с самостоятельной квалификацией каждого [4, с. 38].

Также вновь имеет смысл обратить внимание на то, что при установлении правил квалификации преступлений Пленум Верховного Суда РФ непоследователен. Так, в п. 25 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое»¹ отражается следующая позиция судебного органа: в ситуации, когда виновный не достиг желаемого результата, однако в совершенном им деянии наличествуют признаки оконченного преступления, необходимо квалифицировать действия как покушение на преступление в пределах умысла. Тем самым данное правило квалификации преступлений против собственности находится в противоречии с правилом квалификации убийств, поскольку, следуя логике вышеназванного постановления, убийство нескольких лиц при незавершенной реализации умысла и наличии лица, которому причинена смерть, должно квалифицироваться только по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, то есть как покушение на преступление в пределах умысла.

Кроме этого, можно заметить, что квалификация убийства нескольких лиц при частичной реализации умысла ставит под сомнение соблюдение принципа справедливости, поскольку при назначении наказания по совокупности преступлений (ч. 1 ст. 105, ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ) суд, руководствуясь ч. 3 ст. 69 УК РФ может превысить максимальный размер наказания в виде лишения свободы на определенный срок, установленный санкцией оконченного преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ. Г. Борзенков справедливо замечает, что «это может спровоцировать виновного на доведение до конца задуманного преступления, то есть на убийство оставшегося в

живых потерпевшего, поскольку в таком случае совокупности не будет» [4, с. 40]. Конечно, в качестве наказания виновному в совершении оконченного преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 105 УК РФ, суд вправе назначить наказание в виде пожизненного лишения свободы, однако практика показывает, что в 99 % случаев все же речь идет о применении наказания в виде лишения свободы на определенный срок².

Также при квалификации по совокупности преступлений убийств двух и более лиц с частичной реализацией умысла возможно усмотреть нарушение общепризнанного принципа *non bis in idem*. В какой-то мере точку в данном аспекте поставил Конституционный Суд РФ, заняв позицию, что покушение на убийство двух лиц и умышленное причинение смерти другому человеку не соотносятся как целое и часть, поскольку предполагают различные общественно опасные последствия и различную направленность умысла и не предусматривает двойного учета одного и того же обстоятельства одновременно при квалификации преступления и при определении вида, меры ответственности [10; 11]. Кроме этого, Конституционный Суд РФ в указанном решении поддержал действующую позицию Пленума ВС РФ и отметил, что по смыслу взаимосвязанных положений норм Особенной части УК РФ (где содержится квалифицирующий признак убийства, связанный с числом потерпевших) и Общей части УК РФ (где определяется понятие совокупности преступлений и покушения на преступление), убийство одного человека и покушение на убийство другого не может рассматриваться как оконченное преступление — убийство двух лиц, в таких случаях независимо от последовательности преступных действий содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

На наш взгляд, отдельного внимания заслуживает частный случай рассматриваемой в данной статье проблемы – решение вопроса о квалификации убийств в ситуациях, когда виновный посягал на жизнь более двух человек, при этом погибли только двое потерпевших, на жизнь остальных совершено покушение.

¹ Когда лицо, совершившее грабеж, имело цель завладеть имуществом в крупном или особо крупном размере, но фактически завладело имуществом, стоимость которого не превышает двухсот пятидесяти тысяч рублей либо одного миллиона рублей, его действия надлежит квалифицировать соответственно по части третьей статьи 30 УК РФ и как покушение на грабеж, совершенный в крупном размере или в особо крупном размере [18].

² За период 12 месяцев 2015 года 52 лица из 1877 лиц осуждено по ч. 2 ст. 105 УК РФ к пожизненному лишению свободы [14].

В таких случаях возможно несколько вариантов квалификации убийства: первый — ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (покушение на убийство нескольких лиц); второй — п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (оконченное убийство двух и более лиц); третий — ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ (покушение на убийство двух или более лиц и окончченное убийство двух лиц).

Отметим, что теория уголовного права требует квалификации указанных действий по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ как деяние, не доведенное в задуманном объеме до конца, по независящим от лица обстоятельствам. Однако такая формула квалификации не соответствует характеру и степени общественной опасности содеянного. Поэтому большинство ученых избрало иную позицию — квалифицировать действия виновного как окончченное убийство двух и более лиц. К примеру, А. Попов полагает, что факт покушения на убийство лиц, не погибших по независящим от воли виновного причинам, не должен получать отражение в квалификации, поскольку причинением смерти нескольким потерпевшим он уже выполнил состав преступления, предусмотренного п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ, тем самым вменяя дополнительно покушение на убийство тех лиц, которые в этом случае благодаря счастливой случайности остались живы, не требуется, если посягательство на их жизнь было реализацией первоначального умысла виновного [15, с. 44]. Такая позиция, на наш взгляд, представляется наиболее оптимальной, поскольку при такой квалификации достигается баланс объема юридической ответственности.

Несмотря на то, что при квалификации действий виновного, окончченных составом преступления, в качестве одного целого и неоконченных составом действий в качестве самостоятельного деяния достигается максимально подробная юридическая формула обвинения (ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ), все же необходимо констатировать законодательно заложенный в ней объем юридической ответственности, превышающий максимальное наказание в виде лишения свободы на определенный срок за окончченное убийство двух более лиц¹. Однако именно по такому пути следует судебная практика.

¹ В случае полной реализации виновным умысла на убийство более двух лиц его действия не образуют совокупность преступлений и квалифицируются только по п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ.

Например, действия Л. по убийству Ш.Е. и А.О., покушению на убийство М.Г. и А.Г. следствием и впоследствии при вынесении обвинительного приговора судом квалифицированы по ч. 3 ст. 30, п.п. «а, к» ч. 2 ст. 105, п.п. «а, к» ч. 2 ст. 105 УК РФ вне зависимости от последовательности возникновения умысла [20].

Невзирая на то, что в действующих разъяснениях Верховного Суда РФ относительно квалификации убийств не придается юридического значения установлению момента возникновения умысла на совершение убийства каждого из потерпевших, мы разделяем предложенную С. Скляровым [24, с. 35] оценку действий убийцы, частично реализовавшего свой умысел на лишение жизни двух и более человек.

Так, если виновный действовал с единым умыслом на убийство нескольких потерпевших, в результате чего смерть причинена только одному из них, то его действия подлежат квалификации как окончченное убийство по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК РФ (при наличии соответствующих отягчающих обстоятельств п.п. «б-м») и по ч. 3 ст. 30, п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ как покушение на убийство двух и более лиц.

В случае если виновный совершил убийство одного лица, а после этого у него возник умысел на лишение жизни другого лица (лиц), который не был доведен до конца по независящим от виновного обстоятельствам, то деяние должно квалифицироваться как окончченное убийство одного лица по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 УК РФ (при наличии соответствующих отягчающих обстоятельств п.п. «б-м») и как покушение на убийство другого по ч. 3 ст. 30, ч. 1 или ч. 2 (при наличии соответствующих отягчающих обстоятельств п.п. «б-м») ст. 105 УК РФ, поскольку в такой ситуации умысел на убийство другого лица был самостоятельным и именно он не был реализован в задуманном преступном объеме.

Таким образом, наличие приведенных в статье различных точек зрения относительно вопросов квалификации убийств, при этом отсутствие одной неоспоримой точки зрения негативно влияют на эффективность уголовно-правовых норм, объем и характер правоприменительных ошибок, допускаемых как на этапе предварительного следствия, так и при вынесении приговоров. Отметим, что обеспечение со-

гласованности разъяснений высшего судебного органа страны относительно квалификации отдельных видов преступлений будет способствовать формированию единообразной практики правоприменения и принципа правовой определенности. А следование сложившимся в практике правилам квалификации убийств должно в целях соблюдения принципа справедливости нивелироваться назначением наказания в точном соответствии с характером и степенью общественной опасности совершенного деяния, не допуская при этом необоснованного снижения или увеличения объема уголовной ответственности виновного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апелляционное определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по делу № 4-АПУ13-14 от 07.05.2013 [Электронный ресурс] // URL: http://supcourt.ru/stor_pdf.php?id=538724 (дата обращения: 07.02.2016).
2. Бабий Н. Ответственность за убийство двух и более лиц // Законность. 2004. № 8.
3. Белокуров О.В. Квалификация убийства. М.: Юрист, 2004 [Электронный ресурс] // URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p0/instrum3433/item3446.html> (дата обращения: 13.11.2016).
4. Борзенков Г.Н. Квалификация против жизни и здоровья. М.: ИКД «Зерцало-М», 2005.
5. Бородин С.В. Преступления против жизни. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2003.
6. Бюллетень Верховного Суда СССР. 1963. № 4.
7. Корнеева А.В. Теоретические основы квалификации преступлений: учебное пособие / отв. ред. А.И. Рагоз. М.: Проспект, 2013.
8. Косарев С.Ю. Проблемы квалификации единовременного убийства и покушения на убийство // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2013. № 2 (19).
9. Мадьярова А.В. Разъяснения Верховного Суда Российской Федерации в механизме уголовно-правового регулирования. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2002.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 23.10.2014 №2510-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Богданова Николая Васильевича на нарушение его конституционных прав пунктом “а” части второй статьи 105 УК РФ и положением постановления Пленума Верховного Суда РФ “О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)”» // СПС КонсультантПлюс.
11. Определение Конституционного Суда РФ от 23.12.2014 № 2858-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Республики Азербайджан Мамедова АразаГараОглы на нарушение его конституционных прав пунктом “а” части второй статьи 105 УК РФ» // СПС КонсультантПлюс.
12. Определение Судебной коллегии Верховного Суда РФ по делу № 48-Д11-25 от 19.01.2012 [Электронный ресурс] // URL: http://supcourt.ru/stor_pdf.php?id=473522 (дата обращения: 07.02.2016).
13. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 27.09.2011 № 67-011-81 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.
14. Отчет о числе привлеченных к уголовной ответственности и видах уголовного наказания за 12 месяцев 2015 года (статистическая форма №10.1) [Электронный ресурс] Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ // URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2015/k4-svod-2015.xls (дата обращения: 12.11.2016).
15. Попов А.Н. Посягательство на жизнь двух и более лиц (п.п. «А», «н» ч. 2 ст. 105 УК РФ). СПб., 2001.
16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» [Электронный ресурс] // URL: http://vsrf.ru/Show_pdf.php?Id=8734 (дата обращения: 12.11.2016).
17. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» [Электронный ресурс] // URL: http://vsrf.ru/vscourt_detale.php?id=984 (дата обращения: 13.12.2015).
18. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 №29 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // СПС КонсультантПлюс.
19. Приговор Оренбургского областного суда по делу № 1-66/2012 [Электронный ресурс] // URL: https://oblsud--orb.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=887245&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=6148_ (дата обращения: 13.11.2016).
20. Приговор Ростовского областного суда от 16.10.2015 по уголовному делу № 2-29/2015 [Электронный ресурс] // URL: https://oblsud--ros.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=1280564&delo_id=1540006&new=0&text_number=1&case_id=11614 (дата обращения: 07.02.2016).
21. Приговор Северо-Кавказского окружного военного суда от 27.04.2010 [Электронный ресурс] // URL: <https://rospravosudie.com/court-severo-kavkazskij-okruzhnoj-voennyj-sud-rostovskaya-oblast-s/act-106066343/> (дата обращения: 07.02.2016).
22. Сверчков В.В. Уголовное право. Общая и Особенная части: учеб. пособие. М.: Издательство Юрайт, 2011.
23. Семернева Н.К. Квалификация преступлений (часть Общая и Особенная): научно-практическое пособие. М.; Екатеринбург: Проспект, Изд. дом «Урал.гос. юрид. акад.», 2010.
24. Складов С.В. Квалификация убийства двух и более лиц // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2012. № 6(32).
25. Спиридонова Л.Э. Проблемы квалификации действий лица в условиях фактической ошибки при наличии умысла на убийство двух и более потерпевших // Законность. 2012. № 10.

26. Суд присяжных: квалификация преступлений и процедура рассмотрения дел: научно-практическое пособие / под ред. А.В. Галаховой. М.: Норма, 2006.

27. Толмачев О. Квалификация преступлений при частичной реализации умысла // Российская юстиция. 2000. № 12. С. 30–31.

28. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2015.

29. Уголовное право России. Части Общая и Особенная: учебник / под ред. А.В. Бриллиантова. М.: Проспект. 2015.

УДК 343.1

DOI: 10.23683/2313-6138-2019-6-1-23-28

© 2019 М.М. Коблева¹

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВА ОБВИНЯЕМОГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу процессуальных прав обвиняемого, поднимается дискуссионный вопрос о праве обвиняемого на дачу заведомо ложных показаний, изложены современные подходы к трактовке понятия «субъективное право» и сделан вывод о необходимости запрета на оговор заведомо для обвиняемого невиновного лица.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: права обвиняемого; дача ложных показаний; оговор невиновного; участие защитника; процессуальная защита обвиняемого.

PROCEDURAL RIGHTS OF THE ACCUSED IN THE CRIMINAL PROCEDURE

ABSTRACT. Analysing procedural rights of the accused, the article raises the controversial issue of the right of the accused to perjury. The author describes current approaches to the interpretation of the *legal right* concept and concludes that it is necessary to prohibit slandering those known to the accused as innocent persons.

KEYWORDS: rights of the accused; perjury; slandering the innocent; participation of the counsel for defendant; procedural defence of the accused.

¹ Коблева Мария Мухадиновна, кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовно-процессуального права РФ ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», 117418, г. Москва, ул. Новочеремушkinsкая, д. 69

Kobleva, Maria M., PhD in Law, Associate Professor — Chair of Criminal Procedure Law, Russian State University of Justice, 69 Novocheremushinskaya St., Moscow 117418, Russian Federation

Все права обвиняемого, которые предусмотрены УПК РФ, должны неукоснительно соблюдаться судом, прокурором, руководителем следственного органа, следователем, дознавателем, органом дознания. Более того, указанные участники уголовного процесса должны предоставить обвиняемому возможность реально использовать права, которые предусмотрены УПК РФ. В случае, если обвиняемому не будет обеспечена возможность пользоваться его процессуальными правами, то это будет квалифицировано как существенное нарушение уголовно-процессуального закона [10, с. 87].

Так, в рамках производства предварительного следствия были скрытно от обвиняемых получены образцы их голосов, в отсутствие их защитников, без разъяснения им процессуальных прав, на их основании были произведены фоноскопические экспертизы, что было осуществлено в нарушение положений ст. ст. 47, 166 УПК РФ. В связи с этим судом были обоснованно исключены из числа доказательств данные заключений фоноскопических экспертиз [8].

Общие процессуальные права обвиняемого содержатся в ч. 3 и ч. 4 ст. 47 УПК РФ. Права обвиняемого можно найти и в других статьях УПК РФ, в которых они конкретизируются, раскрываются и детализируются. Кроме того, некоторые права обвиняемых были детально регламентированы в решениях Конституционного Суда РФ. Так, согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, обвиняемый вправе знакомиться с документами, подтверждающими законность и обоснованность применения к нему мер процессуального принуждения, решение о которых принимал суд [6].

В соответствии с ч. 3 ст. 47 УПК РФ [11] «обвиняемый вправе защищать свои права и законные интересы и иметь достаточное время и возможность для подготовки к защите». Как отмечают специалисты, достаточно часто в рамках уголовного судопроизводства судами нарушаются именно положения ч. 3 ст. 47 УПК РФ. Это, например, может выражаться в том, что обвиняемому не представлено достаточно времени и возможности, чтобы подготовиться к защите. Подобные нарушения права на защиту в силу с п. 4 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ являются

существенными нарушениями уголовно-процессуального закона, влекущими отмену решения суда.

Так, в рамках судебных прений подсудимый М. для того, чтобы проанализировать речь государственного обвинителя и аргументированно ответить на его доводы, заявил ходатайство о том, чтобы ему было предоставлено время для подготовки совместно с защитником к выступлению в судебных прениях. Председательствующий частично удовлетворил ходатайство подсудимого, предоставив ему один час для подготовки, но без участия защитника. После того, как прения были возобновлены, адвокат подсудимого заявил о том, что права подсудимого по использованию помощи защитника ущемлены, просил занести данное заявление в протокол судебного заседания. Председательствующим данное заявление было оставлено без внимания, возможность получения консультации у защитника перед выступлением в прениях М. не была предоставлена. После окончания прений М. сообщил, что к последнему слову не готов, так как ему требуется консультация адвоката, просил судебное разбирательство отложить на другой день, однако председательствующий в предоставлении времени и консультации с защитником также отказал. Из протокола судебного заседания следует, что осужденный по существу обвинения в последнем слове ничего не сказал [9].

В ч. 4 ст. 47 УПК РФ содержится общий перечень прав обвиняемого, к которым относятся:

1) право знать, в чем он обвиняется. Обвинение должно предъявляться лицу не позднее 3 суток со дня, когда ему было вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого (ч. 1 ст. 172 УПК РФ). Данное право конкретизируется его правом на получение копий постановлений о возбуждении уголовного дела и привлечении его в качестве обвиняемого, а также иных постановлений. В связи с этим копия указанного постановления должна вручаться или направляться обвиняемому не в момент предъявления обвинения, а немедленно после того, как оно вынесено, если местонахождение обвиняемого известно;

2) право возражать против обвинения, давать показания по предъявленному ему обвинению либо отказаться от дачи показаний.

Рассматриваемое право базируется на конституционном праве на защиту, которое подразумевает под собой возможность защищаться всеми средствами и способами, которые не запрещены законом (ст. 45 Конституции РФ, ст. 16, 47 УПК РФ). Данное право подразумевает выдвижение обвиняемым таких доводов в свою защиту, которые бы состояли не только в указании на фактические обстоятельства, но и в выдвижении оправдательных версий. Согласно ч. 2 ст. 14 УПК РФ бремя опровержения доводов, которые приводятся в защиту подозреваемого или обвиняемого, лежит на стороне обвинения. Поэтому обвиняемый не только вправе давать показания, но и оценивать их, делать предположения и версии по его защите, которые обвинитель и суд должны проверить в полном объеме, а обвинитель еще и должен их опровергнуть. Если оправдательная версия обвиняемого не была опровергнута доказательствами, то он должен быть признан невиновным.

Он также имеет право отказаться от дачи любых показаний. Это его конституционное право. Данное право обусловлено действием принципа невиновности и тем, что бремя доказывания виновности возложено на обвинителя (ч. 2 ст. 14 УПК РФ). Данному праву корреспондирует и запрет на повторный допрос обвиняемого при его отказе от дачи показаний на первом допросе, который был ранее неизвестен нашему законодательству (ч. 4 ст. 173 УПК РФ). В случае, если обвиняемый согласен дать показания, он должен предупреждаться о том, что его показания могут быть использованы как доказательства по уголовному делу, даже если он в последующем откажется от данных показаний. Исключение составляют только случаи, когда обвиняемый дал показания в ходе досудебного производства по уголовному делу в отсутствие защитника, в том числе и когда он отказался от защитника, и они не были подтверждены обвиняемым в суде.

Однако в рамках данного права возник вопрос о том, имеет ли обвиняемый право давать заведомо ложные показания. Однако закон и не запрещает осуществлять такие действия. Как отмечают исследователи, подавляющее большинство подозреваемых и обвиняемых оказывает сопротивление следствию, в том числе

посредством дачи заведомо ложных показаний со стороны обвиняемого (подозреваемого) [5, с. 214].

В научной литературе представлено три основных мнения по поводу вопроса о праве обвиняемого на дачу заведомо ложных показаний. Сторонниками первой позиции предлагается на законодательном уровне закрепить за обвиняемым право на ложь, если она является способом защиты от предъявленного обвинения, поскольку в результате он будет претерпевать неблагоприятные последствия. Данные исследователи считают ложь субъективным правом обвиняемого [2, с. 17].

Другие ученые обращают внимание на то, что, с одной стороны, ложь обвиняемого является определенным способом его защиты, с другой, — ложь является правонарушением, представляя собой опасность не только для интересов правосудия, но и для интересов отдельных граждан. Данные авторы исходят из того, что право на защиту не может быть беспредельным и может быть ограничено в целях защиты прав и свобод других лиц. Так, Ф.Н. Багаудинов считает, что действия обвиняемого (подозреваемого), который сообщил правоохранительным органам заведомо ложную информацию о виновности другого лица в совершении инкриминируемого преступления, должны подпадать под уголовную ответственность.

Согласно третьей позиции, дача обвиняемым заведомо ложных показаний, если этим причиняется вред правам и законным интересам других лиц, представляет собой форму злоупотребления правом [4, с. 47].

Для ответа на вопрос, относится ли право обвиняемого на дачу заведомо ложных показаний к его субъективным правам или же является формой злоупотребления правом, следует разобраться в том, что же представляют собой данные правовые феномены.

В теории права традиционной трактовкой понятия «субъективное право» является мера возможного поведения, которая предоставлена уполномоченному лицу для защиты, удовлетворения конкретных потребностей (интересов), обеспеченная обязанностью других лиц и признанная, гарантируемая государством [13, с. 20]. Вместе с тем нельзя говорить о том,

что субъективное право является абсолютной свободой, это, скорее, возможность, у которой также есть определенные границы, и границы эти проходят там, где начинаются субъективные права и интересы других лиц.

Что касается понятия «злоупотребление субъективным правом», то в юридической науке до сих пор не сформулировано его общепризнанное определение. Однако сформулированы основные признаки, которые характеризуют данное правовое явление. К ним следует отнести:

- причинение субъектом в процессе осуществления субъективного права вреда другим участникам общественных отношений;

- осуществление конкретного субъективного права в противоречии с его назначением [3, с. 11].

При этом важное значение имеет именно умышленное применение прав или правовых средств в противовес их социальному назначению или с целью создания объективных препятствий для реализации прав другими участниками процесса с возможным наступлением последствий в отсутствии нарушения конкретных юридических запретов или обязанностей. Злоупотребление связывается не с содержанием права, а с его осуществлением. При злоупотреблении правом не нарушаются конкретные предписания закона, любое злоупотребление правом всегда противоправно, так как в результате его злоупотребления нарушается принцип недопустимости злоупотребления правом, который нашел свое закрепление в ч. 3 ст. 17 Конституции РФ.

В уголовном процессе личность в подавляющем большинстве случаев исходит из собственных интересов, которые далеко не всегда соответствуют интересам другой личности, а тем более общественным или государственным интересам, очень часто лицо может идти в противовес им. Нарушение прав и законных интересов в уголовно-процессуальных отношениях может иметь значимые последствия. Поэтому свободу человека в выборе вариантов поведения в уголовном судопроизводстве в рамках осуществления прав следует ограничить не только запретом осуществления противоправного поведения, но и злоупотребления правом. При этом запрету подлежат только те

действия, которые могут причинить вред иным лицам. Вместе с тем субъективное право нельзя рассматривать в отрыве от конкретной отрасли права, необходим определенный контекст. И таковой границей должен стать запрет на оговор заведомо для обвиняемого невиновного лица. В противном случае он должен нести уголовную ответственность [1, с. 81].

3) предъявлять доказательства. Данное право реализуется не только посредством дачи показаний, но и представлением иных доказательств (например, показаний свидетелей), а также правом заявлять ходатайства (п. 5 ч. 4 ст. 47). При этом следователь обязан удовлетворять ходатайства обвиняемого о допросе свидетелей, производстве судебной экспертизы и проведении иных следственных действий, если обстоятельства, об установлении которых они ходатайствуют, могут иметь значение для данного уголовного дела (ч. 2 ст. 159 УПК РФ). Кроме того, суд также не имеет права отказать в удовлетворении ходатайства о допросе в судебном заседании лица в качестве свидетеля или специалиста, который явился в суд по инициативе стороны защиты (ч. 4 ст. 271 УПК РФ);

4) вправе иметь свидания с защитником наедине и конфиденциально, в том числе до того, когда будет проведен первый допрос обвиняемого. Данные свидания не могут быть ограничены по их числу и продолжительности. Следует учитывать, что положение об ограничении дознавателем, следователем продолжительности свиданий меньше 2 часов при необходимости производства процессуальных действий распространяется только на подозреваемого (ч. 4 ст. 92 УПК РФ), но не обвиняемого.

Данные свидания должны происходить конфиденциально, что должно обеспечиваться следователем, дознавателем, органом дознания, судом, администрацией мест содержания под стражей. В соответствии с ч. 2 ст. 18 Федерального закона от 15.07.1995 № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [12], данные свидания сотрудник места содержания под стражей может видеть (в целях безопасности), но не слышать. И это правило относится не только к сотрудникам мест содержания под стражей, но и к другим должностным лицам правоохранительных органов;

5) знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела и выписывать из уголовного дела любые сведения и в любом объеме. Данные материалы должны предъявляться обвиняемому, который содержится под стражей, и его защитнику не позднее чем за 30 суток до окончания предельных сроков содержания под стражей, которые установлены ч. 2 и 3 ст. 109 УПК РФ;

б) самостоятельно и с помощью защитника снимать за свой счет копии с материалов уголовного дела (п. 13 ч. 4 ст. 47 УПК РФ). Данные субъекты вправе это делать как после окончания предварительного расследования, так и на других стадиях уголовного судопроизводства. При этом должностные лица не вправе им отказать в этом, поскольку в таком случае его права будут нарушены. Согласно правовой позиции Конституционного Суда РФ, в положениях п. п. 12 и 13 ч. 4 ст. 47 УПК РФ не ограничивается право на ознакомление с материалами уголовного дела только ознакомлением лишь с определенными документами. Обвиняемый вправе снимать копии с находящихся в материалах уголовного дела вещественных доказательств, например, видеозаписей, содержащих информацию, которая имеет значение для установления тех или иных обстоятельств дела [7];

7) как свидетельствует практика применения, спорным является вопрос об обязанности следователя (дознателя) по требованию обвиняемого заверять копии документов и протоколов из материалов дела. На наш взгляд, такая обязанность существует и вытекает она из публичного характера уголовного судопроизводства. Иначе такое право обвиняемого обесценится, поскольку снижается возможность обжалования им действий следователя, дознателя прокурору или в суд незаверенных копий документов, так как не будет достоверно известно достоверны они или нет;

8) участвовать в разбирательстве уголовного дела во всех инстанциях, которые предусмотрены УПК РФ. Уголовное дело должно рассматриваться в судебном заседании не ранее, чем через 7 суток, после того как обвиняемому будут вручены копии обвинительного заключения или обвинительного акта (ч. 2 ст. 233 УПК РФ);

9) обвиняемый обладает правом на реабилитацию при его оправдании. Важным проявлением указанного права является право обвиняемого на возражение против прекращения уголовного дела по основаниям, которые предусмотрены ч. 2 ст. 27 УПК РФ;

10) важной гарантией реализации принципа состязательности судопроизводства и права обвиняемого на защиту выступает право обвиняемого (подозреваемого) и его законного представителя и защитника на участие в судебных заседаниях: он вправе участвовать не только при непосредственном рассмотрении его уголовного дела, но и при решении судом вопроса об избрании в отношении него мер пресечения в виде заключения под стражу или домашнего ареста, залога, продления срока содержания под стражей и т. д.

Обвиняемый имеет и иные права, которые обуславливают его право на защиту иными средствами и способами, которые не запрещены УПК РФ.

Таким образом, общий перечень прав обвиняемого содержится в ст. 47 УПК РФ, а также в других статьях УПК РФ, в которых они конкретизируются, раскрываются и детализируются.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева О.И. Право обвиняемого на дачу заведомо ложных показаний — субъективное право или злоупотребление правом? Правовые проблемы укрепления российской государственности. М.: Эксмо, 2015. С. 81.
2. Коробеев А.И., Кулешов Ю.И. Лжесвидетельство: наболевшие проблемы правовой ответственности. М.: Статут, 2015. С. 17.
3. Малиновский А.Л. Злоупотребление субъективным правом как юридический феномен. М.: Норма, 2016. С. 11.
4. Матутин Я.Н. Уголовная ответственность подозреваемых (обвиняемых, подсудимых) за заведомо ложные показания. М.: ЮНИТИ, 2015. С. 47.
5. Ножиков Л.С. Правдивые показания правовые меры стимулирования в России и за рубежом. М.: ЮНИТИ, 2015. С. 214.
6. Определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2003 года № 173-О «По жалобе гр. Коваля С.В. на нарушение его конституционных прав положениями статей 47 и 53 УПК РФ» // Российская газета. 2003. № 178.
7. Определение Конституционного Суда РФ от 15 ноября 2007 года № 924 «По жалобе гр. Козлова Д.Б. на нарушение его конституционных прав п. 13 ч. 4 ст. 47, п. 1 ч. 2 ст. 75, ч. 1 ст. 285 УПК РФ и п. 1 ч. 1 ст. 6 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Российская газета. 2007. № 890.

8. Определение СК по УД ВС РФ от 10 марта 2010 года № 83 «Обзор судебной практики Верховного Суда РФ за четвертый квартал 2009 года, утвержденный Постановлением Пленума ВС РФ» // Российская газета. 2009. № 83.

9. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 5 сентября 2013 года № 78-АПУ13-28 «Апелляционное определение» // Российская газета. 2013. № 78.

10. *Смирнов А.В., Калиновский К.Б.* Уголовный процесс: учебник. М.: КНОРУС, 2018. С. 87.

11. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 06.03.2019) [Электронный ресурс] // СПС «КонсультантПлюс».

12. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (ред. от 28 декабря 2016 г.) «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759; 2018. № 156. Ст. 2433.

13. *Хохлова Е.М.* Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: дис. ... канд. юрид. наук. М.: ЮНИТИ, 2015. С. 20.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ГРАЖДАНСКИЙ ПРОЦЕСС

УДК 347.19

DOI: 10.23683/2313-6138-2019-6-1-29-34

© 2019 А.Н. Левушкин¹, И.К. Кузьмина²

ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПРИЗНАНИЯ ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА БАНКРОТОМ

АННОТАЦИЯ. Существует достаточное количество проблем правового регулирования признания физического лица банкротом. В правоприменительной практике при применении отдельных процедур признания физического лица банкротом возникают сложности правоприменения.

В статье проводится правовой анализ материалов судебной практики по делам о банкротстве физических лиц, сформулированы выводы и некоторые предложения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: физические лица; судебная практика; банкротство; процедуры банкротства; последствия признания гражданина банкротом.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE OF DECLARING AN INDIVIDUAL BANKRUPT

ABSTRACT. There are many problems of legal regulation of the recognition of an individual bankrupt. In law enforcement practice, the application of certain procedures for the recognition of an individual bankrupt, there are difficulties in law enforcement.

The article provides a legal analysis of the materials of judicial practice in cases of physical bankruptcy, conclusions and some proposals.

KEYWORDS: individuals; litigation; bankruptcy; bankruptcy procedures; the consequences of recognition of a citizen bankrupt.

¹ **Левушкин Анатолий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), 125993, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, д. 9; профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия, 117418, г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69, lewuskin@mail.ru

Levushkin, Anatoly N., Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of business and corporate law of the Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSLA), 9 Sadovaya-Kudrinskaya St., Moscow 125993, Russian Federation; Professor of civil law Department Russian State University of Justice, 69 Novocheremushinskaya St., Moscow 117418, Russian Federation, lewuskin@mail.ru

² **Кузьмина Ирина Константиновна**, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Ульяновского государственного университета, 432017, г. Ульяновск, ул. Л. Толстого, д. 42; kuzminaik@bk.ru

Kuzmina, Irina K., PhD in law, Associate Professor of civil law and procedure, Ulyanovsk State University, 42 L. Tolstogo St., Ulyanovsk 432017, Russian Federation, kuzminaik@bk.ru

Дела о банкротстве по общему правилу подлежат рассмотрению арбитражным судом, что регулируется нормами Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации [1] (далее — АПК РФ), а также специальными нормами, предусмотренными Федеральным законом от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [16] (далее — ФЗ № 127-ФЗ).

Установлено, что должник обязан предоставить о себе, а именно о своем имуществе и долговых обязательствах, полную информацию для того, чтобы суд вообще принял от него такого рода заявление. Министерством юстиции России на основании Приказа Министерства экономического развития России от 05 августа 2015 г. № 530 [13] были зарегистрированы соответствующие формы, согласно которым должником будут предоставляться сведения о его долговых обязательствах перед кредиторами и находящемся у него в собственности имуществе. Хотя предоставление таких документов имеет формальный характер, банкротство граждан в этом плане существенно отличается от банкротства юридических лиц.

Также у судов имеется такая проблема, как определение места жительства должника, в отношении которого ведется дело о банкротстве. У судов отсутствует база таких должников, однако дело должно быть рассмотрено по месту его жительства, а должник в может быть временно зарегистрирован либо проживать в другом регионе, что затрудняет определение подсудности такого рода дел.

Весьма сложным является вопрос выделения денежных средств со стороны финансового управляющего для обеспечения нормальной жизнедеятельности должника, к каковым можно отнести расходы на коммунальные платежи, медицинское обслуживание. В случае отказа в выделении денежных средств на указанные расходы должника могут возникнуть негативные последствия. В связи с этим необходимо законодательно закрепить обязанность финансового управляющего выделять денежные средства на расходы данной категории, так как сам гражданин-банкрот нередко не является юридически грамотным и подкованным в данном вопросе и не может в полной мере защитить свои права как полноценный участник арбитражного процесса [2, с. 65].

В правоприменительной практике нередко возникает проблема, кого же назначить финансовым управляющим в деле о банкротстве ввиду низкого размера вознаграждения в районе 10 тыс. руб. в месяц и отсутствия соглашения от него принимать участие в деле, так как работа финансового управляющего предполагает выполнение большого объема юридически значимых действий. Если финансовый управляющий не назначен в течение трех месяцев с момента, когда это назначение должно произойти, арбитражный суд вправе вынести решение о прекращении производства по делу о банкротстве. Предполагается, что такое решение приводит к нарушению права на защиту гражданина-банкрота, обратившегося с таким заявлением.

Представляется необходимым соблюсти баланс между интересами гражданина-банкрота и финансового управляющего, а именно действия последнего должны учитывать охраняемые законом конституционные права гражданина, в особенности, неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров и т.д.

Существующее правовое регулирование реабилитационных процедур банкротства неэффективно, в связи с чем можно выделить следующие признаки неэффективности:

1. Судами навязывается план реструктуризации долга кредиторам;
2. Должник сохраняет право владения имуществом;
3. Права аффилированных к должнику кредиторов при банкротстве сохраняются;
4. Кредиторы подразделяются на классы;
5. Кредиторам предоставляется возможность получить корпоративный контроль над должником в обмен на погашение долга.

Необходимо отметить, что не принесет большой пользы полное копирование зарубежных моделей реабилитации при банкротстве и их перенос в российскую систему права, пока на практике правовая система не будет соответствовать особенностям отечественной экономики и смежных правовых институтов.

Достаточно дискуссионным моментом в юридической науке является необходимость должника предоставить банковскую выписку по счету за последние 3 года. В науке В.А. Кустов

справедливо задается вопросом получения выписок за последние три года по счету из банка, который уже прекратил свою деятельность, также затруднительным является невозможность получения копии соглашения о разделе имущества, в случае если оригинал находится у бывшего супруга и связь с ним утеряна, и гражданин не помнит, у какого нотариуса оно было удостоверено [8, с. 9].

В настоящее время, несмотря на широкое распространение различных интернет-порталов государственных услуг, сбор документов может представлять некие затруднения, в частности, может затянуться ожидание запросов о предоставлении того или иного документа, а также не все документы можно получить через указанные сервисы. В связи с этим предлагается создать механизм содействия гражданину в получении необходимых документов для обращения с заявлением в суд, может быть даже полезным учреждение специальных юридических служб, которые должны оказывать помощь гражданам-банкротам по сбору документов, так как в настоящее время эту функцию может выполнять лишь адвокат, оплатить услуги которого гражданин может далеко не всегда, особенно при условии, что он обращается в суд с целью признания его банкротом.

После сбора всех необходимых документов необходимо решить вопрос о том, какое имущество гражданина-должника будет являться конкурсной массой, а какое — нет. Здесь важно провести границу между исключительным и совместно нажитым имуществом должника. Здесь также характерно отсутствие единого подхода к определению стоимости имущества, составляющего конкурсную массу, и возможности реализации его при банкротстве. Неясно, как при этом будут реализовываться творческие объекты, исключительные права на объекты авторского права, смежные права, патентное право и средства индивидуализации, если на них выданы лицензии.

По закону за исключением перечня имущества, установленного ст. 446 ГПК РФ [5], в конкурсную массу должно быть включено все имущество должника, сюда же входит его доля в общем имуществе, в том числе и в совместно нажитом супругами, исходя из положения ст. 38 Семейного кодекса Российской Федера-

ции, в которой указана обязанность выплаты супругу или бывшему супругу доли от реализации совместно нажитого имущества [14]. Однако здесь необходимо учитывать, что эта доля также может включать в себя доли иждивенцев, к которым принято относить детей и иных иждивенцев должника, что является пробелом правового регулирования и подлежит разрешению.

На практике в связи с этим возможно возникновение ситуаций, когда будут нарушены права указанной категории субъектов: супругов, иждивенцев и детей, — что наиболее характерно для ситуации, когда правами по распоряжению имуществом начинает обладать арбитражный управляющий, действующий от имени гражданина-должника, что ограничивает права лица, которое также имеет долю в общем имуществе, включенном в конкурсную массу, распоряжаться таким имуществом, что противоречит ст. 45 Семейного кодекса Российской Федерации, в которой установлено, что «по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга, а при его недостаточности кредитор вправе требовать выдела доли супруга-должника, которая причиталась бы супругу-должнику при разделе общего имущества супругов для обращения на нее взыскания». Согласно законодательству, такое требование кредитора рассматривается судом.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо законодательно закрепить нормативно-правовой акт об определении порядка по разделу совместно нажитого и находящегося в долевой собственности супругов имущества, что исключит наличие спорных моментов, возникающих между субъектами в деле о банкротстве. Для этой цели предполагается необходимым сначала произвести раздел общего имущества в суде общей юрисдикции, затем подавать заявление о признании гражданина банкротом.

Основная цель принятия закона о банкротстве граждан — физических лиц также является дискуссионным вопросом в современной юридической науке, в связи с чем имеется несколько точек зрения по данному вопросу. А именно важна проблема восприятия самими гражданами установленной процедуры банкротства

физического лица. Пункт 2 статьи 213.30 ФЗ № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» содержит основную идею, согласно которой банкротством гражданина признается институт освобождения от долгов, которым должник-гражданин вправе воспользоваться один раз в пять лет [7, с. 10]. Другие авторы, наоборот, полагают, что правовая цель принятия указанного закона о банкротстве физических лиц призвана абсолютно исключить ситуацию, при которой банкротство может быть использовано гражданином с целью необоснованно освободиться от долгов, находившихся у него [3, с. 513].

К положительным моментам введения процедуры банкротства гражданина можно отнести его стимулирование погасить имеющиеся долги, особенно в тех случаях, когда у него действительно находится имущество, которое он боится потерять. Также все сделки, которые были совершены должником в период трех лет до того, как им было подано заявление о банкротстве, могут быть оспорены. Поэтому если должник хочет сохранить имущество, составляющее конкурсную массу, он, как правило, начинает искать денежные средства и погашает долги кредиторов.

Проанализировав действующее законодательство о применении процедур банкротства физических лиц, самыми проблемными и нерешенными на практике признаны нормы о последствиях признания гражданина банкротом.

Более детально необходимо рассмотреть проблему возникновения последствий, трудностей и противоречий норм ФЗ № 127-ФЗ, согласно п. 3 ст. 213.30 которого в течение 3 лет после признания гражданина банкротом он лишается права принимать участие в органах управления юридического лица, что является для него дисквалификацией, которая впервые была введена на основании принятого Федерального закона от 08 января 1998 г. № 6-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Исходя из ст. 3.11 КоАП РФ [6], под дисквалификацией следует понимать процедуру, когда физическое лицо лишается возможности находиться на руководящей должности исполнительного органа управления юридического лица, не может входить в состав членов совета директоров (наблюдательного совета), не имеет

прав на осуществление предпринимательской деятельности по управлению юридического лица. Вышеуказанные последствия приравниваются к ограничению правоспособности гражданина-должника, которая согласно ст. 22 ГК РФ [4] не может быть ограничена только на основании закона.

Следует отметить, что гражданин-должник не ограничивается в праве на дальнейшее ведение предпринимательской деятельности, соответственно он может зарегистрироваться в качестве индивидуального предпринимателя. В ст. 216.2 ФЗ № 127-ФЗ содержится запрет на осуществление предпринимательской деятельности, однако в ст. 213.30 указанного закона такое правило отсутствует, поэтому на основании закона гражданин не имеет права регистрироваться как индивидуальный предприниматель лишь в случае, если ранее он регистрировался как предприниматель и признавался в качестве банкрота именно как индивидуальный предприниматель.

Интересной является процедура повторного обращения гражданина за объявлением себя банкротом. ФЗ № 127-ФЗ введено правило, согласно которому происходит ограничение возможности гражданина-должника вновь обратиться в суд с заявлением о признании его несостоятельным в течение 5 лет после того, как он был объявлен банкротом. Однако такого рода заявление в этом случае могут подать кредиторы в отношении гражданина-должника и в течение пятилетнего периода, и суд не сможет отказать принять такое заявление. Гражданин, который повторно признан банкротом, не может освобождаться от долгов, и обязан удовлетворить требования кредиторов. Порядок предъявления требований в этом случае определяется на основании норм ГК РФ.

Считается целесообразным для того, чтобы исключить злоупотребления граждан и повторные обращения с заявлениями о признании гражданина банкротом, определить на законодательном уровне более строгие последствия банкротства, нежели действующие в настоящее время. К таковым можно отнести отсутствие возможности освободиться от долгов вообще, невзирая на период времени, истекший после первого банкротства. Например, М.В. Телюкина полагает, что подобная регламентация мо-

жет быть своеобразной санкцией за проведение повторного банкротства [15, с. 14].

Следующим спорным моментом признается то, что в течение 5 лет с даты, когда в отношении гражданина-должника завершается процедура реализации имущества или прекращается производство по делу о банкротстве, гражданин не может принять на себя исполнение обязательств по кредитному договору и (или) договору займа, если не указан факт его банкротства. Предоставление таких сведений обязательно кредитным организациям и иным заинтересованным лицам, которые имеют право выдавать кредиты и займы. Таким образом, гражданин обязан уведомить о том, что он является банкротом, только при заключении договоров займа и кредитных договоров. В случае если гражданин-должник не сделает такое уведомление, сделку с его участием можно будет признать оспоримой на основании ст. 168 ГК РФ.

А для ситуаций, если такой договор без уведомления уже был заключен, предполагается законодательное внесение необходимых корректив и уточнений в ФЗ № 127-ФЗ.

Для рассмотрения вопроса о банкротстве физических лиц важно исследовать судебную практику по данному вопросу, которая отражает наиболее уязвимые и в недостаточной степени урегулированные положения ФЗ 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

Например, на основании п. 1 ст. 213.30 ФЗ № 127-ФЗ при заключении договора гражданином-банкротом должны предоставляться сведения о его предыдущем банкротстве.

Так, согласно материалам дела № А55-35485/2012, которое рассматривалось Судебной коллегией по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации, гражданин С.А. Кортев выступал в роли поручителя по кредитным договорам, через несколько лет он был зарегистрирован в качестве индивидуального предпринимателя и по истечении двух месяцев от него поступило заявление о признании банкротом в суд, основанием для подачи которого послужило то, что он не мог вернуть долг более 500 миллионов рублей по кредитам. Согласно решению Арбитражного суда Самарской области он был признан банкротом, в отношении его имущества была от-

крыта процедура конкурсного производства, конкурсным кредитором при этом выступал А.В. Бакаев. Согласно определению Верховного суда Российской Федерации от 12 марта 2015 г. № 306-ЭС14-4369 [9] по делу № А55-35485/2012 предприниматель может признаваться банкротом только по долгам, которые связаны с осуществлением им предпринимательской деятельности, на основании чего указанное дело было прекращено, так как судом было установлено отсутствие оснований для открытия конкурсного производства.

Таким образом, приходим к выводу, что нормы закона о банкротстве физических лиц нельзя считать освободительной мерой, которой гражданин может воспользоваться, чтобы списать с себя долги.

Аналогичный случай также имел место, когда Л.П. Ершова в качестве индивидуально-го предпринимателя подала заявление в Арбитражный суд Республики Карелия о признании ее несостоятельной (банкротом), а затем обжаловала указанное решение в кассационном порядке в Федеральном арбитражном суде Северо-Западного округа [12], который в своем постановлении от 05 мая 2005 г. № 13АП-2345/2005 [11] прекратил производство по делу, ссылаясь на тот факт, что если задолженность гражданина — индивидуального предпринимателя, возникла в связи с его деятельностью в качестве физического лица, это не может являться основанием для определения признаков его несостоятельности как предпринимателя.

Небезынтересным будет решение Арбитражного суда Нижегородской области, который в своем определении по делу № 40923/2018 от 29.12.2018 признал заявление ООО «РосФарм» о признании В.В. Рачкова банкротом необоснованным в связи с тем, что на дату проведения судебного заседания задолженность Рачкова В.В. перед ООО «РосФарм» отсутствовала, а заявлений иных кредиторов не имелось.

Немаловажным представляется вопрос определения состава имущества, которое составляет конкурсную массу. Так, Е.А. Гавренкова подала заявление в Арбитражный суд Тамбовской области с целью включить в реестр требований кредиторов должника А.М. Гавренкова, являющегося индивидуальным предпринимателем, образовавшейся у последнего задолжен-

ности по уплате алиментов на несовершеннолетнего иждивенца размером 850 000 рублей. На основании постановления Арбитражного суда Тамбовской области от 10 сентября 2014 г. по делу № А64-2769/2012 [10] Е.А. Гавренковой было отказано в удовлетворении.

В частности, Арбитражный суд Центрального округа города Калуга рассмотрел кассационную жалобу гражданки Е.А. Гавренковой на определение Арбитражного суда Тамбовской области о возможности включения в реестр требований кредиторов индивидуального предпринимателя задолженности по уплате алиментов.

Суд учел, что родители несовершеннолетнего не заключили соглашение об уплате алиментов, отсутствовал судебный акт, который подтверждал размер алиментов, в связи с чем был сделан вывод об отсутствии оснований для удовлетворения заявленных требований.

Исходя из вышеизложенного, приходим к выводу о том, что нормы ФЗ № 127-ФЗ, касающиеся состава имущества, принадлежащего должнику, которое является конкурсной массой, не регулируются должным образом и являются поводом для многочисленных дискуссий. Сейчас в законе просто перечисляется перечень такого имущества, однако необходимо детально истолковать, что же является таким имуществом и что оно в себя включает.

Представляется необходимым должным образом воздействовать на недобросовестных должников, которые хотят через процедуру банкротства добиться списания с себя долгов и скрывают состав своего имущества путем заключения брачных договоров и сделок по отчуждению своего имущества приближенным лицам — членам семьи или родственникам.

Безусловно, банкротство — это довольно эффективный способ защиты граждан, которые, оказавшись в трудной жизненной ситуации, испытывают временные финансовые затруднения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 25.12.2018) // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3012.
2. Банкротство хозяйствующих субъектов: учебник для бакалавров / отв. ред. И.В. Ершова, Е.Е. Енькова. М., 2016.
3. Бушев А.Ю. Комментарий к Федеральному закону «О несостоятельности (банкротстве)» (постатейный): 3-е изд., перераб. и доп. / А.Ю. Бушев, О.А. Городов, Н.С. Ковалевская / под ред. В.Ф. Попондопуло. М.: Проспект, 2011.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.12.2018, с изм. от 18.01.2019) // СЗ РФ. 2002. № 1 (ч. I). Ст. 1.
7. Кораев К.Б. Основная идея законодательства о банкротстве гражданина // Российская юстиция. 2014. № 7. С. 10–13.
8. Кустов В.А. Если завтра банкрот. Для признания гражданина несостоятельным он должен представить исчерпывающую информацию о своем имуществе // Юрист спешит на помощь. 2015. № 10. С. 9–10.
9. Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.03.2015 г. № 306-ЭС14-4369 по делу № А55-35485/2012 Об отказе в производстве по делу о банкротстве ввиду того, что предприниматель может быть признан банкротом только по долгам, связанным с предпринимательской деятельностью [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/f58263ac-0fc0-462e-b3a5-c7ad92144c60>
10. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 10.09.2014 № А64-2769/2012 Об отсутствии оснований для удовлетворения заявленных требований о включении в реестр требований кредиторов должника задолженности по уплате алиментов, поскольку склад не является доходом данного гражданина, а составляет конкурсную массу должника [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/31cab094-1f71-4df7-89cb-45f7698f1a20>
11. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 05 мая 2005. № 13АП-2345/2005 [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/388bf893-8fdc-405e-ae90-cfa275605e9f>
12. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 22.09.2010 № 26-6670/2004 Об отказе в производстве по делу о банкротстве [Электронный ресурс] // URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/388bf893-8fdc-405e-ae90-cfa275605e9f>
13. Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации «Об утверждении форм документов, предоставляемых гражданином при обращении в суд с заявлением о признании его банкротом» от 05.08.2015 № 530 // Российская газета. 2015. № 6769.
14. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 03.08.2018) // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.
15. Телюкина М.В. Проблема правовой регламентации освобождения от долгов при повторном банкротстве гражданина // Предпринимательское право. 2015. № 4. С. 14–17.
16. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 27.12.2018) «О несостоятельности (банкротстве)» // СЗ РФ. 2002. № 43. Ст. 4190.

КОНФЕРЕНЦИИ, КРУГЛЫЕ СТОЛЫ, СЕМИНАРЫ

Материалы Круглого стола «Византийское наследие в истории мировой политической и правовой культуры», Юридический факультет ЮФУ, 26.12.2018

УДК 340

DOI: 10.23683/2313-6138 -2019-6-1-35-45

© 2019 А.М. Величко¹

ИСИХАЗМ КАК ПОЛИТИЧЕСКОЕ ЯВЛЕНИЕ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются этапы становления, развития идеи «политического исихазма», историческая динамика реформации институтов власти, а также формирование в контексте модели симфонии властей Византии. Большое внимание автором уделяется исихастской традиции формирования мировоззрения византийских религиозных философов и богословов, а также их апологии исихазма, которая трактуется как противовес восточным философским и мистическим течениям.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: теократия; исихазм; государственность; империя; симфония властей; Византия; власть; каноническое право.

HESYCHASM AS A POLITICAL PHENOMENON

ABSTRACT. The article examines the stages of formation and development of the *political hesychasm* idea, historical process of reforming government institutions, as well as the formation in the context of the Byzantine *symphony of powers* model. A great deal of focus is placed on the hesychast tradition of forming the worldview of Byzantine religious philosophers and theologians, as well as their apology of hesychasm which is interpreted as a counterweight to oriental philosophical and mystical trends.

KEYWORDS: theocracy; hesychasm; statehood; empire; symphony of powers; Byzantine Empire; power; canon law.

¹ **Величко Алексей Михайлович**, доктор юридических наук, профессор Московского государственного лингвистического университета, 119034, г. Москва, ул. Остоженка, д. 38, стр. 1, chessalexei@mail.ru

Velichko, Aleksey M., Doctor of Law, Professor of the Moscow State Linguistic University, 38, 1 Ostozhenka St., Moscow 119034, Russian Federation, chessalexei@mail.ru

Сила и сущность Византии в том, что жизнь не была отделена от религии. Сила в том, что стремились, пусть и не всегда удачно, приблизить свое делание к Церкви, поднять все до ее уровня, уйти в нее. В Византии не было церковных обывателей, религиозных разночинцев, все дышали и не могли не дышать, и не хотели ничем иным дышать, кроме атмосферою церковности. Они искали вечную правду, тосковали по ненайденной истине.

Архимандрит Киприан (Керн)

Влияние конкретной идеологии на политико-правовые воззрения и правосознание определенного народа совершенно бесспорно. Об этом много и пространно писали исследователи. Не менее оправдана и та мысль, что христианство, не являясь идеологией само по себе, зачастую становится основой для рождения многих из них, причем нередко диаметрально противоположных. Казалось бы, какое отношение духовная практика имеет к вопросам государственного устройства и судьбам целых цивилизаций? Однако молитва, как и вера, занимает особое место в жизни человека. Ее действие следует рассматривать с разных сторон: как способ освободиться от страстей, умолить Бога о прощении; как средство успокоения души, стяжание внутреннего мира, приводящее к совершенному покою, исихии; и как метод богопознания, приближения к самому Богу [5, с. 416].

Последнее обстоятельство имеет самое непосредственное отношение к идеологии: как человек воспринимает себя вокруг Бога, как он понимает окружающий его мир, кем в нем он себя ощущает — все эти вопросы в конечном итоге предопределяют политические идеалы целых поколений и особенности правосознания того или иного народа.

«Царства, — писал В.С. Соловьев (1853–1900), — гибнут только от грехов собирательных — всенародных, государственных — и спасаются только исправлением своего общественного строя или его приближением к нравственному порядку. А если бы все дело было в личной праведности, независимо от исправления общественного, то ведь святых в этом смысле людей в Византийском царстве было не меньше, чем где бы то ни было — отчего же это царство погибло?» [18, с. 515].

Останется только добавить к сказанному нашим великим философом, что для гибели целой цивилизации совсем не требуется непременно «собираательно-народного» греха. Достаточно, чтобы ему была подвержена политическая элита государства, им правящая. Именно эту картину и демонстрирует нам история величественной Византийской империи.

I

Пожалуй, не было в истории византийской цивилизации момента большего бorerия между традиционными духовными практиками христианства и ренессансом языческого «просвещения», чем так называемые исихастские споры XIV столетия. Именно победа исихии (исихазм — от др.-греч. «спокойствие, уединение, тишина») отодвинула гибель величественной Византии почти на столетие. А измена ей стала в конечном итоге наряду с другими явлениями причиной катастрофы великой империи. Коснемся кратко событий, предшествовавших этому знаменитому противоборству.

Как известно, начало XIII в. ознаменовалось не только падением Константинополя, созданием римо-католиками на месте Византии Латинской империи и формированием византийского сопротивления в форме Никейской империй, но и серьезными новшествами на идеологическом фронте. Неожиданно термин «эллин», в первые века христианства уничтожительно-синонимичный понятию «язычник», приобрел права гражданства и получил в Византии широкое распространение. Не только профессиональные философы, которые всегда водились в Византии в большом количестве, но сам император Феодор II Ласкарис (1254–1258) и практически вся политическая элита с гордостью именовали себя «эллинами». По сути, Ласкарис, воспитанный на Аристотеле и произведениях античных греческих философов, стал глашатаем эллинизма, ярким энтузиастом возрождения национальной эллинской культуры.

Почему это произошло? Как известно, попытки реставрации в практическом смысле языческой философской мысли, с которой византийцы были хорошо знакомы, предпринимались в Византии неоднократно (например, в XI в.), чему немало способствовало резкое ослабление уровня восточного богословия. После

попыхающих зарницами догматических споров Вселенских соборов на Востоке наступила эпоха *окаменевшего* церковного Предания. И хотя духовная практика минувших столетий отнюдь не исчезла, официальное учение Церкви прекратило свое естественное обновление, что выглядело явным диссонансом на фоне прогрессирующего западного просвещения.

Именно там, после перевода трудов Аристотеля с арабского на латинский, *studium* (профессиональные ученые) стали мощнейшей нравственной силой, которую современники ставили на один уровень с *sacerdotium* (священством) и даже *imperium* (царством). Огромный поток знаний и методологий, открывшийся в античных текстах, привел к созданию новых форм мышления и интеллектуального творчества. На Западе уже издавна имело место колебание между отрицательным отношением к разуму, воспитанному на языческих источниках, и желанием воспользоваться им для утверждения в мире господства веры [24, с. 147].

Теперь же последствия для латинского богословия были кардинальными — оно стало *наукой*, самой высокой из всех, и все остальные дисциплины, включая философию и естественные науки, должны были ей подчиняться методологически. Отзвуки этих событий, естественно, были слышны и в Византии — в условиях все еще единой христианской цивилизации это было совершенно неизбежно [8, с. 464, 465].

Но все же тогда увлечение эллинизмом признавалось современниками, разглядевшими в нем весьма сомнительные новации, далеко не безобидным для человеческого духа. И потому Иоанн Итал (1025–1085) был соборно анафематствован при императоре Алексее I Комнине (1081–1118). Разумеется, священноначалие и христианскую политическую власть не могли не тревожить факты широкого распространения уже отвергнутых Церковью учений о переселении душ, софистические толкования чудес Христа, Его святых и т.п. [16, с. 236, 237].

Так было раньше, теперь же, в XIII веке, в силу политических причин эллинизм, пусть и в «облагороженном» виде, неожиданно получил мощную поддержку со стороны царской власти и политической элиты при индифферентизме восточного епископата. Византийцы времен Никейской империи не могли не отдавать себе

отчет в том, что не они одни являются «*римлянами*». И что на Западе живут такие же «*римляне*», как и они сами. А потому возрождение народного духа стало возможным, по их мнению, исключительно за счет реставрации эллинизма [7, с. 151].

И нет ничего удивительного в том, что Федор II стал горячим поклонником той идеи, будто перерождение и обновление Византии, павшей в 1204 г., должно случиться не под знаменем обезличенного в национальном отношении «ромейства», а исключительно под эгидой национального эллинизма. Император любил греческий язык «более дневного света», распространяя эллинское образование и просвещение самыми разнообразными способами.

Византийская (Римская) империя *как бы* еще осталась прежней. Но теперь вместо политико-правового понятия «римлянин» основой государственности стала этническая категория «*грек*». Само понятие «эллин» стало антитезой западно-римскому духу, с которым византийцы боролись. Возрожденное национальное самосознание проявлялось в самых разных формах: политических, культурных и религиозных. Никейская империя, осколок павшей Византии и точка ее возрождения, сознавала себя православной в противоположность *латинскому* Западу. Преклонение перед античным прошлым было обычным делом, своего рода «правилом хорошего тона». Для Ласкариса, как и его сторонников, просвещение стало национальным проектом. Поэтому обращение к старым традициям, сознательно противопоставляемым ненавистной латинской культуре, явилось не только естественным, но и в какой-то мере неизбежным итогом.

Надо сказать, что ренессанс античной мысли имел широкий спектр: от сугубо языческих и националистических воззрений (как, например, у Плифона, о котором речь пойдет ниже) до идей императора Феодора II Ласкариса, которого совершенно невозможно упрекнуть ни в послушном следовании классической языческой философии, ни в национализме. Тем не менее и в его трудах проскальзывали мысли, развивая которые, можно было бы прийти к выводам, едва ли желательным для самого императора.

Так, например, в своем произведении «Похвала мудрости» (надо сказать, царь был весь-

ма плодovitым автором) Феодор II, словно повторяя Платона, утверждал, что наука делает человека разумным и доводит до Бога. Основа мудрости — боязнь Бога; а уча добродетели, мудрость сама становится основой добродетели. Лишь тот, кто познал науку до конца, владеет добродетелью, невежда же остается рабом страстей и заблуждений. В трактате «Об общении природных сил» василевс обосновывал тот вывод, что образование для человека то же самое, что форма для материи. Иначе говоря, образование (разум) — высшая природа человеческой личности [20, с. 284–286].

На первый взгляд, ничего нового здесь не было сказано и риторика осталась прежней: человек должен быть «праведным», «благочестивым», «чистым», «священным» и т. п. Однако этот же лексикон, взятый в контексте древнеязыческой философии, становился очень далеким от того понимания, которое ранее христианство вкладывало в него [5, с. 390].

Справедливо говорят, что ни одна другая идея не причинила столько вреда христианскому благочестию, как платоновский дуализм. Усматривая в человеке душу, якобы заключенную в темницу материального тела, бессмертную по своей природе и стремящуюся к сверхматериальному бытию, платонизм вполне равнодушен и к евхаристии, и к воскресению из мертвых, и к самой Церкви. Платонизм интересуется лишь откровение Бога, обращенное к самой душе, к уму, чувствам — т. е. лишь к немногим атрибутам человека, но не к нему всему в целом. Понятно, что в таком «антропологическом благочестии» любое благочестие становится насквозь субъективистским.

Однако и схоластический аристотелизм сохранил в себе семена учений, впоследствии развившихся во вполне светские доктрины. В понимании схоластиков все мироздание разделяется на мир материальный и духовный, а потому в человеке как в искусственном здании, составленном из разных элементов, присутствует противоположность царства природы и царства благодати. Но, конечно же, преобладающее значение отводится разуму, имеющему статус закона *Вселенной*, «естественного закона» [23, с. 170].

Впрочем, через некоторое время «антилатинизм» одних просвещенных византийцев

начал вынужденно соседствовать и с латинофильством других греческих мыслителей. Ознакомление с современной им западной культурой XIII–XIV вв. открыло византийцам тот неожиданный факт, что она вовсе не отвергает античное наследие, а, напротив, является законным чадом столь любимых греками античных титанов мысли — Платона и Аристотеля. И вскоре некоторые образованные византийцы начали восхищаться тягой латинян к античному наследию. Примечательно, однако, что даже латинствующие византийские гуманисты были убеждены в том, что Запад все равно должен учиться у Востока, а не наоборот. И многие византийские писатели вынужденно горько констатировали, что «потoki мудрости утекают к варварам».

В течение короткого времени латинофильство приняло вполне осязаемые формы. А количество лиц, перешедших в латинство по причине его «научности», исчислялось десятками. Что важно — речь идет не о рядовых обывателях или даже аристократах, а о государственных мужах, занимавших высшие места в политической иерархии, например, месадзоне (министре двора) Димитрии Кидонисе (1324–1398) — доверенном лице императора *Иоанна V Палеолога* (1341–1391), и других лицах, о которых речь пойдет ниже [6, с. 346–349].

Эта «смена вех» не замедлила сказаться на идеологическом фронте. Под влиянием идей неоплатоников и последователей Фомы Аквината (1225–1274) в Византии стали появляться философские и политические учения, в которых, как указывалось выше, без труда обнаруживаются зачатки теории «естественного права», вскоре вступившей в конфронтацию с идеей божественного устройства мира. Задолго до естественно-правовых учений Нового времени философ Алексей Макремволит (XIV в.) полагал, что равенство людей друг перед другом предопределено *законом природы* [14, с. 214].

Серьезную интерпретацию получила и идея империи, как ее понимали до сих пор. При всех уклонах в национализм византинсты-гуманисты вовсе не спешили хоронить идею всемирной Римской империи. Однако как и ранее, при Ласкарисе, сама возможность реставрации Византии в прежних размерах

становилась возможной только и исключительно при помощи формирования титульной нации — эллинов.

Кроме того, вместо единой, *универсальной* и вечной Римской империи, «новая», восстановленная Византия рассматривалась как *одна из* исторических империй, подверженная общему закону рождения, угасания и гибели. Так, великий логофет и писатель Феодор Метохит (1270–1332) обнаруживал, по Плутарху, корни Рима в Трое, погубленной данайцами-греками. Поэтому ни о каком особом имперском происхождении Рима говорить уже не приходится — считалось, что он был создан невообразимой конгломерацией различных варварских народов, сошедшихся в одном месте. В результате идея империи утратила свое обаяние, теперь она ассоциировалась с грабежом, войной и братоубийством.

Святая святых Византии — идея императорской власти, также не обошлась без новых веяний. Пожалуй, в наиболее «языческом» виде ее излагал видный мыслитель-гуманист Георгий Гемист Плифон (1360–1452), который не только искренне полагал христианство учением «второго сорта» после Платона, но слыл также яростным националистом. Являясь участником Ферраро-Флорентийского собора 1438–1439 гг., он категорично отвергал латинские редакции догматов исключительно по причине того, что они «не греческие». А его мысль о принципиальной возможности и правомочности социальных преобразований сама по себе объективно означала отрицание всей теократической системы государственной власти в Византии. Он же, копируя своего кумира Платона, предлагал отказаться от идеи империи и создать небольшую национальную греческую автаркию, обособленную от всего мира. Кроме того, нарисованный им образ императорской власти дисперсируется на множество личных черт, что приводит к ослаблению иератического характера царской идеи [7, с. 152, 154, 160].

Следует помнить, что по старинной традиции многие государственные должности занимались интеллектуалами. Поэтому византийское просвещение становилось весьма действенным орудием *практической* церковной и государственной политики [6, с. 72, 73].

II

В Церкви, как мы знаем, нет ничего лишнего, искусственного, «на всякий случай» или противоречащего друг другу — истина не разделяется в себе. Халкидонский догмат о двух природах в Иисусе Христе, неслиянных и нераздельных — Божественной и человеческой — отражает и природу социального мира, если мы говорим о Церкви. Находясь в мире, Церковь не сливается с ним — иначе она перестала бы быть Церковью. Но и не отделяется от него — иначе и в этом случае она превратилась бы в секту «избранных». Она живет в мире, *преображая* его.

Церкви как обществу верующих вовсе не безразлично, как строится политическое тело, в котором она пребывает, какова форма правления и т. п. И дело заключается не только в том, что при определенных режимах, формах правления и политических устройствах она с высокой вероятностью может стать гонимой. А в том, что политические институты могут либо носить на себе образ Царя Небесного и Его Царства, либо копировать прибежище дьявола. «Сущность религии в том, — справедливо писал В.С. Соловьев, — что ее истина не отвлеченно-теоретическая, а утверждается как *норма действительности*, как *закон жизни*. Если я в самом деле верю, например, в троичность Божества, то я должен понимать и принимать ее нравственный жизненный смысл» [19, с. 353].

Именно так! Истина открывает себя не для отвлеченного любования ею человеком, а для устроения жизни человеческого общества на основе конкретной религиозной нравственности. Было бы нелепо полагать, будто социальный строй мусульманских обществ — явление случайное. Равно как и особенности политико-правовой организации христианских государств.

В этой связи имперская форма государства, копирующая Кафолическую Церковь, является *оптимальной* для обеспечения единства человеческого рода, по крайней мере всех христиан. В условиях единой Византийской империи, включавшей в свои границы все церковные общества Вселенной, при всех ссорах и спорах между великими кафедрами, Кафолическая Церковь блистала как никогда раньше или позже. Каждый византиец, «ромей», чувствовал

себя не только гражданином единого вселенского государства, но и членом единой Вселенской Церкви — от берегов Шотландии до Палестины и от Вислы до Нила.

Сегодня нам предоставляется, увы, не вполне счастливая возможность увидеть, к чему привела тенденция развала христианских империй. Да, существует определенное количество национальных христианских государств. Но многие из них не совсем дружны друг с другом, другие откровенно враждебны. И национальные Церкви, копируя политику своих государств, легко разрывают братское общение при продолжающихся формальных и ни к чему не обязывающих словопрениях о братской любви.

Для имперской формы враждебна любая национальная идея. Особенно этот тезис оправдан для Византии, где еще задолго до принятия христианства национальный критерий был забыт, сменившись универсальным *политическим* понятием «римский гражданин». Гражданином Рима был грек, галл, иудей, природный латинянин, германец, бритт, англ, сакс, шотландец, сириец, армянин, гот, вандал, герул, араб, египтянин и т.д. Замечательно, что именно имперская форма является подлинной основой религиозной толерантности, которую так сильно защитить современные либералы путем построения *светского* государства. Известно, например, что незадолго до своей смерти учитель исихии свт. Григорий Палама (память 14 ноября) попал в плен и провел несколько лет среди мусульман, ведя с их учителями долгие богословские беседы. Прощаясь, он сказал им, что в скором времени православие и ислам согласятся между собой [9, с. 289]. Это ли не торжество имперской идеи?!

Являясь политической интерпретацией Халкидонского ороса, имперская форма стала элементом, собиравшим Церковь в единое вселенское тело. Для Византии была возможна лишь и исключительно форма единственной и универсальной христианской империи, и эта идея поддерживалась как царской властью, так и священноначалием Восточной церкви [10, с. 485].

С другой стороны, Вселенская церковь могла нормально существовать исключительно в условиях единой имперской государственности. Не случайно появление империи *Карла Великого* (800–814) и ее легализация Римским

папой в скором времени привели и к расколу Кафолической церкви.

Это сегодня нам, отученным от имперской идеи и не успевшим пожить в имперских формах бытия, кажется, что она носит в лучшем случае отвлеченно-«патриотичный» характер. Но для свт. Григория Паламы и других исихастов Византия мыслилась только как империя, а ее жители могли быть лишь ромеями (римлянами). Это естественно вытекает из основы имперской цивилизации — православия. Поэтому гражданская война между *Иоанном VI Кантакузеном* (1347–1354), *Алексеем Апокавом* (?–1345) и императрицей *Анной Савойской* (1341–1359) понималась ими как *катастрофа Церкви*. Спасение от этого не в мероприятиях, которые сегодня отнесли бы к сугубо церковным, а в христианском царе, соединяющем мир сакральный и мир политический в одно органическое целое [1].

Как истинный римлянин, Палама ни при каких обстоятельствах, даже будучи гонимым другим ромеем, своим согражданином (хотя бы патриархом и царем), не предаст Империи. А потому святитель отказал в принятии покровительства весьма могущественной особы — сербского короля *Стефана Уроша IV Душана* (1345–1355). «Исихасты были ромеями, и своей борьбой защитили сущность ромейства», — справедливо пишет один уважаемый автор [4, с. 240, 245, 246].

Имперская форма, которая была присуща Византии на протяжении тысячелетней ее истории, могла сохраниться только в границах ортодоксии. Не случайно развитие номинализма и протестантизма в скором времени приведут к появлению *национальных государств* в Западной Европе. И даже римское папство, традиционно меряющее мир имперскими категориями, в тот момент было вынуждено в известной степени отказаться от имперской идеи из опасения совершить акт политического самоубийства на фоне новейших политических веяний [15, с. 36, 37].

Разве могут конкурировать интерпретации имперских идей времен поздней Византии с тем чувством вселенского братства, которое демонстрирует нам традиционная византийская политическая мысль?! А она идеально перекликается со стихами 2 Послания Фессалони-

кийцам святого апостола Павла, где говорится о том, что «тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Фес. 2, 7). И как уже неоднократно отмечалось в специальной литературе, многие богословы в течение двух минувших тысячелетий понимали под «удерживающим» христианскую империю [17, с. 122].

Представим себе: Византии уже фактически нет, государство вот-вот падет под натиском османов. Но для духовного видения современников эти внешние материальные события ничего не значат, пока существует православный царь и империя и тьма не поглотит свет, освещающий Вселенную. Это один из лейтмотивов «Плача о Константинополе» — поэмы, написанной после падения великого города в 1453 г.:

*«Ты был светилом в небе, Царьград благословенный,
Звездой светлой утренней, что мир весь освещала,
Лучистый свет дарующей всем странам во Вселенной:
На западе Италии, империи германцев,
А также Антиохии, известной на Востоке.
Служили одному тебе четыре патриарха,
Не только царь ромеев всех, но был ты царь над всеми,
Над всей землей ты властвовал, единый император»*
[13, с. 158].

Здесь даже сравнивать традиционные ценности византийского общества с «просвещенными» представлениями эллинов невозможно...

III

С учетом сказанного не должно удивлять, что вопрос о допустимых духовных практиках носил далеко не только клерикальные черты. А потому спор об исихии, занявший несколько десятилетий и собравший Соборы 1341, 1347 и 1351 гг., привлек внимание не только монашествующих и просвещенных современников, но и императорскую власть. Несмотря на крайне тяжелое положение дел в Византийском государстве, императоры Андроник III Младший (1328–1341), Иоанн VI Кантакузен, Анна Савойская, Иоанн V Палеолог являлись неизменными участниками соборных баталий и своим решением легализовали победу исихастов над их противниками. А личность свт. Григория Паламы, которому божьим промыслом было доверено отстаивать идеи традиционных ви-

зантийских духовных практик (исихию), вполне обоснованно ассоциируется со спасителем Византии не только в духовном, но и политическом плане.

Следует сказать, что было бы крайне неверным изображать исихию и учение свт. Григория Паламы как нечто новое в духовной практике Восточной церкви. К слову сказать, Палама прекрасно знал сочинения Аристотеля, когда юношей обучался в императорском университете в Константинополе, и даже получил восторженные оценки своим познаниям. Но, защищая исихастов, Палама действовал как апологет того, что являлось хорошо известной и уважаемой традицией, ранее возникшей в Византийской церкви и византийском обществе [10, с. 482].

В чем же ее особенность? Для Византии, воспитанной в идеях и идеалах исихазма, нет и не может быть жесткого противопоставления мира божественного и мира социального. Напротив, превалирует идея Халкидонского синтеза концепции божественного мироустройства, космического божественного порядка, человеческого социума и самого человека. Поэтому божественные энергии, божественные атрибуты относятся к общей природе человека: разум, воля, любовь, мир свойственны всем трем ипостасям и не могут определять их различий. Это то учение, что позднее получило наименование «оправдание жизни».

Палама писал: «Все, что мы знаем о Небе, и законы природы, и искусство, и всякое знание, состоящее из отдельных частей, которое мы строим с помощью разума из ощущений и благодаря воображению, лишено само по себе духовности». Почему? Да потому, что высшая истина — *духовна* и постигается в вере, в акте мистического единства с Богом. Это и есть синтез разума и веры [22, с. 76–79].

Со времен Макса Вебера (1864–1920) стало аксиоматичным утверждение, что именно протестантизм, основанный на идее предопределенного спасения и способности познания Бога и созданного Им мира человеческим разумом, вполне открыл спящие в условиях католицизма и ортодоксии творческие силы человека, побудил его стать творцом этого мира, признать его своим, отождествить внешний успех, «бизнес», с религиозной свободой человека.

Однако задача творчества, которую за несколько веков до Реформации ставил перед человеком Палама и его сторонники, несопоставимо грандиознее. Для исихастов человеческая жизнь отображает не просто взаимоотношения лиц Святой Троицы. Важно, что человеческий дух есть образ высочайшего эроса. Бог есть *любовь*, и человек — образ этой любви. Преимущество человека перед ангелом заключается именно в его способности творческого эроса, в созидательном соучастии человека Богу.

Человек, учили исихасты, занимает исключительное место в иерархии божественного мироздания, он наделен особыми, отличными от всех других тварей способностями и дарами — тем, что вообще можно выразить словами «по образу и подобию Божию». Повторяя слова свт. Григория Нисского (память 10 января), Палама писал, что в человеке сосредоточена вся тварь, он *микрокосм*, все в нем: разум, душа, бессмертность — тяготеет к Богу. Поэтому человек имеет возможность познавать не только внешний мир, но и возноситься разумом к Богу [5, с. 403, 404].

Отсюда вполне естественно и закономерно следует другое качество человека, открытие которого составляет важнейшую мысль в учении исихастов. «О том, что человек разумен, свободен и одарен разными дарованиями, — подытоживает один авторитетный автор, — говорили многие писатели Церкви, но о творчестве как *особом задании* человеку сказали немногие. Сопоставить же это с образом Божиим и привести в соотносительность с миром духов, более, казалось бы, совершенных, чем человек, удалось, пожалуй, только Паламе. Он бросил эту мысль». Человеку дано *задание* стать творцом. И он творит с надеждой и верой, что плод его творчества избежит тления, хотя действительность и убеждает в обратном, но дух зовет обессмертить и увековечить себя [5, с. 375, 376].

Именно в обожении, начинающемся уже здесь, на земле, но имеющем своим замыслом завершение в Царствии Небесном, исполняется замысел Божий о человеке [5, с. 423].

Разумеется, в такой духовной традиции уже не может идти речь о «разумном» постижении божества; это достигается лишь в Церкви во всей полноте ее учения и предания. Человек может творить лишь в Боге, познание которого достигается через соприкосновение

с божественными энергиями, через которые Спаситель и открывается нам. Служить Ему — значит, творить здесь, на земле, Царство Небесное. Любая утопия, всякая попытка построения «земного рая» лишена всякого смысла, поскольку все наше творчество направлено на обожение человека и его соприкосновение с Творцом, сожительства с Ним в Его Царстве.

Особого рода служение — *царская власть*, как она установлена Богом. Св. Григорий Палама прямо говорит: «Ты поставил их защитниками Церкви, покровителями Твоего наследия, хранителями нашей веры в Тебя». По мнению специалистов, между Царством Небесным и христианским царством римлян, как их понимает и описывает Палама, есть соотношение первообраза и иконы: «Яви наших царей, изображающими, насколько это возможно, Твое вечное Царство» [1].

Во время кровопролитной и катастрофичной для Византии гражданской войны он предлагал всевозможные усилия для умиротворения противоборствующих сторон, не выказав ни одной из них ни своего особого расположения, ни отторжения. Почему? Да потому что гражданская война велась царями, власть которых для Паламы была священна. Святитель называл императора Иоанна V «самым божественным императором, имеющим с младенчества печать власти», Анну Савойскую — «святой матерью», «нашей повелительницей», «защитницей праведности», а императора Иоанна VI Кантакузена — ревностным поборником Православия [4, с. 224, 225, 230].

В целом исихазм дает взвешенное решение проблемы, которая постоянно стоит перед христианином: как совместить и согласовать личное и богослужebное благочестие. Обожение исихасты понимают не как вознесение разума, ума над природой, оно не связано с какой-либо дематериализацией. Все исихасты — от прп. Марии Египетской (память 1 апреля) до прп. Серафима Саровского (память 19 июля) — утверждали, что богообщение охватывает всего человека в целом и божественный свет может воссиять и в самом теле обожженного человека, и он есть предвосхищение Воскресения последнего дня [9, с. 332].

Исихасты были убеждены, что социальные, экономические и иные проблемы всегда найдут

правильное разрешение, если сердце человека очищено. Лишь исцеленный человек становится *истинным* человеком, обретает любовь, которая является богословской и социальной добродетелью. Когда же ум человека отдален от сердца и от Бога, он становится жестоким и у человека возникают социальные проблемы [4, с. 247, 250].

Как видим, исихазм, акцентируя внимание вроде бы лишь на духовных сферах богопознания и обожения, выводит из себя вполне конкретные политические и идеологические категории, носящие сугубо практический характер. Империя как форма государственного устройства, царская власть как прообраз лиц в Святой Троице, церковь как место и способ обожения человека и его причащение Христу, преобразование внешнего социального мира, исходя из чувства любви к ближнему, и пренебрежение его несправедливостями, как смирение перед промыслом Бога.

Еще один пример влияния исихазма на сферу практической политики Византии являет нам *идея права*, как она сформировалась там. Христианская добродетель, справедливо полагают они, сама идея обожения человека глубоко *смирена* по сути своей. Без познания своих грехов нет обожения, поскольку лишь сознание своей греховности и недостойнств приводит к смирению. Без смирения нет настоящего покаяния [5, с. 415].

В свою очередь покаяние и смирение формируют специфическое христианское правосознание, где доминирует понятие «кеносиса», смирения, которое есть «риза Божества». Оно предполагает принесение человеком в жертву Богу своей воли, самоограничение внешней свободы без внешнего принудительного побуждения во имя любви. Идея кеносиса становится основой для той идеи «*правообязанности*», которая вообще характерна для христианского сознания как альтернатива светско-либеральной «борьбе за права» [21, с. 155, 157, 158].

Такой постановкой вопроса право, закон никак не умаляются. Ведь он является плодом Божественной справедливости, органичным сегментом Божественного мироустройства, тем даром, каким Господь наделил человека, чтобы тот жил в мире и чистоте. И не случайно в «Василиках» — одном из законодательных памят-

ников Византии — говорится: «Закон получает наименование от правды, т.к. есть искусство прекрасного и равного. Правда же есть твердая и постоянная воля. Свойство правды — честно жить, другому не вредить и каждому воздавать свое. Мудрость правды заключается в познании дел Божественных и человеческих, справедливого и несправедливого» [3, с. 74–76].

Поразительно, но учение исихастов касается и такой специфической сферы человеческой деятельности, как денежный оборот. Свт. Григорий излагал ту глубокую мысль, что деньги — всего лишь *средство обмена* и принадлежат всему обществу, государству, а не отдельным лицам. Деньги по своей сути — *общественный товар*. Как следствие, они не могут иметь большей ценности, чем сами товары и их нельзя делать самоцелью. Поэтому ростовщики, давая деньги под проценты, раскалывают общество. Они хуже грешников, поскольку вредят и своей душе, и всему государству, навлекая на ромеев обвинения в несправедливости и нарушении Божественного закона [4, с. 256–258].

Нынешняя действительность, где миром правят банки, а деньги превратились в средство спекуляции и приобретения господства над целыми государствами, не может не стать красочной иллюстрацией слов свт. Григория...

IV

Подводя итог нашему краткому экскурсу, скажем, что Восточная церковь в XIV в. оказалась перед выбором понимать человека как единое целое либо выбрать спиритуалистический интеллектуализм, провозглашающий независимость человеческого разума. Или, во всяком случае, признать его автономность по отношению ко всякой материи и отрицать возможность обожения здесь, на земле. И важно, что сущность исихазма заключается в поисках человеком как целостным существом объективного видения Бога. Только *весь* человек в целом способен воспринимать благодать, а не какая-то его отдельная часть. Исихасты не ищут Бога вне себя, но находят Его *в себе*, в собственных телах, поскольку эти тела — члены единого Тела вследствие причастия, возможно-го благодаря Церкви [11, с. 579].

Поэтому победа Паламы под знаменем исихазма стала победой христианского гуманизма

над языческим гуманизмом Ренессанса. Нет никакого сомнения в том, что секуляризм Нового времени есть прямое следствие второго пути, по которому пошла западная церковь [9, с. 332, 333].

Вместо «свободного», восторженного от своего могущества *языческого* ума, рационалистически оглядывавшего вселенную, исихазм восстановил и придал значение догмата истинной духовной практике, сопряженной с взаимоисключающими дефинициями: обожением человека, но лишь с Богом; познанием Его через божественные энергии и признанием Бога непознаваемым по сущности Своей; смирением человека перед Божьей волей и проявлением свободной воли человека через доверие своему Создателю и воссоединения с Ним.

Согласно Паламе, настоящим обществом является лишь то, которое соединено в молитве с Богом; все остальные — пример *антиобщества*. И социальные изменения, не принимающие во внимание *свободу и любовь*, являются преступлением перед Богом и человеком. В этом, как справедливо отмечают исследователи, и заключается высшая ценность социального учения исихастов [4, с. 238].

Именно это учение, которому после Соборов 1341 и 1347 гг. придали значение *официального учения* Церкви, ее догмата, не только дало импульс развития самой богословской мысли Византии — этого как раз было вполне естественно ожидать, но и сыграло решающую роль в сохранении православно-«империалистических» традиций организации политико-правовой жизни в Византийском государстве.

В свою очередь, постепенное забвение «политического исихазма» со стороны элиты Византийского государства стало изменой самой идее универсальной и вечной христианской государственности, «Второго Рима». Разве можно совместить идеологию, выросшую из исихии, с желаниями многих архиереев жить под властью султана, поскольку-де это более выгодно им самим в административном и материальном смысле?!

О каком неслиянном и нераздельном единстве мира сакрального и мира земного может идти речь, если целые группы восточного мона-

шества, фессалоникийские *зилоты* например, отличавшиеся «верой не по разуму», стояли за децентрализацию императорской власти, социальные преобразования, введение феодальных отношений и унию с Западом? [4, с. 214, 215]. Они же прямо утверждали, что их дело — молитва (разумеется, далекая в действительности от исихии), а защита государства — обязанность исключительно византийского императора [2, с. 87]?

Как соотносить имперскую форму земного бытия Кафолической Церкви с греческим церковным национализмом, который, проявившись еще в IX в., пустил широкие и буйные ростки несколько столетий спустя? И наименование «Греческая церковь», которое с издевкой и в уничижительном смысле латиняне дали Восточной церкви, с благодарностью было воспринято восточным священноначалием, уступившим право первородства за чечевичную похлебку.

Затронем еще один аспект, уже сугубо практический, который нельзя не упомянуть без ущерба для истины. Автор этих строк менее всего склонен сводить «симфонию властей» к способности одной из них (священноначалия или царской власти) *механически* заменить другую в случае необходимости. Разумеется, их взаимоотношения *внутри* Церкви были гораздо более многогранными и сложными, чем поддержка одной властью другой при определенных ситуациях. Но нельзя не признать, что в условиях умирающей византийской государственности монашествующие исихасты стали *единственными* носителями христианских традиций во всей их полноте, и победа исихастов предопределила на ближайшие века не только особенности церковной политики Константинопольских патриархов, но и позволила сформировать группу лиц, несущих исихастские традиции по всем странам Востока, включая Древнюю Русь.

«Значение исихастских споров в Византии, — писал Иоанн Мейендорф, — далеко выходит за теоретические рамки. Именно они сформировали повсюду в Восточной Европе основные черты феномена, который называют “Византия после Византии”» [12, с. 681].

ЛИТЕРАТУРА

1. Асмус Валентин, протоиерей. Церковные полномочия императоров в поздней Византии // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. М., 2002.
2. Васильев А.А. Падение Византии. Эпоха Палеологов (1261–1453). Л., 1925. 144 с.
3. Величко А.М. Идея права в Византии // Величко А.М. Священная империя и святой император (из истории византийских политических идей). Сб. ст. М., 2012.
4. Иерофей (Влахос), митрополит. Святитель Григорий Палама как святогорец. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2011. 432 с.
5. Киприан (Керн), архимандрит. Антропология св. Григория Паламы. Париж, 1950. 464 с.
6. Куц Т. На закате Империи: интеллектуальная среда поздней Византии. Екатеринбург, 2013.
7. Медведев И.П. Византийский гуманизм XIV–XV вв. СПб., 1997.
8. Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Богословие в Тринадцатом столетии: методологические контрасты // Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Пасхальная тайна. Статьи по богословию. М., 2013.
9. Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Григорий Палама, богослов исихазма // Мейендорф Иоанн, протопресвитер. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2003.
10. Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Исихастские споры // Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Пасхальная тайна. Статьи по богословию. М., 2013.
11. Мейендорф Иоанн, протопресвитер. «Обращение к себе» в паламистском учении // Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Пасхальная тайна. Статьи по богословию. М., 2013.
12. Мейендорф Иоанн, протопресвитер. Общество и культура в XIV столетии // Мейендорф Иоанн, протопресвитер. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2003.
13. Плач о Константинополе // «Византийские истории о падении Константинополя в 1453 г.». СПб., 2006.
14. Поляковская М.А. Портреты византийских интеллектуалов. СПб., 1998.
15. Рансимен Стивен. Сицилийская вечеря. История Средиземноморья в XIII веке. СПб., 2007.
16. Сенина Т.А. (монахиня Кассия). Эллинизм в Византии IX века. СПб., 2018.
17. Серафим (Соболев), архиепископ. Русская идеология // Серафим (Соболев), архиепископ. Русская идеология. М., 2000.
18. Соловьев В.С. Византизм и Россия // Соловьев В.С. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 5. М., 6/г.
19. Соловьев В.С. Об упадке средневекового мирозерцания // Соловьев В.С. Собрание сочинений. В 12 т. Т. 6. СПб., 6/г.
20. Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 5 т. Т. 5. М., 2002.
21. Фетисов Тимофей, протоиерей. Феномен права в Библейском богословии. Ростов н/Д, 2017.
22. Хвостова К.В. Византийская цивилизация как историческая парадигма. СПб., 2009.
23. Чичерин Б.Н. История политических учений. В 5 т. Т. 1. М., 1869.
24. Шершеневич Г.Ф. История философии права. СПб., 1907.

УДК 340.15

DOI: 10.23683/2313-6138-2019-6-1-46-51

© 2019 А.И. Овчинников¹

ИДЕЯ СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ КАК ОСНОВА ВИЗАНТИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

АННОТАЦИЯ. Автор рассматривает византийскую идею симфонии властей через призму православного богословия, выявляет исторические, социокультурные и политико-правовые аспекты духовной власти в ее единстве с властью государственной, основания византийского наследия в современной политической и правовой культуре.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политические и правовые идеалы; национальное правосознание; византийская государственность; библейский идеал власти; христианское государство; монархия; симфония властей.

SYMPHONY OF POWERS AS THE BASIS OF BYZANTINE STATEHOOD

ABSTRACT. The author examines the Byzantine idea of symphony of powers through the prism of Orthodox theology. He reveals historical, sociocultural and political-and-legal aspects of:

- spiritual power, in its unity with the power of the state, and
- Byzantine heritage in modern political and legal culture.

KEYWORDS: political and legal ideals; national legal awareness; Byzantine statehood; biblical ideal of power; Christian state; monarchy; symphony of powers.

¹ Овчинников Алексей Игоревич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Южного федерального университета, 344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88, k_fp3@mail.ru

Ovchinnikov, Aleksey I., Doctor of Law, Professor — Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Southern Federal University, 88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don 344007, Russian Federation, k_fp3@mail.ru

В христианской политической и юридической мысли можно встретить два основных подхода к идее государства. Первый подход, особенно популярный в первые века христианства ввиду гонений на христиан в Римской империи, предполагает восприятие государства как некоей вынужденной меры насилия и принуждения к добру, возникшего в силу грехопадения людей и их испорченности. Однако идея государства как наиболее рационального, оптимального и наилучшего образа жизни человеческого общества отличается от идеи государства как следствия первородного греха, наказания за грехопадение Адама. Государство может рассматриваться не только как система власти, подчинения, насилия, принуждения. Идея государства предполагает понимание цели и предназначения, к которой оно должно стремиться. Высшая цель жизни христианина — совершенство человека в Боге, его обожение. Византийская империя явила иной принцип понимания сути государства — государство земное может помогать человеку в стяжании Духа Святого, в достижении идеала обожения. Расцвет Церкви, ее богословской и литургической жизни в историческом процессе приходился именно на периоды симфонии властей в служении Церкви. Поэтому в благополучные периоды симфонии можно увидеть, что государство — это союз людей, построенный на любви к Богу, осознании единства в вере.

Цели государства и Церкви в идеале должны совпадать: не следует наше современное секулярное мышление принимать за правильный взгляд на их соотношение. Знаменитая идея «симфонии властей» представляет собой вовсе не содействие друг другу, а общее дело служения царства и Церкви Божественному Домостроительству. Симфония представляет собой единое гармоничное звучание: с древнего греческого *συμφωνία* — «созвучие, стройное звучание, стройность». В античности — в Древней Греции и в Древнем Риме с помощью этого слова обозначали благозвучное сочетание тонов, консонанс. Помимо симфонии применяли и понятия «диафония», означающее разнозвучие, разногласие, и «антифония», что означает «противозвучие». Это слово в древности применяли и для описания гармонии сфер, как это делал Аристотель в сочинении «О небе».

Идею симфонии властей нельзя понимать как взаимодействие и сотрудничество светской и духовной власти в решении некоторых общих задач, так как термин «симфония» обозначает полное совпадение целей и ценностей государства и Церкви, единство в служении Церкви Христовой царства и священства. Смысл формулы святого равноапостольного Юстиниана заключается не в утверждении принципов взаимоотношений двух сообществ людей различной природы, а в формулировке принципов соотношения двух видов служений в едином церковно-государственном теле. Особенностью политико-правовой богословской доктрины Восточной римской империи было то, что государство и церковь мыслились нераздельно «как тело и душа», в то время как на Западе утверждался папоцезаризм в борьбе за власть.

На наш взгляд, именно это четко осознавал святой император Юстиниан Великий. Он не разделял Церковь и государство, рассматривая их в единстве. Идею симфонии властей святой император закрепил в Дигестах в предисловии к шестой новелле, где указал следующее: «Величайшие дары Божии человеку, дарованные Вышним человеколюбием: Священство и Царство. Одно служит вещам божественным, другое управляет и заботится о вещах человеческих. И то, и другое происходит от одного и того же начала и благоукрашает человеческую жизнь. Так что ни о чем так не пекутся цари, как о чести священников, а сии — о самих царях Бога молят». Далее конкретизируется данная мысль: «Если священство будет во всем безупречно и причастно дерзновением к Богу, а царство будет правильно и подобающим образом упорядочивать врученное ему общество, то будет благое некое согласие, дарующее человеческому роду всевозможную пользу. Посему мы величайшую имеем заботу и об истинных Божиих догматах, и о чести священников. Если они будут блюсти ее, то, мы уверены, чрез нее великие дары получим от Бога и тем, что есть, будем владеть надежно, и приобретем то, что еще не достигнуто. Все будет благополучным и подобающим, если только начало дела будет должное и Богу любезное» [4, с. 34]. Важно иметь в виду, что в основе данной декларации лежит не вопрос об отношении Церкви и госу-

дарства, как это может показаться секуляризованному мышлению, а двусоставное единство в Церкви священства и царства.

По тексту 73-й новеллы св. Юстиниана Великого следует, что Бог установил царскую власть, чтобы она уравнивала несогласие добром. В 77 новелле эта мысль развернута еще глубже: власть государственная, вверенная царю, должна привести людей в Царство Небесное, спасти их души. Согласно 80-й новелле, власть обязана оберегать граждан от всякого вреда. И вообще, благо подданных как основная задача верховной власти наиболее часто упоминается в новеллах св. Юстиниана. Власть обязана не просто оберегать людей, но и облегчать им нужду, оказывать всяческую помощь и обеспечивать справедливость. При этом все действия властей и людей должны были происходить строго по законам (новелла 113) [2, с. 137, 138]. «Скипетр и порфира являются символом не свободы и безнаказанности поведения, а рабством долгу» (это слова, сказанные при передаче власти императором Тиверием II. См.: [6, с. 327]).

Как справедливо отмечает протоиерей Валентин Асмус, святой Юстиниан, как и его предшественники, в частности император Константин Великий, полагал, что Церковь создана Богом для всего человечества: в нее должны войти все желающие. Священство представляет собой лишь часть церковной общины, Церковь и священство не тождественны. В идеале Церковь должна охватить все человечество, а имперская власть этому способствовать, находить в миссии свой смысл и предназначение. Святой император видел в качестве своей задачи устранение того недоразумения, исторической случайности и несправедливости, что еще остаются народы, не охваченные проповедью христианства, не вошедшие в Церковь, не могущие спастись. Природа государства в сознании Юстиниана глубоко религиозна. Государь, по мысли святого Юстиниана, должен заботиться о благочестии служителей Божиих, о непреложности церковных догматов, которые он и сделал законами государства. Священникам необходимо молиться за весь народ и за самих царей. Св. Юстиниан «говорит не о соотношении двух иноприродных обществ, но о соотношении двух служений в едином цер-

ковно-государственном теле» [9, с. 35]. Этот термин — церковно-государственное тело — трудно понять современному человеку с его секулярным мышлением.

Термин «священство» представляет собой обобщенный образ всего сонма священнослужителей, патриархов, епископов. Термин «царство» не отождествляется с государством, представляя собой верховенство единой личности императора. По мысли святого Юстиниана, «священство служит вещам Божественным», «оно более Божественная часть Церкви», «но это отличие духовенства от прочих членов Церкви относительно», «дело священства — молитва», т.е. предельно широко понимаемая литургическая и сакраментальная жизнь Церкви. В то же время верховенство царства подразумевается порой как нечто само собой разумеющееся. В одном из своих законов Юстиниан говорит: «Что же есть более великого, более святого, чем императорское величество?!» [7]. В одном из законов, прямо относящемся к церковной жизни (новелла 133-я «О монахах и монахинях и их образе жизни»), Юстиниан говорит в предисловии: «Нет ничего недоступного для надзора царю, принявшему от Бога общее попечение о всех людях. Императору подобает верховное попечение о церквях и забота о спасении подданных. Император — блюститель канонов и Божественных Законов. Царь через Собор и священников утверждает Правую веру» [7]. По тексту 6-й новеллы, «царство заботится и о догматах, и о чести священников, и о соблюдении церковных правил», т.е. устрояет предельно широко понимаемую человеческую сторону Церкви. Все вышеизложенное можно понять только учитывая исторический контекст: в империи святого Юстиниана Великого было четыре патриарха. Вполне естественно, что должна быть консолидирующая должность, и именно ее функции осуществлял император, который по отношению к патриархам был несколько политически выше.

Кроме того, следует учитывать и то обстоятельство, что власть императора в Древнем Риме рассматривалась с позиции вселенского масштаба, экстерриториально с точки зрения фактических границ империи. В христианском мировоззрении императорская власть стала нести еще и миссионерскую функцию по от-

ношению к тем народам, которые не вошли в империю и не пришли в Церковь.

Не стоит забывать и о том, что в древнем мире царская власть воспринималась с сакральных позиций в языческие времена. Именно за отказ принести жертву божественной персоне императора казнены тысячи христиан в первые три века после Рождества Христова. Несмотря на жестокость отдельных императоров — гонителей христиан, христианские богословы с большим уважением относились к императорской власти, признавали и уважали статус государя, а после признания христианства в качестве государственной религии это уважение возросло многократно. Император стал восприниматься как главный миссионер.

Впоследствии формула святого Юстиниана была переосмыслена: речь стала идти о соотношении власти патриарха и императора. Однако и здесь не идет речь о договорных отношениях, согласии лишь в некоторых общих целях. В «Эпанагоге» (вторая половина IX в.) мы обнаруживаем: «Мирская власть и священство относятся между собою, как тело и душа, необходимы для государственного устройства точно так же, как тело и душа в живом человеке. В связи и согласии их состоит благоденствие государства». Ту же мысль находим и в актах VII Вселенского Собора: «Священник есть освящение и укрепление императорской власти, а императорская власть посредством справедливых законов управляет земным».

Таким образом, с точки зрения православного теократического государства при симфонических отношениях между Церковью и государством власть патриарха, олицетворяющего власть духовенства или священства, и власть православного царя заключается в единстве и неразделимости Церкви и государства. При этом земные цели и блага, о которых печется государственная власть, не должны быть автономными от идеала Царствия Небесного, к которому ведет Церковь, а должны быть подчинены им.

Все вышеизложенное привело к тому, что в Византийской империи не было разделения права и религии, права и нравственности, политики и религии, как это было в Западном мире. Не случайно на православном Востоке так долго не было чисто политических доктрин — вот причина замечания Н.Н. Алексеева

о том, что на политические и правовые учения Западной Европы оказали большое влияние интриги Римской католической церкви в борьбе со светской властью за политическое господство. На православном Востоке действительно не наблюдалось такой борьбы за власть, так как священство не претендовало на нее и устранялось от борьбы за власть, политической гонки. Не случайно в богословии и политической мысли Востока трудно найти развернутые доктрины идеального государства и права, моделирование Земного рая. «Политическая литература Византии по сравнению с политической литературой феодального Запада необыкновенно бедна и лишена оригинальности...» [1, с. 175]. Думается, основной причиной было следующее: православное богословие видит причину бед не в социально-политических институтах, а в господстве страстей над человеком.

Церковь совершала таинство помазания на царство, все священство и народ молится за царя и царство, а царь молится и дает обещание Богу исполнить Его святую волю по отношению к Его народу. «Он становится священным лицом, причащаясь в алтаре; он становится духоносным вождем и отцом своего народа и попечителем Церкви, давая ответ Богу за каждый свой шаг по спасению своего народа. Таким образом, царь является охранителем пути восхождения от царства земного к Царству Небесному для всех верных» [10].

Церковная культура благодаря византийским царям становится определяющей для восточно-римского мира. Государственной или политической культуры в Византии не было, так как ее место заняла церковная культура. Именно поэтому не существовало политической и правовой доктрины в качестве самостоятельной теоретической парадигмы. «Византийская культура, ее внутренняя и внешняя красота расцвела пышным цветом благодаря тому, что православные цари, сохранявшие св. престол, всемерно с великою любовью и ревностью способствовали этому расцвету. И как Господь и Царь наш, Сын Божий, был распят в результате заговора фарисеев, так была распята и Византия, Божиим промыслом и милостию передав России благодать и правила постановления православных царей и помазанников. Россия,

воспринявшая это духовное наследство, стала святой Русью» [10].

Православный государь всегда имел множество недругов и врагов в силу своего характера: они были ненавистны иной власти, иным властям, не посвященным Богу, враждующими под воздействием страстей корысти, властолюбия и самомнения, невежества. Не случайно история свидетельствует об этом: десятки византийских, русских и прочих христианских государей приняли мученическую смерть: были задушены, утоплены, обезглавлены и другими зверскими путями убиты. «Претерпевали они эти страдания и клевету за то, что были помазанниками, подобно Господу своему Иисусу Христу — Помазаннику Всевышнего» [10].

Западный мир из зависти определил византийское царство как цезарепапизм, что привело в последствии к искажению представлений о роли царя в истории христианской церкви. Однако негативную роль цезарепапизм приобретает тогда, когда царь уходит от истинной веры, когда он теряет благоговение к Церкви. «Иными словами, когда государство и Церковь перестают быть единым организмом... Цезарепапизм есть там, где власть отделилась от Церкви» [3, с. 181].

В симфонии священства и царства отразилась теократическая природа обеих форм человеческого единства. «Церковь не греховно и преступно, а вдохновенно и убежденно совоплотилась с государством, с империей во имя покорения Христу всей земной истории, не боясь ее материальной оболочки» [5, с. 283]. Византийские императоры непосредственно служили церкви, в том числе и в решении самых сложных вопросов церковной жизни, в создании церковного права, религиозных канонов. Например, император Маврикий в конце VI в. ввел в церковный обиход новый вид молитв Пресвятой Богородице во Влахернском храме, а в середине XIII в. император Феодор II Ласкарь написал Великий молебный канон Богоматери (подробнее об этом см. [8]).

Историю государственного права России нельзя рассматривать в разрыве с традицией византийской государственности. Идея симфонии властей самым серьезным образом сказалась на политическом и правовом мышлении русских государей. Многие из них отнеслись

к своему княжескому и царскому служению именно по-христиански: своей основной задачей они видели христианское спасение подданных, служение христианской проповеди, подвиг во имя веры. Сама идеология самодержавия не могла возникнуть без идеи симфонии властей. На этапе формирования самодержавия государственная власть мыслилась с религиозно-нравственных позиций как власть княжеская, а впоследствии царская, ограниченная заповедями Божиими, страхом Божиим, целями воцерковления Руси и построения христианского государства и общества.

Идея симфонии властей, идея самодержавия, идеократический архетип национального правосознания, на значимость которого все чаще обращают внимание отечественные правоведы, представляют собой звенья одной цепи. И история Византии, и история России пронизаны идеей служения высшим целям и ценностям, духовным идеалам, Божественному промыслу в человеке. Без государственной или общественной идеологии современному российскому государству трудно сохранить идентичность и развиваться, идти вперед.

Понимание божественного, сакрального характера государственной власти является характерной чертой философии политики и права Византии, ее политической и правовой культуры. Именно духовная легитимность власти предопределила устойчивость и долгосрочность византийских государственных институтов. Их духовно-нравственное величие и красота привлекли внимание к Византии как на Западе, так и на Востоке. Это далеко не случайно, поскольку, как отмечал еще архиепископ Серафим (Соболев), «глубокое убеждение в богоучрежденности власти на земле дает силу и значение законам и всем распоряжениям властей» [11].

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Н.Н. Идея государства. СПб., 2001. С. 175.
2. Вальденберг В.Е. История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства. СПб., 2008. С. 137, 138.
3. Величко А.М. Церковь и император в византийской и русской истории (историко-правовые очерки). СПб., 2006. С. 181.

4. Дигесты Юстиниана. Избранные фрагменты. Перевод и примечания И.С. Перетерского. М., 1984. С. 34.
5. *Карташев А.В.* Вселенские Соборы. М., 1994. С. 283.
6. *Кулаковский Ю.А.* История Византии. СПб., 2003. Т. 2. С. 327.
7. *Протоиерей Валентин Асмус.* Отношения церкви и государства по законам императора Юстиниана I (Великого) [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pravoslavie.ru/37859.html>.
8. *Протоиерей Валентин Асмус.* Церковные полномочия императоров в поздней Византии // Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского богословского института. М., 2002.
9. *Протоиерей Валентин Асмус.* Церковные полномочия византийских императоров // Православная государственность: 12 писем об Империи. Сб.ст. под ред. А.М. Величко, М.Б. Смолина. СПб., 2003. С. 35.
10. *Святитель Филарет Московский (Дроздов).* Христианское учение о Царской Власти и об обязанностях верноподданных [Электронный ресурс] // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/hristianskoe-uchenie-o-tsarskoj-vlasti-i-ob-objazannostjah-vernopoddannyh/#0_1.
11. *Серафим (Соболев), архиепископ.* Русская идеология [Электронный ресурс] // URL https://azbyka.ru/otechnik/Serafim_Sobolev/russkaja-ideologija.

УДК 340

DOI: 10.23683/2313-6138-2019-6-1-52-56

© 2019 А.В. Серегин¹

ВИЗАНТИЙСКИЕ КОРНИ ГОСУДАРСТВЕННО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО УСТРОЙСТВА МОСКОВСКОГО ЦАРСТВА В XVI–XVII ВВ.

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается влияние византийской имперской идеи на государственно-территориальное устройство Московского царства в XVI–XVII вв. Автор приходит к выводу, что процесс централизации древнерусских земель вокруг Москвы (Третьего Рима) создал предпосылки перехода к имперской форме государственно-территориального устройства, допускающего как автономные формы управления, так и губное самоуправление.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Византия; империя; государственно-территориальное устройство; царь; Московское царство; самоуправление.

THE BYZANTINE ROOTS OF THE STATE-TERRITORIAL STRUCTURE OF MOSCOW KINGDOM IN THE XVI–XVII CENTURIES

ABSTRACT. The article deals with the influence of the Byzantine Imperial idea on the state-territorial structure of the Moscow Kingdom in the XVI–XVII centuries. The author comes to the conclusion that the process of centralization of the old Russian lands around Moscow (the Third Rome) created the preconditions for the transition to the Imperial form of state-territorial structure, allowing both Autonomous forms of government and provincial self-government.

KEYWORDS: Byzantium; Empire; state-territorial structure; Tsar; Moscow Kingdom; self-government.

¹ Серегин Андрей Викторович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Южного федерального университета, 344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88, andrei-seregin@rambler.ru

Seregin, Andrey V., PhD in Law, Associate Professor at the Department of state and law' theory and history, Southern Federal University, 88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don 344007, Russian Federation, andrei-seregin@rambler.ru

Московская Русь в XIV–XVII вв. развивалась в политическом фарватере земской имперской централизации Третьего Рима — преемника Византии [2, с. 295–313]. Процесс этот был закономерен, так как в 1453 г. окончательно пал Константинополь [1, с. 193–194], а к концу XIV столетия православное Сербское королевство [20, с. 33–34] и Болгарское царство [21, с. 37–41] уже попали под власть Османской империи. Свободным православным христианским государством осталась Великороссия — Московская Русь. Первым венчанным на царство русским царем (фактически императором Третьего Рима) в 1547 г., получившим титул «Царь и Великий князь Всея Руси Самодержиц» был Иван Васильевич IV Грозный, который активно использовал в преамбулах законодательных актов середины XVI столетия терминологию своего сана, например, в Царском Судебнике 1550 г. [24, с. 69] и в Стоглаве 1551 г. [23, с. 253]. В 1561 г. духовенство православной восточной церкви приняло «Соборную грамоту» [22, с. 4, 11, 17, 25], утверждающую сан царя за великим князем Иоанном IV Васильевичем в форме «Царь Московский, Новгородский, Астраханский, Казанский, Нагайский и всеа земли Великия Росии» [22, с. 4, 17, 25], в греческом первоисточнике: «βασιλεὺς Μόσχοβίση, Νοβογράδση, το Αστραχάνιση, Καζανίση, Νογαί και πάσης της γης Μεγάλη Ρωσία» [22, с. 11]. Формально юридически это означало, что за царской властью московского государя восточноправославными церквями не признается суверенное право на земли Малой Руси, находившейся тогда под властью Великого княжества Литовского, Русского и Жмудского. Легализуя царский сан для великого князя Ивана Васильевича Грозного и его потомков, духовенство православных церквей старалось избежать политического конфликта с литовско-русским государством. Грамоту подписали Патриарх Царегородский Иоасаф, 31 митрополит и 4 епископа.

Великие князья Московские, проводя объединительную политику, первоначально мирились с правовым партикуляризмом вновь присоединенных территорий. Например, великий князь Московский Василий I после присоединения к своим владениям Великого Нижегородского княжества оставил уделы его мест-

ным князьям в Суздале, Посурье и Городце, лишив их лишь права самостоятельно общаться с Ордой [11, с. 231]. Василий Темный (1415–1462 гг.), распространяя свою власть на земли Ростова Великого, разрешил его боярам судить дела по древним местным законам и обычаям [15, с. 29]. Правовые тяжбы, возникавшие в Северо-Восточной Руси, при смешении юрисдикционных прав вотчинников, удельных князей и церкви, как правило, решались в *смесных (вобщицх)* судах, состоявших из великокняжеских наместников, волостелей (или тиунов), игуменов, архимандрита, митрополита, епископа и иного клира [12, с. 227].

Благодаря гибкой объединительной политике, княжеско-боярский вассалитет постепенно заменялся службой, правовой основой которой являлся не договор, а воля великого князя, выраженная в его правовых актах. Некогда удельные княжества, поглощаемые Московским государством, превращались из политико-территориальных единиц в административно-территориальные округа — уезды, управляемые наместниками, присланными из столицы. Уезды в свою очередь делились на волости и станы [26, с. 113]. Наместники и волостели (территориальные представители верховной власти) полностью подчинялись государю и содержались за счет местного населения. Иногда в населенных пунктах волостей назначались *посельские*, которые, по предположению П.В. Полежаева, являлись специальными княжескими чиновниками, призванными постоянно находиться в определенном важном для центральной московской власти поселении и обладающими правами, равнозначными волостелям [17, с. 113]. Принцип «кормления» чиновников сохранялся довольно длительное время. Кормление оформлялось грамотами [5, с. 6; 6, с. 7; 7, с. 191; 16, с. 190].

Вместе с тем Иван Васильевич IV провел весьма либеральную для своего времени реформу местного самоуправления, которая началась со знаменитого царского указа «Приговор царский о кормлениях и о службах» [18, с. 267–269]. Изданный ориентировочно в 1555–1556 гг., этот документ отменял систему кормлений и повсеместно вводил новые органы местного самоуправления: губные и земские учреждения, в которых решающую роль игра-

ли дворяне и верхи посадского населения. Губное учреждение — сословный орган местного самоуправления, созданный на основании губной грамоты в целях руководства уездом и осуществления в его пределах административных и судебно-полицейских функций. В их компетенцию передавались уголовные дела, изъятые из ведения наместников и волостелей. Земские и губные власти избирались всем земским населением, после чего принимали присягу в Москве. Результаты выборов заносились в протокол, который утверждался в Москве в соответствующем приказе. С развитием системы губных учреждений в каждом уезде были сформированы губные округа. Губными округами сначала были округа и волости, но позже в уезде устанавливалось одно губное ведомство. Иногда губные учреждения устанавливались и в отдельных частных вотчинах. Губные власти были сословными органами самоуправления и назывались губными избами, в состав которых входили губной староста (он избирался из бояр или детей боярских на общем съезде уезда); старосты, десятские, лучшие люди — целовальники (они находились при губном старосте и осуществляли текущие полномочия; они избирались сотскими на съезде уезда); дьяк находился при старостах, десятских и лучших людях, избирался всеми присутствующими на уездном съезде.

К компетенции губных изб относились следующие вопросы: 1) управление губным округом; 2) суд над разбойниками, убийцами, поджигателями (в отличие от наместников, волостелей и тиунов старосты и излюбленные судьи вершили правосудие на общественных началах, т.е. безвозмездно, т.к. судебные пошлины перечислялись в царскую казну [13, с. 29]); 3) финансы округа; 4) управление войсками (при отсутствии воевод). Иногда губные вопросы решались на съездах представителей всех классов уезда, которые были вправе решать вопросы избрания губных властей. Органы местного самоуправления имели право издавать Уставные земские грамоты, которые содержали нормы права, относящиеся к компетенции местного (земского) самоуправления. Они касались более широкого круга правоотношений, чем губные и уставные, так как одновременно содержали положения двух других

грамот и в пределах своей компетенции включали в себя финансовое право, уголовное право, гражданское право, правоохранные полномочия [8, с. 213; 14, с. 218; 25, с. 218]. Период распространения земских грамот начинается с середины XVI в. и оканчивается во второй четверти XVII в. Важную роль в формировании единого централизованного Московского царства играло органически сформировавшееся и окрепшее к XV столетию православное христианское правовое сознание, объединявшее население вокруг идеи укрепления единственной в мире самостоятельной и независимой православной российской державы [9, с. 8], а также такая «национальная “доминанта” характера русского народа, как исключительная “уживчивость”, терпимость к традициям, обычаям и верованиям других народов, отсутствие чувства превосходства над ними» [10, с. 3–7].

Особая система государственно-территориального управления, призванная уничтожить остатки удельного сепаратизма, сложилась в условиях опричнины, когда государство было разделено на две части: собственно опричнину (центральные и северные регионы) и земщину (юго-западные территории). Управление земщиной осуществлялось традиционно, а в опричнине без местного самоуправления исключительно опричной администрацией. Для земщины Иван IV назначил своего (потешного) «царя» Семёна Бекбулатовича. Опричники носили черную монашескую одежду, а к седлам приторачивали метлы и собачьи головы в знак того, что они готовы вымести любую измену в государстве с собачьей преданностью. Их численность достигала 5 тыс. человек. Опричнина длилась с 1565 по 1572 г. [3, с. 68]. Митрополит Иоанн положительно оценил опричнину Ивана Грозного, т.к. труды его «завершили сложение России ... столь прочное, что и восемь лет злополучной Смуты (1605–1613 гг.), новые измены боярские, походы самозванцев, католическая интервенция и раскол церковный не смогли разрушить ее» [4, с. 134]. Именно при Иване IV российское государство стало стремительно эволюционировать в империю, благодаря присоединению к Московскому царству Казанского царства (1552 г.), Астраханского ханства (1556 г.), Сибирского ханства (1589–1594 гг.), башкирских земель (1554–1557 гг.) и т.д. [19, с. 7].

С укреплением центральной государственной власти в середине XVII в. были учреждены должности воевод (воеводства являлись аналогом фем — военно-административных округов Византийской империи [1, с. 200]), которых подбирал Разрядный приказ из числа бояр и дворян с последующим их утверждением Боярской думой и царем. В большие города назначалось несколько воевод, один из них считался главным. В отличие от кормленщиков, воеводы получали государево жалование и не могли обирать местное население на законных основаниях. Одна из главных задач воевод состояла в обеспечении финансового контроля. Они производили учет количества земли и доходности земельных участков во всех хозяйствах. Под надзором воевод государственные налоги собирали выборные старосты и целовальники. Важной функцией воевод был набор на военную службу служилых людей из дворян и детей боярских. Воевода составлял соответствующие списки, вел учет, проводил военные смотры, проверял готовность к службе. По требованию Разрядного приказа воевода направлял служилых людей на место службы. Он командовал также стрельцами и пушкарями, наблюдал за состоянием крепостей. При воеводе была специальная приказная изба во главе с дьяком. В ней велись все дела по управлению городом и уездом. По мере того как воеводы укрепляли свое положение, им все больше подчинялись губные и земские органы, особенно по военным и правоохранным вопросам. Для управления территориями, имеющими специфику внутреннего самоуправления, были созданы приказы Сибирского дворца, Казанского дворца, Смоленского княжества и т. д. Процесс централизации создавал предпосылки перехода к имперской форме государственно-территориального устройства, допускающего автономное управление (например в Малороссии и в казачьих областях) и губное самоуправление.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апольский Е.А., Мельников В.Ю., Серегин А.В. История государства и права стран средневековой Евразии / под ред. Е.А. Апольского, А.В. Серегина. М.: Ростовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России) в г. Ростове-на-Дону, 2017. 565 с.
2. Величко А.М. Византийская симфония. М.: Вече, 2013. 394 с.
3. Воронцов С.А. Спецслужбы России. Изд. 3-е, дополн. и перер. Ростов н/Д: Феникс, 2012. 443 с.
4. Высокопреосвященный Иоанн, митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. Самодержавие духа. Очерки русского самосознания. Саратов: «Надежда», 1995. 336 с.
5. Грамота Великого князя Московского Василия Васильевича Темного на кормление волостелю Ивану Григорьевичу Раслу 1425 г. // Юшков А.И. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. 1257–1613 гг. М.: Университетская типография, 1898. С. 6.
6. Грамота Великого князя Московского Василия Васильевича Темного на кормление намѣстнику Ивану Григорьевичу Раслу съ сыномъ на мещерские города 1426 г. // Юшков А.И. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. 1257–1613 гг. М.: Университетская типография, 1898. С. 7.
7. Грамота о пожаловании намѣстнику Ивану Карамышеву города Невля въ кормление 1578 г. // Юшков А.И. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Ч. 1. 1257–1613 гг. М.: Университетская типография, 1898. С. 191.
8. Губная Белозерская грамота 1539 г. // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. С. 213–214.
9. Демченко Т.И. Правовое сознание в древнерусской и российской государственно-правовой жизни: дис. ... докт. юрид. н. Ставрополь, 2012. 426 с.
10. Иванников И.А. Теории происхождения древнерусских государств // История государства и права. 2016. № 24. С. 3–7.
11. Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.: Наука, 1984. 353 с.
12. Ланге Н. Древние русские смѣсные или вобчѣ суды. М.: Типография А.И. Мамонтова и Ко, 1882. 256 с.
13. Ланге Н.И. Древнее русское уголовное судопроизводство: XIV, XV, XVI и половины XVII веков. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 256 с.
14. Медынский Губной наказ 1555 г. // Российское законодательство X–XX веков. В 9 т. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. С. 218–224.
15. Михайловъ М. Исторія образования и развития системы русского гражданского судопроизводства до уложения 1649 года. Сочинение, написанное для получения степени магистра гражданского права. СПб.: Печатано въ типографіи Карла Крайя, 1848. 132 с.
16. Наѣзжая грамота Оедору Кобылину на намѣстничество въ г. Ямѣ Воцкой пятины 1578 г. // Юшков А.И. Акты XIII–XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после

отмены местничества. Ч. 1. 1257–1613 гг. М.: Университетская типография, 1898. С. 190.

17. *Полежаев П.В.* Московское княжество в первой половине XIV века: Исторический этюд. Изд. 2-е. М.: ЛЕНАНД, 2016. 168 с.

18. Приговор царский о кормлениях и о службах 1555–1556 гг. // ПСРЛ. Т. XIII. Первая половина. СПб.: Типография И.Н. Скороходова, 1904. С. 267–269.

19. *Рожнов А.А.* Русское имперское строительство в эпоху Московского государства (вторая половина XVI века — XVII век) // История государства и права. 2016. № 24. С. 7–11.

20. *Серегин А.В.* Расцвет и падение средневековой сербской государственности // История государства и права, 2016. № 21. С. 29–34.

21. *Серегин А.В.* Форма государства средневековой Болгарии // История государства и права, 2017. № 5. С. 37–41.

22. Соборная грамота духовенства православной восточной церкви, утверждающая сан царя за великим

князем Иоанном IV Васильевичем 1561 года / изд. к. М.А. Оболенским. Москва: Синодальная тип., 1850. 50 с.

23. Стоглав 1551 г. // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. С. 253–402.

24. Судебник 1550 г. // Политическая история России: Хрестоматия / сост. В.И. Коваленко, А.Н. Медушевский, Е.Н. Мошелков. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 69–94.

25. Уставная земская грамота Волостей Малой Пененки, Войской и Сурь-Двинского Уезда 1552 г. // Российское законодательство X–XX веков. В девяти томах. Т. 2. Законодательство периода образования и укрепления Русского централизованного государства. М.: Юрид. лит., 1985. С. 227–233.

26. *Чертков А.Н.* Развитие правового регулирования территориального устройства России: историко-теоретический аспект. Брянск: РИО БГУ, 2011. 434 с.

УДК 322

DOI: 10.23683/2313-6138 -2019-6-1-57-60

© 2019 Н.А. Кравцов¹

«СИМФОНИЯ ВЛАСТЕЙ» И ВИЗАНТИЙСТВО В РОССИИ: ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается вопрос о мере актуальности концепций «симфонии властей» и византизма в современной России. Автор приходит к выводу о недопустимости абсолютизации опыта Византии в современных российских условиях. Также ставится под сомнение целесообразность мышления в категориях «Третьего Рима» в ущерб концепции «Святой Руси».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: византийская идеология; взаимодействие государства и Церкви; русское Православие; социальная и духовная жизнь.

SYMPHONY OF POWERS AND BYZANTISM IN RUSSIA: PAST AND FUTURE

ABSTRACT. The article studies how relevant the concepts of the *symphony of powers* and Byzantism are for today's Russia. The author concludes that Byzantine experience must not be absolutised in present-day Russian conditions. He also questions the expediency of the *Third-Rome* way of thinking to the detriment of the *Holy Russia* concept.

KEYWORDS: Byzantine ideology; interaction between the state and the church; Russian Orthodoxy; social and spiritual life.

¹ Кравцов Николай Александрович, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории права и государства юридического факультета Южного федерального университета, 344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88, nikikrvtsv@yandex.ru

Kravtsov, Nikolay A., PhD in Law, Associate Professor — Chair of Theory and History of Law and State, Law Faculty, Southern Federal University, 88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don 344007, Russian Federation, nikikrvtsv@yandex.ru

Не станем пускаться в пространные рассуждения о важности использования в отечественном дискурсе опыта византийской государственности и византийской политико-правовой идеологии. Признание этой важности уже давно стало почти что общим местом в нашей научной литературе. Но, на наш взгляд, порой коллеги забывают о том, что при всей важности византийского опыта не стоит его абсолютизировать. Нет абсолютного сходства в политическом сознании российской и византийской наций. И, важнее того, нет аналогии в глубинном религиозном сознании. И византийская идеология, столь ценимая учеными мужами, вряд ли воспринималась как «своя» народными массами России. В связи с этим вспоминаются строки нашего замечательного Николая Лескова: «Я вам должен признаться, что я более всяких представлений о божестве люблю этого нашего русского бога, который творит себе обитель “за пазушкой”. Тут, что нам господу турки не толкуй и не доказывай, что мы им обязаны тем, что и бога через них знаем, а не они нам его открыли — не в их пышном византийстве мы обрели его в дыме каждений, а он у нас свой, притоманный и по нашему, попросту, всюду ходит и под банный полочек без ладана и в душе хлада тонка проникнет и за теплой пазухой голубком приоборкается» [1, с. 417].

Не стоит забывать о том, что при всех трансформациях идеологии Византия, по большому счету, знала лишь одну модель взаимодействия государства и Церкви. Мы же знали несколько. Одно дело — модель времен Рюриковичей, другое — после реформы Алексея Михайловича. Непохожи на них петровская, большевистская, перестроечная и постсоветская модели. А уж если говорить о различии в исторической судьбе идеологий и практического опыта, то бесперспективность абсолютизации византийства станет еще более очевидной. Спаситель призывал нас оценивать древа по плодам их. Можно отмахнуться от чего угодно, кроме неоспоримых фактов. Византия в конечном счете рухнула. Рухнула стремительно, беспомощно и бездарно. То же самое произошло и с Российской империей, причем именно на том этапе, когда ее идеология была достаточно близка к византийской. Что до церкви, то в России она

с вершины византийской помпезности была ввержена в бурное море страшных испытаний. И выжила, воскресла вовсе не благодаря элементам византийского влияния. Напротив! Гонимая церковь советского периода, это как раз, в каком-то смысле церковь «бога за пазушкой», церковь, не просто не имевшая, но и не мечтавшая даже о поддержке и понимании со стороны государства. Что до Византии, то судьба Константинопольской Церкви тоже далеко не безоблачна. Зависимая от прихотей турецких властей, в отношении с которыми нет и не может быть симфонии, лишь из уважения к великому прошлому носящая имя «вселенской», она постепенно переходила от политики к мелкотравчатому политиканству, апогей чего мы, похоже, наблюдаем в связи с последними событиями на Украине. Не имеющая перспектив на «симфоничные» отношения с государством пребывания, она ищет «симфонии» во взаимоотношениях с заокеанскими властями, очевидно еще менее духовными и дружественными в отношении православия, нежели власти мусульманской Турции. Да и в старину, до революции 1917 года, для основной массы православных верующих России это церковь, утратившая традиции под пятой «неверных» (вспомним «Братьев Карамазовых»). В приведенном выше фрагменте Лескова византийцы без каких-либо реверансов именуются «турками». Да и есть некоторый самообман в именовании «Стамбульской», по существу Церкви «Константинопольской», сохранившей главные духовные ценности по преимуществу в монастырских стенах.

Что еще более любопытно, так это то, что все пережитые Россией модели взаимодействия государства и Церкви имеют огромную историческую ценность, ценность как политического, так и духовного измерения. Есть что-то восхитительное в истории изначально русского Православия, в этом удивительном произрастании глубоко национальной, народной веры и Церкви из веры и Церкви, принесенных извне. Есть величие в пореформенной Церкви и ее исторической гармонии с государством первых Романовых, немыслимой без идеи «Москвы — Третьего Рима». Есть грандиозная архитектурность в оригинальном устройстве и в своеобразной духовной жизни

церкви Имперской. Есть величие подвига новомучеников и исповедников Церкви советского периода. В благополучии ли, в политической ли безопасности, так хорошо, вроде бы гарантированных в государстве византийско-теократическом, величие Церкви и цель ее? Сказано: «Дивен Бог во святых Своих»! Воистину дивен Бог гонимой и преследуемой Церкви в новомучениках и исповедниках Своих! Отрицать роль в истории Православия советского периода — нелепость, подобную той, что мы совершили бы, сомневаясь в значении для Священной Истории Ирода, Пилата, Нерона и прочих. Историческая ценность советского периода тем более очевидна, что она, бесспорно, показала бесперспективность соперничества властей. Обрушение Советского государства, такое же стремительное, беспомощное и бездарное, как падение Византии и Российской империи — необходимый, логичный, рискнем сказать — «промыслительный» этап в истории и государства и Церкви.

Если говорить о современных элементах «византизма» в отношениях государства и Церкви, то по большинству позиций желаемое остается желаемым, а действительное — действительным. Иначе и быть не может в условиях конституционного отделения Церкви от многоконфессионального государства. Российское государство не строится по модели Церкви. Более того, гораздо в большей степени наблюдалось подобие церковной иерархии в построении механизма Советского государства и Коммунистической партии, чем, кстати, отчасти были предопределены их успехи и устойчивость на определенном этапе советского периода нашей истории. А вот Церковь, как аппарат, заимствует принципы государственного аппарата. Церковная власть бюрократизируется и утяжеляется параллельно с государственным аппаратом.

Теперь рискнем заявить, что любая идея «симфонии» государственной и церковной властей изначально утопична. Прежде чем состоится «симфония» светской и духовной власти, необходимо построить симфонию внутри каждой из них. С чем проблемы. Государство не достигает и не может достигнуть совершенной гармонии своих элементов. Политическая система в целом — не гармония, а лишь средство для предотвращения опасных по-

следствий дисгармонии. Церковь симфонична лишь в мистическом ее аспекте. В земном — она многолика. Есть церковь официальная, церковь наивно-народная, церковь космополитическая и национальная, церковь, как организация, как политическая сила, как образовательная система, как научная иерархия теологии, и этот список можно продолжить. Социальная и духовная жизнь — это не музыка, где смешение диссонансов может звучать гармонично и где достаточно уяснить математические закономерности обращения какофонии в симфонию и правила разрешения диссонансов. В политической и духовной жизни «симфония диссонансов» абсурдна. Начиная с Юстиниана вопрос во многом сводился к соотношению компетенций светской и церковной властей. Не обошли его своим вниманием и западные политические мыслители. Однако теперь этот аспект достаточно очевиден. Более актуальны сегодня глубинные, духовно нравственные взаимодействия Церкви и государства. А вот идея совмещения властей в фигуре императора многому в современном политическом сознании противоречит. Да и до-революционная российская практика, в разрез с концепцией Юстиниана, не признавала выборности императора.

В духовном плане для России наиболее важны, на наш взгляд, две проблемы. Первая: как, стремясь стать Третьим Римом, не стать новым Вавилоном (при гипертрофированном значении сильной государственной власти) или Ватиканом. Максимальная гармония в отношениях государства и Церкви, порой — личина лукавого, под которой он испытывает Церковь третьим искушением Христа.

Второй, более радикальный подход к глобальным перспективам может состоять в постановке под сомнение самой необходимости отождествления России с «Третьим Римом». Не лучше ли строить первую и единственную Святую Русь? Это стремление ведь, по существу, было насильственно подавлено провозглашением концепции «Третьего Рима», проводившейся в жизнь несколько грубо и прямолинейно. А было ли это хорошо — вопрос настолько масштабный, что, конечно, выходит за рамки небольшой статьи.

В любом случае специфика современного политического сознания российского народа,

как и реальности сегодняшнего дня, требует и модернизации византизма. К примеру, необходимо ли придать догмам Церкви силу государственного закона? Возможно ли это сегодня? Вопросы не праздные. Или: что делать с многоконфессиональностью? Глупость западного опыта для нас неприемлема. Мы не можем исповедовать византийство и переименовывать Рождественскую елку в «Новогоднее дерево».

Немаловажен и национальный аспект. Конечно, «опыт Восточной империи является очень ценным в различных сферах. В области национальной политики, например, это была единственная страна Европы и Ближнего Востока с таким полиэтническим составом населения, и ей очень часто приходилось разделять и властвовать, подчас доходя до переселения

отдельных народов» [2]. Вместе с тем нельзя забывать, что в Византии не было государствообразующей нации [3, с. 737], в то время как в России она есть.

Если вопросы, только часть из которых мы обозначили, будут когда-нибудь решены, они повлекут за собой новые. Но в этом и прелесть, как философии, так и науки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лесков Н.С. На краю света // Собрание сочинений в пяти томах. Т. 1. М., 1981.
2. Новиков О.А. Византийская концепция «симфонии властей». Историко-политический аспект [Электронный ресурс] // URL: <http://geum.ru/lav/index-54638.php>
3. Соколов И.И. О византизме в церковно-историческом отношении // Христианское чтение. 1903. № 12. С. 737.

УДК 340

DOI: 10.23683/2313-6138-2019-6-1-61-64

© 2019 С.П. Федоренко¹

РОЛЬ ИДЕИ СИМФОНИИ ВЛАСТЕЙ В СТАНОВЛЕНИИ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ РОССИИ

АННОТАЦИЯ. В статье рассказывается о том, что исторически государственность России формировалась в контексте модели симфонии властей, унаследованной вместе с православием у Византии. В Западной Европе сформировался принцип конкуренции двух моделей — папоцезаризма и цезарепапизма, — и вторая модель в конечном итоге одержала верх. Во многом этому способствовало разделение католической церкви на протестантские течения. А они унаследовали принцип конкуренции, который трансформировался в капиталистическую систему. Она стала определяющей во всем Миров. И сегодня необходимо рассматривать альтернативные модели для обогащения теории государства

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: православие; государственность; симфония властей; протестантизм; конкуренция; капитализм.

SYMPHONY OF POWERS IN THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN STATEHOOD

ABSTRACT. The article points out that historically, Russian statehood was formed in the context of the *symphony of powers* model inherited along with Orthodoxy from the Byzantine Empire. Western Europe formed the principle of competition between two models: papocaesarism and caesaropapism, with the latter prevailing in the end. That was largely caused by the division of the Catholic Church into Protestant movements. They inherited the principle of competition, which was transformed into the capitalist system. The latter has become dominant all over the world. So today it is necessary to consider alternative models to enrich the theory of state.

KEYWORDS: Orthodoxy; statehood; symphony of powers; Protestantism; competition; capitalism.

¹ **Федоренко Святослав Петрович**, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории права и государства ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Южно-российский институт управления)», 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, д. 70/54, fsp018@yandex.ru

Fedorenko, Svyatoslav P., PhD in Law, Associate Professor — Chair of Theory and History of Law and State, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (South-Russian Institute of Management), 70/54 Pushkinskaya St., Rostov-on-Don 344002, Russian Federation, fsp018@yandex.ru

Официальным годом возникновения отечественной государственности принято считать 862 год, когда легендарный князь Рюрик договорился с новгородцами о том, что принимает княжение в обмен на обеспечение народу Новгорода безопасности и порядка в управлении. Исходя из этих летописных данных, можно предположить, что возникновение российской государственности более всего соответствует договорной теории происхождения государства. Понятно, что этот элемент истории отечественной государственности является одним из самых дискуссионных. Споры на эту тему не прекращаются и по сегодняшний день. Скорее всего, не прекратятся никогда, потому что получить исторически достоверные сведения о фактах и других важных элементах возникновения российской государственности мы вряд ли сможем [4, с. 44]. Тем не менее дальнейший путь и режим развития отечественной государственности получают исторически научное оформление, где также существует масса дискуссионных моментов. Они вызваны как отсутствием документальных доказательств того, что происходило в России в этот период, так и разными интерпретациями исторических событий и фактов, что тоже не вносит однозначности в научную доктрину. В настоящее время не сформировалось общепризнанного подхода и концепции относительно истории становления российской государственности. Существующие концепции можно разделить на два блока: консервативный и либеральный.

Бесспорным является факт, что кардинально и качественно изменилось направление формирования истории Российской государственности с момента принятия князем Владимиром Великим православия. Оно было принято по византийскому образцу, потому что на тот момент Византия представляла собой, пожалуй, самое развитое и самое прогрессивное государство в мире. Она с успехом могла сочетать различные элементы развития: как научно-технический прогресс, экономические отношения, так и религиозность носителей государственной власти и населения. По сравнению с Византийской империей Киевская Русь находилась на гораздо более низких ступенях развития [5, с. 23]. Князь Владимир, по всей ви-

димости, понимал, что курс развития в направлении Византии будет прогрессивным. И будет способствовать развитию всех сфер жизни молодого Русского государства. Так и произошло. После принятия православия в X веке конец XI и первая половина XII века характеризуются огромными темпами развития Киевской Руси. Это развитие, достаточно мощное по своей динамике, проявлялось во всех сферах: и в демографии, и в культуре, и в военном искусстве, и в строительстве городов. В это время по темпам строительства городов Киевская Русь опережает Европу. Во многих летописях мы можем найти название Киевской Руси как «государства городов». Европейцев того времени потрясали темпы роста славянских городов и то, с какой скоростью они наполнялись людьми. Соответственно это настораживало Европу, но, как мы знаем, проблемы с разрушением и последующим упадком на это раз пришли не Запада, а с Востока в лице монгольской империи Чингисхана.

В период завоевания славянских княжеств Золотой Ордой основным фактором, который мог бы способствовать их интеграции, являлась Русская православная церковь. Единство религии славян позволило сформировать единую систему ценностей и интегративное представление о том, что братские славянские племена являются частью единого народа исходя из религиозной составляющей. Возможно, именно поэтому в настоящее время западные кураторы правительства Украины пытаются внести раскол в церковное единство некогда одного народа, делящегося на русских, украинцев и белорусов. Это им необходимо, чтобы не повторилась историческая ситуация, когда выход из-под золотоордынского гнета произошел благодаря тому, что имелась единая культурно-религиозная платформа в виде православия. На ее основе возникли центры единения, позднее сформированные в целостную систему, получившую вертикаль власти в виде политических реформ Ивана III Великого. Он смог собрать русские земли и отказаться платить Золотой Орде выкуп, составлявший огромную долю бюджета. Православие позволило выйти из глубокого политико-экономического кризиса и начать тратить ресурсы на создание собственной экономики,

социальной сферы и объектов, которые имели стратегическое значение.

Эта деятельность велась великими московскими князьями начиная с Ивана Калиты вплоть до создания Иваном IV Грозным многонационального государства. В его состав вошли огромные территории, уже на тот момент сопоставимые с размерами всей Европы [6, с. 32].

Православная церковь, которая получила от Византии идеологические основы, унаследовала принципы структурирования власти, принципы взаимоотношения носителей власти с народом. Она действовала в соответствии с идеалом симфонии властей. Этот идеал предполагает, что государственная светская и церковная религиозная власть в своей деятельности будут друг друга дополнять и поддерживать. Все это осуществлялось в интересах народа, который должен иметь не только физическую безопасность и общественный порядок, но и внутреннюю морально-этическую безопасность и внутренний экзистенциальный порядок. Эти две сферы: внешняя, материальная, поведенческая и внутренняя, экзистенциальная, аксиологическая, отвечающая за восприятие, анализ и оценку происходящих процессов как в объективной реальности, так и внутри человека, — должны соединиться в единство и обеспечить искомую целостность личности, семьи, общества и государства. Это метазадача, по сути, невыполнима до конца, как идеалы и требования православия. Но в данном случае смысл не в достижении цели: так, нельзя стать точно таким же, как Христос, а в процессе, то есть в самой жизни.

Направление деятельности Русской православной церкви представляет собой необходимость построения симфонии на сочетающихся государственной и религиозной власти. После падения династии Рюриковичей и преодоления Смутного времени удалось сохранить этот принцип и в дальнейшем. Династия Романовых пыталась этот принцип воплощать. Конечно же, если провести аналитику и с критической точки зрения рассмотреть деятельность реформы и законы монархов Романовых, то можно обнаружить большое количество неудач, ошибок, неверных решений и т. д., но мы прекрасно понимаем, что ни одна форма правления и

политический режим за период существования всего человечества в парадигме государственности не может продемонстрировать стопроцентную эффективность и безошибочность. В теории, если мы будем закладывать человеческий фактор и остальные условия, которые не зависят от воли людей, мы увидим, что создание идеального общества практически невозможно по той причине, что концептуально под ним носители разных ценностей понимают совершенно разные принципы аксиологии общества [3, с. 45].

Возвращаясь к деятельности монархов Романовых, следует отметить, что принцип симфонии властей сохранялся, даже когда Петр I начал проводить европейские реформы [5, с. 87]. Он как раз обнаружил в конце XVII века в Европе все те последствия, которые произошли из-за монополизации Папой Римским политической власти и уничтожения инакомыслия инквизицией. Борьба, зародившаяся в социальных недрах среди людей, сумевших получить состояние, организовав производство, коррелировала протестантскому учению. А раскол католической церкви в Западной Европе способствовал динамизму общественных отношений и тому, что буржуазные отношения производственного характера начали выходить на первый план.

Протестантские события XVI века отразились на формировании новых социально-политических и социально-экономических сил, которые впервые в истории человечества смогли провести буржуазную революцию в Англии. Они свергли старый режим, уничтожили старый мир и создали новый мир — буржуазно-капиталистический [4, с. 67]. В нем впервые в истории главной ценностью была не вера в бога и служение на своем месте, а стремление к накоплению денег. Здесь не последнюю роль сыграло стремление протестантов, в частности кальвинистов, зарабатывать деньги. Тезис о том, что деньги являются эквивалентом угодности Богу, многим традиционным конфессиям казался ошибочным тогда, представляется ошибочным и сегодня, но тем не менее весь так называемый цивилизованный мир встал на реализацию этого тезиса. В работе «Протестантская этика и дух капитализма» Макс Вебер четко показывает, как через религиозный

принцип, через религиозное стремление и религиозную страсть стать угодным богу и спасти свою душу происходит формирование системы производства с целью извлечения прибыли [2, с. 213]. И в последующую эпоху капитализма этот принцип превращается в противоположность себе. Гуго Гроций и деятели эпохи Просвещения выводят бога за скобки логических рассуждений и апеллируют к рационализму. А он переставляет на первое место деньги.

В Европе был совершен переход от монархической религиозной системы, которая была построена на иррационализме, экзистенции и аксиологии служения, к власти капитала. В этих условиях и находится сегодня весь мир, потому что система капитализма с помощью денег контролирует практически все человечество. Эта система выгодна определенной страте, которая контролирует основную массу денег в мировой экономике и насчитывает примерно 5 % населения Земли. Они, надо признать, являются самыми интеллектуально развитыми, и поэтому принцип, при котором во главу угла ставится рационализм, для них наиболее выгоден, так как они принимают наиболее рациональные, комбинационные, стратегически продуманные решения. В этих решениях фактором давления или фактором воздействия, рычагом выступает капитал, контролирующий все общественные процессы.

Таким образом, мы видим, что с момента принятия православия в формировании российской государственности исторически была предпринята попытка создания системы симфонии властей по византийскому образцу. Эта модель предполагает взаимное сотрудничество, союзничество и взаимное дополнение светской и религиозной власти. Они действуют вместе синхронно на благо и процветание общества, государства и церкви.

Европейская модель пошла по другому пути развития. Там сформировался принцип конкуренции двух моделей — папоцезаризма и цезарепапизма, — и вторая модель в конечном итоге одержала верх. Во многом этому способствовало разделение католической церкви на

протестантские течения. А они унаследовали принцип конкуренции, который трансформировался в капиталистическую систему. Она стала определяющей во всем мире.

Сегодня Россия также находится во власти этой модели конкуренции и во власти капитала. Эта схема в настоящее время навязана всему миру Западом. Эти процессы зародились еще в середине XVII века и стали реализовываться в ходе колониальной политики Англии, в ходе создания систем конституционализма в различных странах, в ходе перехода большинства государств к республике и демократии. Данные процессы позволили закрепить в законодательстве частную собственность (прежде всего, на средства производства) в виде безусловной ценности и установить режим неприкосновенности частной собственности. Альтернативой может быть возрождение модели симфонии властей, которая должна быть, прежде всего, предназначена для защиты интересов российского общества и государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Галиновский С.А. Византия: симфония двух властей // Сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции. 2008. Т. 12. № 4. С. 51–52.
2. Макс Вебер. Протестантская этика и дух капитализма. М.: Ист-Вью, 2002. 352 с.
3. Овчинников А.И. Базовые духовно-нравственные ценности в условиях этнического и конфессионального многообразия России: политико-правовой аспект // Гражданское единство, этнокультурное и конфессиональное многообразие как ценностные основания и факторы консолидации российского общества: сб. ст. молодых ученых — участников конференции с международ. участием. Ростов н/Д, 2018. С. 390–399.
4. Овчинников А.И., Овчинникова С.П. Правовая политика России в сфере государственно-конфессиональных отношений: традиции и современные вызовы // Философия права. 2016. № 1 (74). С. 39–45.
5. Овчинников А.И., Федоренко С.П. История религиозной культуры и государственной России. Ростов н/Д, 2014. 132 с.
6. Овчинников А.И., Федоренко С.П. Российская государственность: история и современность. Ростов н/Д, 2017. 93 с.

УДК 347.4

DOI: 10.23683/2313-6138-2019-6-1-65-76

© 2019 В.И. Ермолович¹

РЕЦЕПЦИЯ НОРМ ВОСТОЧНО-РИМСКОГО ПРАВА В ПРАВОВУЮ СИСТЕМУ СРЕДНЕВЕКОВОЙ СЕРБИИ И СЛАВЯНСКИХ СТРАН

АННОТАЦИЯ. В статье показан процесс развития права в средневековых славянских государствах. Автор аргументированно показал, что право молодых славянских государств (Сербии, Болгарии и Великой Моравии) реципировало ряд норм и институтов законодательства императора Юстиниана, «Эклоги» и «Земледельческого закона». Рассмотрен процесс влияния норм восточно-римского права на становление средневекового русского гражданского права и права Великого княжества Литовского, в частности данная тенденция прослеживается на примере Пространной редакции «Русской Правды», «Псковской судной грамоты», ряда постановлений «Стоглава» 1551 г. и Белорусской редакции «Кормчей книги». Проведен системный и сравнительный анализ институтов обязательственного, наследственного и брачно-семейного права в законодательстве средневековых славянских государств и источниках восточно-римского права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: нормы права; сравнительный анализ; правоспособность и дееспособность физических лиц; обязательственные отношения; наследование; Сербия; славянские страны.

RECEPTION OF THE NORMS OF EASTERN ROMAN LAW INTO THE LEGAL SYSTEM OF MEDIEVAL SERBIA AND SLAVIC COUNTRIES

ABSTRACT. The process of the development of law in medieval Slavic states is shown in this article. The author argumentatively showed that the law of the new Slavic states (Serbia, Bulgaria and Great Moravia) had adopted a number of norms and institutes of the Emperor Justinian's legislation of «The Eclogue» and «The Agricultural law». The process of the influence of norms of Eastern Roman law on the formation of medieval Russian civil law and law of the Grand Duchy of Lithuania is also shown in the article. In particular the given tendency is traced on the example of Full wording of «Russkaya Pravda», «Pskovskaya Sudnaya Gramota», a number of resolutions of «Stoglav» of 1551 and Byelorussian's Churchian book of law. The systematic and comparative analysis of the institutes of liability law, heredity law, marriage and family law in the legislation of medieval Slavic countries and the sources of Eastern Roman law has been made in the summarized article.

KEYWORDS: law norms; comparative analysis; legal capacity and capability of natural persons; liability legal relations; succession; Serbia; Slavic countries.

¹ **Ермолович Виктор Иванович**, доцент кафедры международного экономического права УО «Белорусский государственный экономический университет», 220070, Республика Беларусь, г. Минск, пр. Партизанский, д. 26, jermalovich7@gmail.com

Yermalovich, Viktor I., Associate Professor, Chair of International Economic Law, Belarusian State Economic University, 26 Partizansky Lane, Minsk, 220070, Belarus, jermalovich7@gmail.com

Процесс становления государственности и формирования феодальных отношений у славянских народов стал мощным стимулом для развития права. Правовой обычай был уже не в состоянии регулировать многообразные отношения, возникающие как между отдельными индивидами общества, так и между личностью и обществом, личностью и государством. Этот фактор стимулировал развитие права молодых славянских государств, особенно норм и институтов гражданского права.

Важным и определяющим фактором в развитии отечественного гражданского права славянских народов становится рецепция норм восточноримского права, которое в рассматриваемый исторический период было уже адаптировано к условиям жизни феодального общества. Проблема рецепции норм римского права в правовые системы отдельных средневековых славянских стран Европы уже достаточно давно нашла свое отражение в исследованиях историков права Болгарии, Сербии, Чехии, России и Беларуси, в частности, в работах М. Андреева, Д. Ангелова [1], С. Новаковича [13; 14], А. Соловьева [20], Ю. Белого [26], В. Ваничека [4], Г. Розенкампа [16], И. Срезневского [21], Я. Щапова [23], В. Ермоловича [9; 12]. Однако комплексный анализ механизма рецепции норм восточноримского права в законодательство средневековых славянских стран предпринимается нами в данной работе впервые.

Обратим наш взгляд на ряд основных норм и институтов средневекового гражданского права. В средневековом гражданском праве славянских стран, как и в восточноримском праве, важное место принадлежит статусу физического лица, его дееспособности. В средневековом гражданском праве стран Европы, в том числе и славянских, дееспособность сводилась к способности физического лица совершать правовые сделки. Широкое применение в сербском и болгарском феодальном обществе, а также в некоторых регионах Чехии и Словакии, которые ранее входили в состав Великоморавского государства, получили некоторые нормы, заимствованные из восточноримской «Эклоги», в которой указан конкретный возраст, требуемый для совершения различных

правовых действий (бракосочетание, завещание, получение приданого и т. д.). Согласно «Эклоге» вступление в брак обуславливалось достижением 15-летнего возраста для мужчин и 13-летнего для женщин (ст. 1 титула II «Эклоги»; ст. 1 титула II славянской «Эклоги») [24, с. 45; 18, с. 121].

Мы имеем все основания утверждать, что указанные нормы были актуальны и для средневекового русского права. Только в собрании Государственного исторического музея в г. Москве в настоящее время находится на хранении 12 рукописей «Эклоги», которые датированы XIV–XVI вв. Наиболее древний список «Эклоги», который имел хождение в русских землях, датируется XIII в. Он является составной частью Дечанского списка «Номоканона», который был рецептирован в русское средневековое право из сербского источника. Указанный нами факт был установлен и получил известность благодаря исследованиям русского ученого, доктора исторических наук Я.Н. Щапова в 70-е гг. XX в. [23, с. 132].

В пользу влияния норм «Эклоги» на формирование категории правоспособности и дееспособности физического лица в праве средневековой Беларуси, которая в те времена называлась Великим княжеством Литовским, Русским, Жемойтским (далее — ВКЛ), свидетельствует замечание профессора Белорусского государственного университета И.А. Юхо, сделанное в монографии «Правовое положение населения Беларуси в XVI в.», которое базируется на анализе обширного ряда юридических источников. Автор утверждает, что до середины XVI в. на территории Беларуси «по церковным правилам в брак могли вступать девушки с 12–13, а юноши — с 14–15 лет» [25, с. 107]. В соответствии со Статутом ВКЛ 1566 г., брачный возраст для девушек был установлен с 15, а для юношей — с 18 лет, но в Статуте 1588 г. брачный возраст для девушек вновь устанавливался с 13 лет.

У нас также есть основание утверждать, что право средневековой Беларуси является источником рецепции ряда норм восточноримского права и для сопредельных районов Польши. Например, в праве Мазовецкого княжества брачный возраст для мужчин наступал в 15 лет, а для женщин с 12 лет [8, с. 104]. В то время как на территории других регионов Польши дан-

ный вид правоспособности наступал для мужчин с четырнадцати лет [27, с. 220], а источник средневекового германского права «Саксонское зеркало» устанавливал брачный возраст для мужчин с 12 лет [19, с. 34].

Следовательно, «Эклога» на территории средневековых русских княжеств и ВКЛ так же, как и в Болгарии и Сербии, была достаточно известным источником права. В свете вышесказанного закономерным является тот факт, что Стоглавый собор в 1551 г. придал силу закона рецепированной из «Эклоги» юридической норме, которая уже давно возымела фактическое применение в Московском государстве.

Таким образом, брачный возраст, который в период средневековья являлся критерием наступления дееспособности для физического лица, в русском централизованном государстве с 1551 г. наступал для мужчин в 12 лет [18, с. 287]. Брачный возраст, установленный в русском государстве Стоглавым собором, соблюдался до XVIII в. Он был изменен Петром I, установившим своим указом брачный возраст для мужчин — 20 лет, а для девушек — 17 [18, с. 437]. Правда, поскольку церковь ведала регистрацией браков, норма Стоглава действовала и была изменена для девушек лишь указом Святейшего синода от 17 декабря 1774 г. Последний повысил их брачный возраст на один год, то есть до 13 лет. Окончательно это постановление было отменено царским указом от 19 июля 1830 г., согласно которому брачный возраст для мужчин устанавливался — 18 лет, а для женщин — 16 лет.

Не только несовершеннолетие, но и душевная болезнь вела в соответствии со ст. 1 титула V «Эклоги» к признанию лица недееспособным. Так, в соответствии с сербским, болгарским, русским и чешским средневековым правом завещания, составленные душевнобольным лицом, не признавались законными. Из вышеизложенного следует, что ограничения дееспособности в праве славянских стран в соответствии с нормами восточноримского права устанавливались в зависимости от возраста, семейного положения, состояния здоровья (наличия или отсутствия душевных болезней) и т. д.

Обязательственные отношения, складывающиеся из договоров, в гражданском праве средневековой Сербии, Болгарии и русских

княжеств также основывались на принципах восточно-римского права, согласно которым одна сторона (продавец) обязуется передать вещь (товар) в собственность другой стороне (покупателю), а покупатель обязуется принять этот товар и уплатить за него определенную сумму денег (цену). В результате указанного вида договора продавец передает покупателю право собственности на проданную им вещь. В средневековых славянских странах участие в этом виде правоотношений широких слоев населения было существенно затруднено в силу того, что зависимое население, в первую очередь крестьяне, не могло являться полноправным участником договорных отношений. Имущество зависимых категорий населения являлось собственностью господствующего класса — светских и духовных феодалов. Следовательно, зависимое население в средневековых славянских странах могло выступать только в роли условного владельца, который обладал ограниченной правоспособностью, в том числе и в области реализации права покупать и продавать. Реальным собственником имущества являлся феодал, который обладал правом собственности на имущество зависимого от него населения.

Из содержания постановлений «Эклоги» следует, что для заключения договора купли-продажи сербское и болгарское феодальное право не требовало соблюдения строго установленных юридических норм. К примеру, ст. 1 титула IX «Эклоги» гласит: «Письменная или устная продажа и покупка какого-либо рода и [в частности, какой-либо] вещи производится по оценке, установленной без обмана по соглашению участников. Когда же цена выплачена продавцу, а предмет торга передается покупателю, то такая продажа по изменению намерения одной из сторон не подлежит отмене. Ибо необходимо, чтобы до заключения соглашения покупатель был точно осведомлен изучением [предмета продажи] и тогда вступил в соглашение» [24, с. 58]. Это говорит о том, что договор купли-продажи в праве средневековых славянских стран, как и в восточноримском праве, осуществлялся посредством простого соглашения сторон. Он вступал в силу и порождал правовые последствия с момента достижения соглашения сторон.

Вышеизложенная норма, на первый взгляд, может стать основанием упрощенного понижения того, что достигнутое соглашение между продавцом и покупателем ни к чему их не обязывает, и лишь после того как вещь передана, его условия становятся обязательными для обеих сторон соглашения. Однако не будем конкретную правовую норму рассматривать как универсальную, потому что указанная статья «Эклоги» (ст. 1 титула X славянской «Эклоги», ст. 1 титула IX восточноримской «Эклоги») [3, с. 132; 24, с. 58] регулирует только условия реализации договора купли-продажи за наличные деньги. В пользу нашего мнения свидетельствует ст. 2 титула IX «Эклоги» (ст. 2 титула X славянской «Эклоги») [24, с. 58; 3, с. 132]. Она предусматривает, что исполнению договора купли-продажи может предшествовать «испытание». В качестве одной из его форм предусматривался задаток. Задаток в рассматриваемый период трактовался как денежная сумма или какая-либо вещь, которая дается при заключении договора купли-продажи. Если договор не исполнился по вине того, кто внес задаток, виновный терял его. Если договор не исполнился по вине противной стороны, то полученный задаток должен быть возвращен в двойном размере.

Наличие задатка при заключении договора купли-продажи показывает, что заключение и исполнение договора купли-продажи не всегда совпадали по времени. Договор купли-продажи порождал обязательства сторон не в момент исполнения, а уже в момент заключения договора.

Анализ имеющихся в нашем распоряжении памятников феодального права Сербии, Болгарии, Русского государства и ВКЛ позволяет судить, что существенных ограничений для реализации договора купли-продажи как одного из видов гражданско-правовой деятельности законодатель не устанавливал.

В условиях развития феодальных отношений институт займа формировался как составная часть залогового права. Договор займа по своему характеру отвечал интересам господствующего класса. Заимодавцами в средневековой Сербии, Болгарии, Чехии, ВКЛ и Русском государстве, так же как и в Восточно-Римской империи чаще всего были предста-

вители господствующего класса — феодалы, а заемщиками обычно выступали обедневшие крестьяне. Неудивительно, что нормы «Эклоги» защищали в первую очередь интересы заимодавцев. Статья 1 титула X восточноримской «Эклоги» (ст. 1 титула X славянской «Эклоги») гласит, что заемщик не имеет права требовать отсрочки уплаты долга вследствие вражеского нашествия, морского кораблекрушения или по какой-либо другой причине [24, с. 59; 3, с. 133]. Следовательно, отсрочка долга не допускалась даже в случае таких стихийных бедствий, предотвратить которые было не в силах должника. Для средневековой Болгарии и Сербии набеги врагов были обычным явлением, и в результате таких набегов часто происходило полное разорение крестьян. Однако никакая отсрочка долга не допускалась. Заемщик должен был вернуть долг в установленный договором срок.

Широкое применение залоговых норм «Эклоги» в определенной степени объясняет ослабление обороноспособности средневекового Сербского и Болгарского государств. Массовое экономическое разорение населения вело его к экономическому и политическому закабалению представителями господствующего класса. И, как следствие, ослаблялась обороноспособность государства, так как зависимые крестьяне не обладали правом быть воинами. В связи с этим следует отметить, что в средневековом русском и чешском государствах правовые нормы «Эклоги», которые регламентировали заемные отношения, широкого применения на практике не получили. Так, например, институт займа получил в чешском средневековом государстве специфическое, самобытное развитие. Шляхта в силу натуральной формы ведения хозяйства операции с денежными расчетами проводила крайне редко. Процентные займы в Чехии были запрещены исходя из евангельской заповеди: «Mutuum date nihil inde sperantes» («И предоставите долг, ничего за него не требуя»). Только в период позднего Средневековья, когда денежные отношения начали играть значительную роль, чешское земское право стало допускать процентные займы, по которым ставки нередко были высоки. В 1543 г. чешский сейм принял постановление, которое регламентировало данный вид деятельности, устанавливая максималь-

ную процентную ставку по договору займа в размере 6 % годовых [4, с. 218].

При невыполнении заемщиком своих обязательств в установленный срок в соответствии с нормами «Эклоги» кредитор после нескольких предупреждений (не менее двух) имел право продать вещи, полученные в залог от заемщика. В результате реализации предмета залога из полученной суммы кредитор имел право погасить долг заемщика исходя из условий договора займа. Указанный подход к реализации института займа в немалой степени способствовал обезземеливанию, разорению крестьян, превращению их в зависимую категорию населения. Вместе с тем постановления действующих правовых актов на территории средневековой Сербии содержали в себе некоторые попытки ограничения полномочий кредитора. Например, заимодатель в соответствии с постановлением ст. 1 титула X славянской «Эклоги» не имел права брать в залог детей должника и привлекать их к работам, выполняемым рабами [17, с. 133]. Впрочем, указанная норма исполнялась формально.

Длительное время короли Сербии пытались сдерживать широкомасштабное разорение населения страны, которое вело к ослаблению обороноспособности государства. Осуществлялась политика сдерживания путем правового запрета церкви – потенциально сильного субъекта хозяйственной деятельности в стране — заниматься ростовщической деятельностью. Данная правовая традиция была заложена еще св. Саввой, первым главой Сербской православной церкви, в главе 45 «Номоканона» («Кормчей книги») в 1219 г. [2, с. 219а] и получила дальнейшее развитие в Хрисовулах королей Милутина и Стефана Душана Хиландарскому монастырю. Ограничения на занятие ростовщичеством для Сербской церкви были сняты в 1388 г. на основании Хрисовула, выданного кесарем Грегуром Архангеловскому монастырю [11, с. 31].

Наряду с «Эклогой» в славянских странах эпохи средневековья был известен и получил относительно широкое применение другой источник восточноримского права, также регламентирующий ряд общественных отношений, — «Земледельческий закон». Он был издан во времена правления императоров-иконоборцев, вероятно, в начале IX в. «Земледельческий

закон» отвечал интересам формирующегося господствующего класса в недрах молодых болгарского и сербского раннефеодальных государств. «Земледельческий закон», как и «Эклога», был переведен на старославянский язык. В частности, в 1955 г. югославский историк Д. Радойич опубликовал список южнославянской редакции «Земледельческого закона», выявленный им в архиве Хиландарского монастыря на Афоне [15, с. 15–27]. При этом текст переведенного «Земледельческого закона» был изложен письменно с учетом редакционных изменений.

В настоящее время под названием «Краткая редакция “Закона царя Юстиниана”» выявлен еще один список «Земледельческого закона» на сербском языке, который датируется XIV в. н.э. Он связан с деятельностью Стефана Душана. Следует отметить, что в «Закон царя Юстиниана» текст «Земледельческого закона» вошел не полностью, а выборочно, лишь 16 статей. Известен и русский список «Земледельческого закона». Специалисты его датируют XII — началом XIII в., поскольку он приспособлен к древнерусскому праву указанного периода [5, с. 194].

«Эклога» и «Земледельческий закон» представляли собой правовые акты феодальной эпохи, в основе которых лежали Законы Юстиниана. В указанных источниках договор найма вещи трактовался как договор, в силу которого одна сторона уступает другой не право собственности, а только право временного пользования вещью за определенное вознаграждение. Договор заключался посредством простого соглашения сторон, без соблюдения какой-либо определенной формы. Согласно ст. 1 титула XIII «Эклоги» (ст. 1 титула XII славянской «Эклоги») [9, с. 62; 3, с. 134] договор найма не мог заключаться на срок более 29 лет.

Формирование феодальных отношений способствовало более широкому утверждению института найма (аренды) в сфере землепользования у южных славян. Поэтому в феодальной Болгарии и Сербии широкое влияние приобрел восточноримский «Земледельческий закон», который использовался наряду с «Законом царя Юстиниана» (ст. 13, 14) для регулирования отношений, связанных с землепользованием. Указанные источники права регламентировали два вида арендных отношений: испольщину и мортитство [7, с. 207–208].

При испольщине тот, кто взял внаем для обработки участок земли, должен был отдать наймодателю половину полученного урожая. Мортит, в свою очередь, возвращал наймодателю одну десятую урожая. Это дает основание полагать, что мортит работал со своим инвентарем, засеивал землю своими семенами и т. д.

Нормы, регулирующие права и обязанности сторон по договору, защищают интересы наймодателя, который обычно был представителем господствующего класса.

Наймодатель был обязан заботиться об имуществе как хороший хозяин. «Земледельческий закон» предусматривал, что если испольщик, который нанял для обработки какой-либо виноградник, не заботился о нем как следует, не окапывал его, не огораживал, то он ничего не должен был получать из урожая (ст. 13). Если испольщик, нанявший поле, засеет его, не распахав предварительно, то он не получит ничего из урожая (ст. 12) [5, с. 235–236].

В «Земледельческом законе» проявлялась забота о получении прибыли землевладельцем. Согласно ст. 8, если наниматель-мортит отмерит причитающуюся наймодателю часть урожая без ведома последнего, то он (наниматель) лишается всего урожая [5, с. 235]. Здесь санкцией является не только возмещение убытков, но и полное лишение нанимателя-мортита какой бы то ни было выгоды, связанной с заключенным договором.

Статья 1 «Земледельческого закона» дает возможность испольщику делать некоторые отступления от заключенного договора. Однако он должен сделать заявление об этом до начала работы. Предоставляя такое право, закон обеспечивал землевладельцу-наймодателю возможность самому обрабатывать свой участок земли или сдавать его внаем другому лицу. Таким образом, соблюдались государственные интересы, которые выражались в сборе налогов (десятины) и защите интересов землевладельца. Статья 13 «Земледельческого закона» гласит, что если испольщик взял землю «исполу» у земледельца в его отсутствие (следовательно, не имеет возможности обрабатывать землю и заботиться о ней), то этот испольщик, если он не обрабатывает земельный участок, должен уплатить наемную плату в двойном размере [5, с. 236]. Следовательно, в отсутствие

наймодателя испольщик не имеет возможности отступить от условий договора найма.

Договоры о найме рабочей силы и подряда (договор, имеющий своим предметом достижение определенного результата труда) не были широко распространены в средневековой Болгарии и Сербии. Это объясняется тем, что господствующий класс феодалов в то время пользовался трудом зависимых (крепостных) крестьян, а государственная власть предпочитала устанавливать многообразные повинности на своих подданных, что обеспечивало ей возможность не прибегать к широкомасштабному использованию наемной рабочей силы.

На практике чаще применялся договор подряда. Ремесленники во времена Средневековья работали преимущественно по поручению заказчика, и договоры, которые определяли вид их деятельности, являлись договорами подряда. Об этом свидетельствует полная редакция «Закона судного людем», из которого следует, что если портной испортит материал вследствие неумения шить или злонамеренности, то он должен быть избит и лишен вознаграждения.

Дарение — это договор, посредством которого одно лицо (даритель) уступает безвозмездно другому лицу (одаряемому) собственность на вещь или деньги, проявляя при этом щедрость.

Достаточно подробно процедура дарения была регламентирована в «Эклоге». Именно поэтому нормы «Эклоги» на практике получили широкое применение и в феодальной Болгарии и Сербии. Согласно «Эклоге», для того чтобы дарение было действительным, оно должно совершаться в присутствии пяти или минимум трех свидетелей. Пять свидетелей должно быть тогда, когда дарение совершается в населенном пункте. В противном случае достаточно присутствия трех свидетелей (ст. 1, 2 титула IV «Эклоги»; ст. 2 титула VI славянской «Эклоги») [24, с. 51; 3, с. 126].

Участие пяти или трех свидетелей необходимо как для письменного, так и для устного договора дарения, а также для договора, который заключается на случай смерти дарителя. Обязанность формы, которую «Эклога» устанавливает для придания законности акту дарения, следует объяснить, во-первых, тем, что дарение — это акт, с помощью которого обычно

передается право собственности. Эта передача должна происходить публично, чтобы было известно, кто является собственником вещи. Во-вторых, дарение — это акт щедрости, который должен быть хорошо обдуман. Именно с этой целью, а также во избежание какого-либо обмана, ошибки, угроз и требовалось участие свидетелей. Таким способом обеспечивалась гласность и в некоторой степени гарантировалась свобода волеизъявления дарителя.

В связи с тем, что дарение — безвозмездный акт, возможности его одностороннего аннулирования были гораздо более широкими, чем возможность одностороннего расторжения других договоров. Согласно правовым нормам, закрепленным в «Эклоге», дарение могло быть отменено в случаях, если одаряемый оказался неблагодарным; нанес тяжкие оскорбления или побои дарителю; причинил дарителю большое несчастье; участвовал в заговоре против жизни дарителя; не выполнил условий дарения (ст. 6 титула IV «Эклоги»; ст. 4 титула IV славянской «Эклоги») [24, с. 52; 3, с. 126].

Некоторые из этих действий не стали бы основанием расторжения договора, хотя являлись вполне достаточным основанием для одностороннего расторжения договора о дарении по воле дарителя.

Средневековое право славянских стран знало и другие виды договоров, например товарищества. В болгарском и сербском средневековом праве регламентация данного вида договора также базировалась на рецепированных нормах римского права. Так, содержание постановления ст. 1 титула XI восточноримской «Эклоги» было рецепировано в нормы ст. 1 титула XII славянской «Эклоги», которая содержит в себе механизм реализации договора товарищества [24, с. 60; 3, с. 132], характерного для средневековой Сербии и Болгарии. В свою очередь, известное нам постановление «Эклоги» базируется на нормах классического римского права, которые были впервые изложены в титуле II «Об иске, вытекающем из товарищества» (*Pro socio*) книги XVII «Дигестов Юстиниана» 530 г. н.э. издания [6, с. 427–439]. Данный договор представлял собой простое соглашение сторон, не требовавшее особых формальных условий. Он по своему содержанию имеет сходство с договорами купли-про-

дажи, найма, поручения. Существенной чертой договора о товариществе является наличие общности имущества. Договор о товариществе требовал от всех его участников добросовестного исполнения взятых на себя обязательств по договору. Данный договор мог заключаться пожизненно или быть ограниченным определенным сроком.

Ликвидация товарищества происходила либо вследствие единогласного решения об этом всех членов товарищества, либо в результате одностороннего заявления о выходе из товарищества одного из его соучредителей. Оно могло быть ликвидировано и в случае смерти одного из соучредителей, если не было установлено заранее, что выбытие того или иного лица не разрушает товарищества. Выбывший был обязан возместить убыток, причиненный его выходом из товарищества. В случае если имелись ранее начатые общие дела, он продолжал отвечать вместе с остальными членами товарищества за возмездные убытки в данном предприятии, хотя и лишался права на участие в возможной прибыли.

Ликвидация товарищества, организованного с определенной целью, могла происходить и вследствие достижения этой цели, или если выяснялась невозможность ее достижения, или же, наконец, вследствие исчерпания средств. Товарищество могло быть ликвидировано и в результате возбуждения судебного иска одного из соучредителей против остальных соучредителей.

В «Эклоге», так же как и в законодательстве императора Юстиниана, для реализации процедуры образования товарищества требовалось письменное или устное согласие между двумя или более лицами. Согласно нормам «Эклоги» участие в товариществе не требовало обязательного равенства вносимых вкладов в общее дело; допускалось учреждение товарищества и тогда, когда доли соучредителей не были равными или когда кто-либо вносил вклад, другие же — свои силы и труд [24, с. 139].

Наиболее типичным примером реализации договора товарищества в средневековой Сербии была сфера торговой деятельности. Купец, отправлявшийся в торговую экспедицию, предварительно объединял свои усилия с другим лицом, от которого получал денежный

или товарный взнос. Так рождалась основная ячейка торговой деятельности, именуемая в документах того времени компанией или товариществом, которое могло выступать в форме «коллеганца», если вклад в компанию одной из сторон договора осуществлялся путем кредитования, т.е. был выражен в деньгах. Товарищество могло именоваться «роганцей», когда одна из сторон договора вносила товарный взнос в реализуемое предприятие. Но в обоих случаях одна из сторон договора вносила товарный взнос в реализуемое предприятие. При этом всегда одна из сторон договора выступала в роли исполнителя торгового поручения («трактатора»), а другая — кредитора.

Реальную практику создания подобных компаний позволяют представить нотариальные акты XIII–XIV вв. из городов Дубровника, Котора, Трогира и Задара. Наиболее типичными для средневековой Сербии являются Трогирские торговые компании. По своему численному составу они были немногочисленны: два-три участника; размер вкладов в большинстве своем был невелик, чаще всего от 23 до 120 лир, инвестиции свыше 1 тыс. лир почти не встречаются. Представители городского нобилитета обычно выступали в роли кредиторов и вносили большие суммы, в среднем 838 лир, в то время как взносы непривилегированных горожан не превышали 116 лир [22, с. 188].

Размер денежных вкладов в торговые компании г. Задара был значительно меньшим, чем Дубровника и Трогира. В среднем они составляли от 10 до 50 лир [10, с. 162]. Крупные суммы встречаются крайне редко. Данное явление можно объяснить тем, что исполнителями непосредственных торговых операций в рамках договора товарищества в г. Задаре часто выступали не профессиональные купцы, а пожелавшие улучшить свое материальное положение ремесленники или моряки.

Значительный интерес для нас представляет практика раздела прибыли между членами товариществ подобного рода. В средневековой Сербии норма раздела прибыли была следующей: 33 %, или одну треть, получал кредитор и 66 % — купец-исполнитель, который ничего, кроме своего труда, не вносил в данное предприятие. Для сравнения в аналогичных итальянских компаниях XII–XIV вв. был введен

следующий порядок раздела полученной прибыли: кредитор получал львиную долю прибыли — 75 %, а купец-исполнитель только 25 % от доли полученной прибыли [10, с. 162]. Отличие весьма существенное, особенно если учесть, что оно практиковалось повсеместно на восточном побережье Адриатики. Вероятнее всего, что сербские купцы-исполнители, в отличие от итальянских, должны были за свой счет набирать и оплачивать экипажи своих кораблей. Именно этот факт дает нам объяснение тенденции роста числа торговых товариществ в средневековых городах Сербии и всего западного побережья Балканского полуострова, где не только состоятельные купцы, нобили и судовладельцы, но и рядовые граждане, ремесленники, матросы и рыбаки, скопив несколько дукатов, стремились найти способ вложить их в организацию торговых экспедиций.

Русское средневековое право также знало порядок применения договора товарищества. Наиболее часто данный вид договора находил свое применение в сфере организации торговли. В этой связи уместно отметить, что в средневековом праве Сербии регламентация договора товарищества в основном базировалась на нормах римского права. Регламентация договора товарищества в русском средневековом праве в значительной степени базировалась на правовом обычае местного славянского населения, при этом мы не отрицаем и факта влияния восточноримского права. В пользу данного договора свидетельствует анализ источников средневекового русского права: «Русской Правды» и «Псковской судной грамоты». Так, ст. 48, 54 и 55 Пространной редакции «Русской Правды» регламентирует деятельность судебного товарищества: торговли в складчину, реализацию механизма взыскания доли своего вклада в уставный фонд товарищества и размер причитающейся прибыли [17, с. 67, 68, 100, 102, 103].

Статья 92 «Псковской судной грамоты» регулирует порядок разрешения споров между членами товарищества в процессе его ликвидации [17, с. 340, 377].

Таким образом, для населения средневековой Сербии и русских княжеств в XII–XV вв. понятие юридического лица было уже доступно для понимания и, более того, определенная часть экономически активного населения изу-

чаемых нами стран принимало непосредственное участие в его создании и последующем функционировании. Данный процесс осуществлялся путем практической реализации договора товарищества. При этом следует признать, что данному процессу в определенной степени способствовала рецепция норм римского права в юридические источники вышеуказанных стран. Например, византийский «Номоканон» — сборник правил церковных соборов IV–VII вв., правил епископов и установлений о церкви императоров Восточно-Римской империи был основным источником церковного и гражданского права Восточно-Римской империи, Болгарии и Сербии в XI–XIII вв., а также являлся вспомогательным источником права на Руси в указанный период. В пользу нашего довода свидетельствует русская редакция «Номоканона», получившая название «Ефремовской кормчей».

В 1219 г. глава Сербской православной церкви, епископ, ставший известным в истории под именем св. Саввы, и его родной брат, король Сербии Стефан Первовенчаный, подготовили отечественную сербскую редакцию «Номоканона» на старославянском языке. Этот свод церковного и светского права в славянском мире часто называют «Кормчей книгой». Начиная с XIII в. сербская редакция «Кормчей книги», или «Номоканона», была широко известна как источник церковного и гражданского права в русских землях. Только в архивах современной России находится на хранении свыше 30 списков сербской редакции «Номоканона», которые датированы XIII–XVI вв. [23, с. 132]. Следовательно, «Эклога» в средневековой Руси так же, как и в Сербии, была достаточно известным источником права. Значит, и в средневековой Руси нормы римского права, изложенные в «Эклоге», могли повсеместно применяться в отношении правовой регламентации договора товарищества.

Источники права эпохи Средневековья свидетельствуют о наличии двух видов наследования в праве всех без исключения славянских государств — по закону и по завещанию. Наследование по закону действовало тогда, когда наследодатель не оставлял завещания.

Основа средневекового наследственного права Сербии, Болгарии, Моравии (Чехия), ВКЛ и русских княжеств базировалась на

правовых нормах, изложенных в титуле VII славянской «Эклоги». Славянской «Эклоге» известны следующие группы законных наследников, которые последовательно призывались к наследованию имущества.

К первой группе наследников относятся нисходящие родственники — сыновья, дочери, а также внуки — дети сыновей и дочерей наследодателя, умерших ранее его. Ко второй группе наследников относятся родители. К третьей группе наследников относятся полнокровные братья и сестры, т.е. такие братья и сестры, у которых с наследодателем один и тот же отец и одна и та же мать, а также другие восходящие родственники. Полнокровные братья и сестры исключаются из числа наследников при наличии родителей умершего, но они конкурируют с дедом и бабкой. К четвертой группе наследников относятся единокровные и единокровные братья и сестры, т.е. такие братья и сестры, которые имеют общего с наследодателем отца, но разных матерей или общую мать, но разных отцов. Эти братья и сестры наследуют только в том случае, если у наследодателя нет полнокровных братьев и сестер. К пятой группе относятся остальные родственники по боковой линии. Здесь более близкий родственник по боковой линии исключает более далекого. Дядя исключает из наследования двоюродного брата. Двоюродный брат исключает троюродных братьев и сестер и т.д. [3, с. 129–130].

Если у наследодателя не было родственников, тогда наследство делилось между его женой и церковью или бедными. При отсутствии жены у наследодателя его имущество переходило в собственность церкви или королевской казны.

Другим видом наследования является наследование по завещанию. По «Эклоге», которая в части наследования по завещанию воспроизводит нормы римского права, наследование по завещанию имеет приоритет перед наследованием по закону. К наследованию по закону обращались только в том случае, если наследодатель не оставлял юридически действительного завещания (ст. 1 титула VIII славянской «Эклоги») [3, с. 130–131].

Приоритет наследования по завещанию перед наследованием по закону является проявлением неограниченной власти частного

собственника. Частная собственность дает возможность собственнику распоряжаться имуществом как ему угодно не только при жизни, но и после смерти. «Эклога» является источником права зарождающегося феодализма. Она воспроизводит нормы законодательства Юстиниана. По мере утверждения феодальных отношений законодатель сохранил это положение, отражавшее интересы и чаяния господствующего класса, ибо серьезных опасений, что феодал своим завещанием лишит наследства своих законных наследников, не существовало. Кроме того, подобную опасность исключали и нормы наследования по закону. Характерной в этом отношении является правоприменительная практика в средневековом сербском государстве. Например, из материалов описания имущества монастыря св. Богородицы в Тетове (1346 г.) видно, что многие крестьяне завещали монастырю свои земельные наделы. В архиве Дубровницкой общины сохранилось завещание Медича, сына Николина из Жерновичской группы (Далматия) от 1392 г. [11, с. 51]. Эти данные позволяют сделать заключение, что институт завещания был достаточно хорошо известен в средневековой Сербии.

При этом отметим, что посредством завещания наследодатель лучше всего выражал свою волю по вопросу о разделе его имущества между его законными наследниками; он делал некоторые распоряжения и о дарении в пользу других лиц, но, как правило, соблюдал нормы наследования по закону. Это является основанием для понимания того, что нормы «Эклоги», касающиеся наследования среди представителей господствующего класса, были сохранены, а для зависимых крестьян (крепостных) был установлен ряд ограничений.

Славянская, как и византийская «Эклога» знает письменное и устное завещание (ст. 2, 3, титул V) [24, с. 52; 3, с. 130]. Ее нормы не требуют, чтобы содержание завещания состояло из торжественных слов, как это предусматривалось древним римским правом. «Эклога», однако, настоятельно требует, чтобы завещание было составлено в присутствии определенного числа свидетелей. Их участие необходимо для признания действительности завещания. Таков порядок осуществления завещания, предписываемый законодателем. Несоблюдение

его делает завещания недействительными. Согласно нормам «Эклоги» для действительности завещания требовалось участие семи свидетелей при его составлении (ст. 4 титула V славянской «Эклоги») [3, с. 127]. Если завещание составлялось тяжело раненным во время войны, то для его действительности достаточно было двух свидетелей (ст. 8 титула V «Эклоги»; ст. 7 титула V славянской «Эклоги») [24, с. 53; 3, с. 128].

Для того чтобы завещание было действительным, «Эклога» предъявляет определенные требования к завещателю. Она предусматривает, что составлять завещание не могут: умалишенные, несовершеннолетние (лица мужского пола, не достигшие 15 лет, и лица женского пола, не достигшие 13 лет), находящиеся в плену, подвластные (кроме завещания своих личных вещей) и глухонемые от рождения.

Наследник по закону или по завещанию, принявший наследство, считался продолжателем личности наследодателя. Право наследодателя на собственность и на истребование долгов предоставлялось наследнику. С другой стороны, смерть наследодателя не погашала его долгов. Кредиторы наследодателя были наделены правом на удовлетворение своих требований. Наследники были обязаны погасить долги наследодателя.

При этом следует учитывать важную особенность. Если наследник составил предварительную опись имущества, приобретая право на наследство, то он отвечал только в пределах реально унаследованного имущества и не обязан был оплачивать долги наследодателя за счет своего личного имущества. Однако если наследник не составил предварительно опись унаследованного имущества, то он обязан был оплатить все долги наследодателя независимо от того, достаточно или недостаточно было получено им наследства для покрытия долгов наследодателя. Данное положение трактуется в «Эклогe» следующим образом: «Если же <...> окажется, что часть некоторых долгов он уплатил, то он должен уплатить и другие, так как не определил принятое имущество надлежащей описью» (ст. 9 титула VI «Эклоги»; ст. 3 титула VII славянской «Эклоги») [24, с. 55; 3, с. 130].

Говоря об обязанностях наследника, необходимо подчеркнуть, что он должен был точно

выполнить все распоряжения, сделанные наследодателем, т.е. те распоряжения завещания, посредством которых наследодатель предоставлял определенным лицам те или иные имущественные блага. При этом рецепция норм римского права позволила средневековому сербскому наследователю в одностороннем порядке аннулировать свое распоряжение в отношении избранного им наследника или круга наследников. Данная правовая норма вступала в силу в следующих случаях: если одаряемый оказался неблагодарным, если он нанес также оскорбления или побои дарителю (читать как «наследодателю»), если он причинил наследодателю большое несчастье, если он участвовал в заговоре против жизни наследодателя, если он не выполнил условий, на которых было совершено указанное действие. Наряду с наследниками сербское средневековое право знало и институт частичных правопреемников. Частичный правопреемник в отличие от универсального правопреемника (наследника) не приобретал всего наследства или его определенной части, охватывающей имущественные права и обязательства. Он приобретал только конкретно определенное имущество.

Свободная реализация права о завещании наследства невозможна в условиях феодального общества. В его реализации господствующий класс усматривает подрыв основ феодальной собственности; отсюда и защита своих представителей, которые оказались лишенными права на наследство. Именно поэтому еще в «Эклоге», а затем и в славянской ее редакции (ст. 6 титула V) была заложена правовая норма о законной доле наследства, на которую завещатель не имеет права посягать своим завещанием. Эта законная доля при наличии 1–4 детей составляет 33 % наследства, а при наличии 5 и более детей — 50 % наследства. И только в том случае, если нисходящие родственники проявили неблагодарность в отношении своих родителей (нанесли им тяжкие оскорбления или отказались заботиться о них в старости), то они лишались права на законную долю наследства [3, с. 127–128].

Развитие феодальных отношений в славянских государствах стимулировало процесс совершенствования института наследственного права, равно как и гражданского права в целом.

Однако в XIV в. данный процесс в Болгарии и Сербии был прерван вследствие агрессии Османской империи в отношении южнославянских государств. Насильственное включение Сербии и Болгарии в состав Турецкой империи означало на практике ликвидацию системы славянского права в этих странах.

Таким образом, анализ основных институтов гражданского права свидетельствует о том, что в средневековых славянских странах — Сербии, Болгарии, Русском государстве, Чехии и Великом княжестве Литовском, Русском, Жемойтском — шел процесс становления отечественного гражданского права на основе традиций классического римского и восточноримского частного права. При этом нормы восточноримского права были не слепо скопированы славянскими законодателями, а творчески переработаны и дополнены с учетом реалий жизни феодального общества. Данный подход позволил вышеназванным странам сформировать свои отечественные правовые системы, базирующиеся не только на нормах римского и восточноримского права, но и самобытных славянских правовых источниках: «Законе судном людем» (865 г.), «Русской Правде» (1016 г.), «Законнике короля Карла I» («Majestas Carolina», 1355 г.), «Законнике Стефана Душана» (1349 г.), «Псковской судной грамоте» (1397 г.), русском Судебнике 1497 г. и Статуте ВКЛ 1529 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев М.Н., Ангелов Д.С. История на българската държава и право. 2-ро прераб. и доп. изд. София: Наука и изкуство, 1959. 416 с.
2. Архив Югославской академии наук и искусств в г. Загребе. Ф. 3. Оп. 1. Д. 9. Законоправило или Номоканон Светога Савве. Иловички препис 1262 година. 400 л.
3. Бобчевъ С.С. Старобългарски правни паметници. Ч. 1. София: Печатница на П.М. Базайтовъ, 1903. 176 с.
4. Ванечек В. История государства и права Чехословакии. М.: Юрид. лит., 1981. 504 с.
5. Византийский земельный закон / под ред. И.П. Медведева. Л.: Наука, 1984. 280 с.
6. Дигесты Юстиниана // Памятники римского права. М.: Зерцало, 1997. С. 153–598.
7. Древняя редакция «Закона царя Юстиниана. По Ходоскому списку XV в. // Памятники законодательной деятельности Душана царя Сербов и Греков: Хрисовулы. Сербский Законник. Сборники византийских законов / Т.Д. Флоринский. Киев: Императорский университет Св. Владимира, 1888. С. 204–211.

8. Дунин К. О мазовецкомъ правѣ. Магистерская диссертация. Ч. 1. Варшава, 1876. 246 с.
9. Ермолович В.И. Договор товарищества в праве Древнего Рима и стран средневековой Европы (сравнительный анализ) // Право и демократия: сб. научных трудов. Вып. 27 / редкол.: В.Н. Бибило (гл. ред.) [и др.]. Минск: БГУ, 2016. С. 158–171.
10. Ермолович В.И. Влияние источников отечественного и зарубежного права на формирование Статута Великого княжества Литовского // Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 года — падмурак развіцця беларускай дзяржаўнасці і канстытуцыйналізму (да 480-годдзя прыняцця): зб. навук. арт. Минск: РІВШ, 2009. С. 64–71.
11. Ермолович В.И. Право средневековой Сербии (XII–XV вв.). Минск: БГЭУ, 2003. 120 с.
12. Ермолович В.И. Рецепция норм римского права в правовую систему Великого княжества Литовского // Белорусская государственность и развитие национальной правовой системы: от Статута 1588 года до современной Конституции. Минск: Веды, 2008. С. 37–39.
13. Новаковић С. Матије Властара Синтагмат азбучни зборник византијских црквених и државних закона и правила, словенски превод времена Душанова. Београд: Српска краљевска академија, 1907. 621с.
14. Новаковић С. Средњовековна Србија и римско право // Архив за правне и друштвене науке. 1906. Књ. 1. С. 209–226.
15. Радочић, Н. Српски рукопис земљорадничког закона // Зборник радова Византолошког института Српска академија наука. Кн. 3. Београд, 1955. С. 15–27.
16. Розенкампфъ Г.А. Обзоръніе кормчей книги въ историческомъ видѣ. М.: Общество исторіи и древностей россійскихъ при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 1829. 154 с.
17. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 1. Законодательство Древней Руси. М.: Юрид. лит., 1984. 432 с.
18. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. / под общ. ред. О.И. Чистякова. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1985. 520 с.
19. Саксонское зеркало. Памятник, комментарии, исследования / под ред. акад. АН УССР В.М. Корецкого. М.: Наука, 1985. 272 с.
20. Соловѣв А. Значај византиског права на Балкану // Годишњица. 1928. Књ. XXVII. С. 95–141.
21. Срезневскій И.И. Древніе памятники русскаго письма и языка (X–XIV вѣковъ). Второе изд. СПб.: Императорская академія наукъ, 1882. 390 с.
22. Фрейденберг М.М. Деревня и городская жизнь в Далмации XIII–XV вв. Калинин: Калининский государственный университет, 1972. 254 с.
23. Щапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. М.: Наука, 1978. 292 с.
24. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века / вступ. ст., пер., коммент. Е.Э. Липшиц. М.: Наука, 1965. 226 с.
25. Юхо И.А. Правовое положение населения Белоруссии в XVI в. Минск: Изд-во БГУ, 1978. 144 с.
26. Bílý J.L. Právní dějiny na území České republiky. Praha: Vydalo Linde Praha, 20003. 474 s.
27. Płaza S. Historię prawa w Polsce na tle porównawczym. Cz. 1. Wyd. 2-e poprawione. Kraków: Księgarnia Akademicka, 2002. 630 s.

УДК 340.114/347.2

DOI: 10.23683/2313-6138-2019-6-1-77-84

© 2019 Д.В. Козлов¹

СИНТЕЗ ВЛАСТИ-СОБСТВЕННОСТИ В ВИЗАНТИИ КАК ОТРАЖЕНИЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЖИЗНЕННЫХ УСТОЕВ ВОСТОКА

АННОТАЦИЯ. В статье описывается характерный для Востока и слабо известный на Западе институт власти-собственности. Показывается, как данный институт зародился при возникновении ранних государств и стал одним из центральных столпов существования восточного общества. Раскрывается его соотношение и взаимосвязь с появившейся позднее частной собственностью. Отмечается, что во времена Античности возник иной западной путь развития с приоритетом частнособственнических отношений и классовым делением, высшей точкой которого стал Древний Рим. Византия, унаследовав нормы классического римского права, постепенно под влиянием Востока перешла на традиционный синтез власти-собственности, который в конце ее существования испытал влияние классических европейских феодальных подходов.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: власть; власть-собственность; общинная собственность; частная собственность; Византия; прония; парическое право.

THE POWER-PROPERTY SYNTHESIS IN THE BYZANTINE EMPIRE AS THE REFLECTION OF TRADITIONAL ORIENTAL PRINCIPLES OF LIFE

ABSTRACT. The article describes the power-property institute which is typical of the East but poorly known to the West. The author shows how the institution originated with the appearance of early states to become one of the pillars of the oriental society. The article reveals its correlation and connection with private property which is yet to come. It is pointed out that a different Western path of development arose in ancient times, with priority given to private ownership and class division. Its highest peak was ancient Rome. The Byzantine Empire, inheriting the norms of classical Roman law, shifted gradually — under the influence of the East — to the traditional power-property synthesis. The latter was affected by classical European feudal approaches by the end of the empire's existence.

KEYWORDS: power; power-property; communal property; private property; Byzantine Empire; pronoia; paroikos law.

¹ Козлов Денис Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного права юридического факультета Южного федерального университета, 344007, г. Ростов-на-Дону, ул. М. Горького, д. 88

Kozlov, Denis V., PhD, Associate Professor — Chair of International Law, Law Faculty, Southern Federal University, 88 M. Gorkogo St., Rostov-on-Don 344007, Russian Federation

1. История возникновения собственности.

Первоначально на этапе зарождения государства появляется общинная, или коллективная, собственность (в варианте Маркса — верховная собственность), в которой главным элементом выступает владение.

Понятие о владении возникло как фиксация обычного права на определенную зону или долю ресурсов (леса, реки, пашня, угодья и т. п.), которая некогда была как бы закреплена за той или иной бродящей в погоне за зверем локальной группой охотников и собирателей, а позже оказывалась в пользовании общины или передавалась ее старейшиной в распоряжение данной семейно-клановой группы. В основе отношений к ресурсам, о которых идет речь (сюда входит, естественно, и вся добываемая пища) и от обладания которыми напрямую зависело само существование коллектива, всегда была именно власть над ними («владение» — в конечном счете от «власти»): «мы владеем этим, это наше».

Следовательно, экономическое содержание и юридическая форма такого владения, переработавшего в собственность — это власть.

При этом следует оговориться, что политический и социальный аспект власти — это возможность навязать другим свою волю, поэтому власть — это и воля, и владение. Все аспекты этого полисемантического понятия сливаются воедино в тот момент, когда субъект власти поднимается над коллективом и начинает выступать от его имени [1, с. 142]. Именно власть как высшая форма суверена и как право его на редистрибуцию (распределение) ресурсов и имущества коллектива (теперь уже большого коллектива, государства) рождает представление о том, что все принадлежит правителю, верховному хозяину.

Отсюда получается, что верховная власть правителя рождает представление о его верховной собственности, собственность рождается как функция воли и владения, как функция власти. Власть и верховная собственность ее высшего субъекта нерасчленимы, и следует говорить о власти-собственности, которая зарождается и формируется на Древнем Востоке.

В связке «власть-собственность» доминирует власть, т. к. функции высшего собственника опосредованы причастностью к власти, т. е. не к личности, но к должности правителя. По на-

следствию здесь передается именно должность с ее правами и привилегиями, но не частное право на владение ресурсами или имуществом вне зависимости от должности. Если кому-то, кроме наследника, и дается во владение какое-то имущество, то дается оно лишь как дар.

С течением времени власть-собственность становится прерогативой более широкого круга лиц, принимающих участие в управлении государством. Данный аппарат власти занимается централизованной редистрибуцией ресурсов и труда подотчетного населения среди подданных и для нормальной его работы с населения взимается рента-налог.

Сейчас проводится принципиальная разница между налогом, который взимается государством с населения на нужды административного управления, и рентой, которую взимает частный собственник за использование принадлежащих ему ресурсов, прежде всего земли. Однако еще Маркс отмечал, что при азиатском способе производства такой разницы нет, рента и налог совпадают. Совпадают потому, что субъект собственности и субъект власти сливаются в одном лице, в лице правителя как суверена и верховного собственника с обслуживающим его аппаратом администрации.

В результате община делилась своими правами на землю и иные ресурсы со всеми, кто в силу их причастности к власти любого уровня мог претендовать на долю ее имущества, продукта и труда. Возникает сплав перекрывающих друг друга прав собственности: одна и та же земля (а точнее, право на ее продукты) принадлежит и обрабатывающему ее крестьянину, и общине в целом, от лица которой выступает распределяющий пашню и угодья старейшина, и знатному лицу или чиновнику, исполняющему функции регионального администратора, и верховному собственнику в лице центрального аппарата власти. Это получило название «расщепленная собственность» [1, с. 144].

При этом каждый получает свою долю от продукта в строгом соответствии с долей собственности и вообще власти, которой каждый — снизу доверху — реально располагает.

2. Появление частной собственности

С течением времени простые небольшие древние государства на Востоке стали заме-

щаться большими и сложно образованными империями. Как следствие, административный аппарат власти все более разрастался и все менее был эффективен, оказываясь не в состоянии следить за всем и, главное, обеспечивать бесперебойное функционирование быстрыми темпами возрастающего и все более усложнявшегося государства. Для решения возникающих задач начинает формироваться рынок и обмен, которые дали толчок формированию и развитию частной собственности. При этом возникающий «частный» сектор экономики мог обойтись и без управления с надзором со стороны аппарата власти.

Разумеется, аппарат власти в этом не был заинтересован и активно боролся с частной собственностью. И в этом был глубокий смысл, ибо собственники безбедно существовали за счет перераспределения в их пользу некоторой части избыточного продукта, до того монопольно принадлежавшего аппарату власти. Иными словами, они хорошо, чтобы не сказать богато, жили за счет аппарата власти, не занимая при этом в нем никаких позиций.

Однако аппарат власти не смог уничтожить «частный» сектор экономики, поскольку не мог взять на себя все его функции, но максимально стеснить его работу это было в его силах. В результате частная собственность была лишена всех прав и гарантий и поставлена под строгий контроль власти, что фактически заморозило ее развитие. Это сыграло решающую роль в истории Востока. Возможности для нормального функционирования структуры были обеспечены, но саморазвитие ее оказалось приторможенным: государство и аппарат власти отказались предоставить частному собственнику соответствующее его экономическим возможностям место в социально-политической жизни общества. Именно с этого момента Восток и стал собственно Востоком с азиатским способом производства [2, с. 98].

Соответственно на Востоке не сложился и класс частных собственников. Частные собственники (если они не были как-либо причастны к власти) всегда оставались обычными подданными государства и находились в социальном слое простолюдинов, статус которого всегда был ниже статуса людей государственных, даже простых воинов, имевших за службу

скромный служебный надел или право на налог с определенной территории.

Иными словами, частные собственники всегда включались в другие социальные слои. Если это разбогатевший крестьянин, сдающий земли в аренду и наживающийся на этом, он остается крестьянином и должен платить увеличенные налоги. Если это разбогатевший горожанин, ремесленник, торговец или слуга, то он и остается среди соответственно ремесленников, торговцев и слуг.

Таким образом, не сложилось частной собственности (в современном смысле) на Востоке как структурообразующего института, поэтому не было и частных собственников.

Очевидным следствием этого и своеобразной заменой класса частных собственников стало появление и серьезное развитие такого института, как социальные корпорации, на Востоке.

Речь идет о крепко спаянных семейно-клановых коллективах и разросшихся кланах, о деревенской общине с ее веками сложившимися формами самоуправления, о землячествах и цехах в городах, о кастах и религиозных сектах, различного рода тайных и иных замкнутых обществах единомышленников. Все эти корпорации, крепко спаянные внутренней дисциплиной и патронажно-клиентными отношениями, выступали перед внешним миром как нечто цельное и единое, действующее по классическому принципу «один за всех и все за одного». Будучи созданными для защиты от произвола внешних сил, включая и аппарат власти, социальные корпорации на Востоке гармонично вписывались в генеральную структуру и даже оказывались полезными государству. Спецификой корпораций было объединение в их рамках богатых и бедных, знатных и простолюдинов, производителей и по меньшей мере некоторых из власть имущих.

Все эти веками складывавшиеся и отработавшиеся самой жизнью формы самоорганизации восточных обществ не только смягчали произвол деспотической власти, но и создавали выгодный и власти, и народу устойчивый баланс сил. Неудивительно поэтому, что выше всего на традиционном Востоке всегда ценилась консервативная стабильность. Всех — и власть имущих, и рядовых производителей,

и нашедших свое место рядом с хозяином его слуг и рабов, и даже разбогатевших частных собственников, всегда обеспокоенных судьбой своего дела и имущества, — устраивал образ жизни, который они вели [2, с. 116].

3. Частная собственность в античности

Античный мир в лице Эллады и Рима в результате целого ряда предпосылок сложился и развивался по другому сценарию, чем Восток.

Суть различий заключалась в том, что в Элладе, в первую очередь в Афинах, после реформ Солона господствовал не принцип власти-собственности и всевластия аппарата власти, а гражданское самоуправление с ответственностью избираемых руководителей перед гражданами. Соответственно и в хозяйстве господствовал не генеральный принцип централизованной редистрибуции при зависимом от чиновника статусе частного собственника, но свободный рынок и никем не ограниченная, даже, напротив, защищенная законом и огражденная «частоколом» прав и привилегий частная собственность граждан. Иными словами, для постсолонической Греции, в отличие от традиционного Востока, была характерна развитая структура рыночно-частнособственнического типа.

Сразу стоит оговориться, что на Востоке прекрасно знали и систему выборов, и необходимость служить интересам коллектива, но без защиты частной собственности. А в Афинах статусы частного собственника и гражданина были неразрывно связаны между собой.

Иными словами, произошла великая бифуркация истории: единый путь развития человечества, опиравшийся в качестве фундамента на принципы власти-собственности, централизованной редистрибуции и верховенства административного аппарата власти, раздвоился [2, с. 104].

Таким образом, греческий полис был средством управления разросшимся и усложнившимся коллективом граждан-собственников во имя интересов и ради общего блага именно этого коллектива.

Следующим шагом в развитии античности стал Древний Рим. Кодификация правовых норм с последующей детальной разработкой частного права была решающим вкладом рим-

лян в развитие античной республиканской демократии, стоявшей на страже интересов граждан-собственников со всеми их сословными, имущественными и иными различиями. Рим как государство существовал за счет налогов с граждан-собственников.

Однако римская республика, как известно, становится империей, и диктаторские права императоров входили в резкое противоречие с традициями республики. И если первые императоры, особенно Октавиан Август, пытались еще как-то согласовать эти различия, то их преемники уже открыто заявляли о своем праве единолично управлять гигантской империей. Процесс принял необратимый характер с заменой принципата доминатом в III веке.

В то же время изменение структуры власти не затронуло сферу частной собственности, поскольку в отличие от Востока не существовало слияния власти и собственности. Система государства и общества, сложившаяся в Античности, продемонстрировала свои отличительные черты, непохожесть и живучесть и была унаследована Византией (Ромейской империей) после падения Рима.

4. История власти-собственности в Византии

В середине VI в. император Юстиниан попытался повернуть историю вспять и, присоединив Северную Африку, Италию и часть Испании, уделил огромное внимание кодификации римского права (Кодекс Юстиниана). И хотя этот кодекс укреплял права и prerogatives императора и церкви, он в то же время строго стоял на страже рыночно-частнособственных отношений и резко пресекал децентрализаторские деструктивные тенденции. Юстиниан не скрывал своего желания вернуться к прежним нормам античного частного права: он отдавал захваченные в Африке земли потомкам их бывших владельцев, восстановил крупное частное землевладение в Италии по «Прагматической санкции» 554 года. Однако все эти усилия не принесли плодов. Времена Античности безвозвратно уходили в прошлое.

Под ударами славян, и особенно арабов, Византия в последующие два века теряет 4/7 своей территории. Необходимость перестройки существующей системы и враждебное окружение способствуют постепенной деформации и

отмиранию восходивших к античным традициям демократических институтов.

В VIII веке размеры земельных участков крупных собственников были не в пример меньше, чем раньше. Более того, светская и духовная служилая аристократия (высший класс общества) живет в основном за счет жалования и разного рода выдач в деньгах и натуре, а не за счет доходов от сельского хозяйства как прежние собственники латифундий. При этом немалая часть этих сумм выдавалась им в качестве монаршей милости, которой в любой момент можно было лишиться; даже византийская церковь не имела твердо установленного источника доходов, подобного западной десятине. Поэтому значение римских норм собственности падает.

Следствием этой системы была нестабильность привилегированного класса: ни наследственных графств, ни родовитого дворянства не сложилось в Византии VIII–IX веках в отличие от западноевропейских королевств. Социальный статус человека определялся не столько его имущественным положением (непрочность которого отчетливо проявилась в эпоху вторжений и конфискаций), сколько местом в административной системе, а это место было легко утратить и трудно передать сыну или зятю.

Наряду с крупным светским значительные потери понесло и церковное землевладение. Императоры-иконоборцы Исаурийской династии (717–802) безжалостно конфисковали значительные земельные угодья монастырей и закрыли основную массу церквей. Данные земли составили государственный земельный фонд и активно предоставлялись стратиотам.

Акцент делается на укрепление социальной дисциплины и на усиление военной составляющей с созданием фем (военно-административных округов). По новой форме воинской службы основную часть войска составляли крестьяне-стратиоты с правом на служебные наделы и освобождением от всех иных повинностей, кроме поземельного налога. Ее расцвет наступает в X–XII веках, причем императоры тщательно заботились о том, чтобы богатые землевладельцы-донаты не скупали крестьянские земли.

Данная собственность была установлена Воинским законом Льва III. Согласно поста-

новлениям Льва III и его сына Константина V (741–775), стратиотам запрещалось продавать имущество, с которого они несли военную службу; военный земельный участок обязательно переходил от отца к сыну с обязательством продолжения военной службы; в случае дележа участка между несколькими сонаследниками они обязаны были в складчину нести с него службу; частная собственность стратиота, внесенная в военные писцовые книги, также не подлежала отчуждению; от покупки военных участков и права наследования в них устранялись знатные, чиновные и церковные лица и учреждения.

В результате Ромейская империя VIII века переживает структурный разрыв со своим античным прошлым, ориентализацию большинства институтов власти, падение значения частной собственности. На первый план выходит не имущественный статус человека, а его место в аппарате власти, которого было тяжело достичь, но еще сложнее удержать за собой. В отличие от феодализирующейся Европы, где происхождение будет играть решающее значение, в Византии выходцы из низов при сочетании удачи, таланта, хитрости и беспринципности могли занять любой пост, не исключая императорского.

Данное обстоятельство напоминает систему воинов-иктадаров Арабского халифата с ограничением частного землевладения, а также дворянских поместий Московского государства, а позже казачьего землевладения Российской империи.

Одновременно с этим возрождается общинная собственность. Земледельческий устав Льва III (717–741) отменяет римский патронат: в нем нет слов о помещичьей усадьбе и зависящем от нее крестьянском населении (*patrocinium vicorum-servi* и *adscriptitii*). Основное его нововведение — это свободное крестьянское сословие и мелкое землевладение. Чтобы предупредить распад общины, закон установил неотчуждаемость земельного имущества у общины. Всякий раз, когда освобождался крестьянский участок за смертью владельца, или когда он продавался, право предпочтительной покупки имели члены той же общины или волости. Закон по духу своему и главному содержанию действует в отношении населения

Византийской империи, живущего в общине и управляющегося своим обычным правом.

В результате Ромейская империя VIII века переживает структурный разрыв со своим античным прошлым, ориентализацию большинства институтов власти, падение значения частной собственности. На первый план выходит не имущественный статус человека, а его место в аппарате власти, которого было тяжело достичь, но еще сложнее удержать за собой. В отличие от феодализирующейся Европы, где происхождение будет играть решающее значение, в Византии выходцы из низов при сочетании удачи, таланта, хитрости и беспринципности могли занять любой пост, не исключая императорского.

Этим различия между христианскими Западом и Востоком не ограничивались. Активная поддержка общинного землевладения, характерная для Византии, была делом неслыханным ни в одном европейском королевстве и империи Каролингов, переросшей в Священную римскую империю германской нации. Более того, у ромеев существовали меры, прямо направленные против крупных землевладельцев-донатов. Во-первых, отмена традиционной 40-летней давности владения в отношении земель общины. Любой общинник или его наследник имели право требовать свой надел обратно без ограничения сроков. Во-вторых, отмена фиктивных договоров продажи и подделанных межевых планов, которая проводилась несколько раз и буквально уничтожала возвысившиеся роды знати. Наконец, в-третьих, на крупных землевладельцев данной местности возлагалась круговая ответственность за несостоятельность общины. Помещики были обязаны круговой порукой охранять интересы мелкого землевладения. Последнюю норму ввел Василий II Болгаробойца (976–1025), который, по словам современников, «держал донатов в жесточайшей узде» и решительно проводил все положения по защите общинников в жизнь.

Иными словами, до IV крестового похода на Западе господствует крупное землевладение и сословные притязания поместной и служилой аристократии; на Востоке — существует свободное мелкое землевладение и подчинение государственному принципу интересов поместного и служилого сословия.

Справедливости ради надо отметить, что уже в правлении династии Комнинов (1081–1185) — выходцев из среды знати — наблюдается медленная феодализация отношений и ползучее наступление донатов на права общины. Однако переход количества в качество происходит уже после Четвертого крестового похода. Поздняя Византия эпохи Палеологов (1258–1453) и Трапезундская империя Великих Комнинов (1204–1461) теряют значительную часть своего своеобразия и представляют бледную тень прошлого величия.

В поздневизантийский период (XIII–XV века) на передний план выходят владения донатов и церкви, отодвинув в тень общинную и стратиотную собственность, что, безусловно, является свидетельством развития феодальных отношений, однако с заметными особенностями в сравнении с Европой.

Владения донатов покоились на 2 видах права: классического права собственности, уходящего истоками еще в римскую эпоху, и прони, причем императоры бдительно следили, чтобы аристократы не объединяли слишком большие массивы земель в одних руках.

Собственность донатов получает название икоса, а поселившиеся на их земле зависимые крестьяне называются париками.

Парическое право получает свое развитие в X веке и вырастает из договоров аренды и эмфитевсиза. Предметом данных договоров была не только пахотная земля, но и виноградники, сады, масличные плантации, пастбища, дубовые рощи как разновидности земельных участков (объекта недвижимости). Арендатор мог расторгнуть договор, сдать участок в субаренду, переуступить свое право другому лицу.

Согласно постановлению видного византийского юриста X века магистра Косьмы, парическое держание в отличие от обычной аренды, которая гарантировала арендатору землю на срок, зафиксированный в арендном договоре, имело «силу, прочность и твердость, пока на то была воля и согласие господина земли». По воле последнего парик мог в любой момент быть изгнан с переданного ему надела; он не приобретал на него никаких прав, не мог ни передавать, ни, тем более, продавать участок. Парики, однако, сохраняли право беспрепятственно покидать господскую землю, и земель-

ные собственники в этом случае были обязаны вернуть им материал для постройки жилища.

Парикия приобрела также широкое распространение, однако в отличие от колоната прикрепление париков к земле носило эпизодический характер, в отличие от крепостных крестьян Европы большое количество париков жило на государственной земле.

В целом, с одной стороны, рост земельных владений донатов вел к определенному возрождению римского права, а появление париков — к восстановлению некоторых норм о колонах. С другой стороны, права париков, донатов и императорской власти на землю под давлением европейских феодальных подходов начинали рассматриваться как расщепленная собственность.

Прония (прѳноиѳа — попечение) — срочное или пожизненное (редко наследственное) императорское пожалование светскому лицу или монастырю в награду за службу права сбора налогов с определенной территории с правом владения, пользования, управления ею. Рассматривалась как аналог бенефиция и представляла собой пожалование совокупности вещных и нетелесных прав: права на временное владение землей, на переуступку прони, на взимание налога, эксплуатацию крестьян. Прония рассматривалась как смешанное право, но (и это постоянная характерная особенность Византии) земельные отношения зависели от придворных. Не землевладелец получал власть, а власть давала возможность получить земельные угодья. Собственником земельных участков при прони, как и у стратиотов, считалось государство. В отличие от лена не было феодальной лестницы — пронию предоставлял только император, она далеко не всегда носила наследственный характер и необязательно была связана с военной службой.

Прониар получал права на земельный участок, при этом уплата налогов государству полагалась только за саму землю, на принадлежности распространялся иммунитет. В то же время по воле верховной власти можно было получить полную эскуссию — иммунитет от всех налогов. Если это не получалось, оставалось право на определенные выдачи: солемний (право на получение с государственных крестьян определенных налогов); арифмос (по-

жалование права на владение определенным количеством париков, давалось как правило с актом о пожаловании земельного участка); харистикия (передача земель отдельных монастырей в условное держание донатам или крупным монастырям).

Поскольку прония предоставлялась господствующему классу, дореволюционные юристы рассматривали ее как прообраз поместья [4, с. 195], тем более что она к концу существования Византии практически уничтожила стратиотное землевладение.

В пронию могли передаваться земельные участки, как свободных крестьян, так и париков. В первом случае прониары стремились опутать крестьян поборами и перевести в категорию париков, дабы впоследствии, купив у них земельные участки, стать полноправными собственниками. В этом им помогал переход телоса (основного поимущественного сбора) с париков из публично-правовой в частноправовую категорию, так как изменение размеров телоса носило произвольный характер.

В целом, византийские земельные отношения — явление сложное и противоречивое. Одни институты обнаруживали сходство с аналогичными западноевропейскими, тогда как другие — с восточными. Некоторые институты византийского аграрного строя отличались индивидуальными, специфическими чертами, значительное своеобразие которых объясняется или особенностями общественного развития, или генетическими связями с античностью [6, с. 141].

Если рассматривать вопросы власти и собственности, то в ранневизантийский период, продолжавший традиции поздней античности, они разделялись между собой. Затем произошел переход к традиционному для востока симбиозу власти-собственности, а период упадка отмечен смешением местных и западноевропейских феодальных институтов. Характерной особенностью последних является доминирование в связке власть-собственность не первого, а второго элемента, что вело к феодальной раздробленности. Статус и положение феодала напрямую зависели от количества и значимости его земельных владений, а не статуса в системе власти европейских королевств.

Иными словами, Византия чем дальше тем больше подвергается ориентализации, в том числе и в основах самой имперской структуры. К концу своего существования Византия напоминала собой одну из типично восточных империй, об античных традициях в которой со временем сохранялось все меньше воспоминаний. Их, этих традиций, было больше в городах с развитыми ремеслом и торговлей и элементами самоуправления, но имперский административный контроль над городской экономической активностью как раз и был элементом упомянутой ориентализации. В древне этот же контроль в сочетании с властью феодализирующей землевладельческой знати и нуворишей тоже делал свое дело, превращая сельское население по меньшей мере в зависимых, если не вовсе полукрепостных крестьян.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Васильев Л.С.* Генеральные очертания исторического процесса (эскиз теоретической реконструкции) // *Философия и общество*. 1997. № 1. С. 89–155.
2. *Васильев Л.С.* Генеральные очертания исторического процесса (эскиз теоретической реконструкции) // *Философия и общество*. 1997. № 21. С. 96–161.
3. *История Византии в 3 томах. Т. 1 / отв. ред. С.Д. Сказкин. М.: Наука, 1967. 524 с.*
4. *История Византии в 3 томах Т. 3 / отв. ред. С.Д. Сказкин. М.: Наука, 1967. 508 с.*
5. *Крылов В.В.* Теория формаций. М.: Восточная литература РАН, 1997. 232 с.
6. *Неволин К.А.* История российских гражданских законов. Т. 2. СПб.: Тип-я Имп. Академии наук, 1851. 464 с.
7. *Успенский Ф.А.* История Византийской империи. Т. 1. СПб.: Изд-во Брокгауз и Ефрон, 1913. 872 с.
8. *Успенский Ф.А.* История Византийской империи. Т. 2. Л.: Издание автора, 1927. 510 с.
9. *Успенский Ф.А.* История Византийской империи. Т. 3. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 858 с.

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

«Вестник юридического факультета Южного федерального университета» принимает для опубликования статьи и краткие сообщения, соответствующие следующим требованиям:

1. В журнале могут быть опубликованы статьи и материалы по юриспруденции, отвечающие требованиям научной новизны, актуальности, фундаментальности аргументации и выводов и рассматривающие вопросы, актуальные для правоприменительной практики.

2. Решение о публикации материала принимает редакционная коллегия и главный редактор в течение трех недель с момента получения материала. Предусматривается обязательное рецензирование статей членами редакционной коллегии или иными ведущими специалистами в соответствующей области научного знания. Решение о публикации принимается на основе выводов, содержащихся в рецензии. В течение 14 дней после поступления статьи в редакцию автору сообщается, будет ли его статья опубликована. Сообщение направляется на электронный адрес, указанный автором. Условием публикации статей и материалов, представляемых аспирантами и студентами юридического факультета, является наличие отзыва научного руководителя, рекомендации соответствующей кафедры (лаборатории) и положительная рецензия на данную статью (материал) члена редакционной коллегии журнала (не являющегося членом кафедры (лаборатории), к которой относится автор).

3. Представляя статью для публикации, автор тем самым выражает согласие на ее размещение в тех справочно-правовых системах (в том числе и в сети Интернет), с которыми у редакции имеется соответствующее соглашение.

4. Объем публикуемого материала для профессоров, преподавателей, сотрудников учебных (научных) организаций — до 1 авторского листа, для аспирантов и студентов — до 0,6 авторского листа, где 1 лист составляет 40 000 печатных знаков (включая сноски, знаки препинания и пробелы). Объем статьи в печатных листах рассчитывается следующим образом: количество знаков в статье, включая пробелы и сноски, делится на 40 000.

5. Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word, шрифт Times New Roman, размер шрифта — 14, межстрочный интервал — 1,5, абзацный отступ — 1,25 см, поля сверху, снизу, слева, справа — 2 см, нумерация страниц сплошная, начиная с первой. Ссылки оформляются в []. Пример — [1, с. 44], то есть — Источник №1, страница №44. Правило оформления ссылок согласно ГОСТу 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

6. Редакция журнала принимает материалы в электронном виде по электронной почте vestnik@sfedu.ru. На первой странице указывается следующая информация на русском и на английском языках:

- об авторе (соавторах): имя, отчество, фамилия, ученая степень, ученое звание, место работы, должность, номера телефонов (служебный и (или) домашний), адрес электронной почты или иная контактная информация;

- название статьи;
- индекс по Универсальной десятичной классификации (УДК);
- аннотация (изложение основного содержания и выводов статьи (5–7 строк);
- список используемых ключевых слов (не менее 5);

7. В конце статьи должен содержаться список всех процитированных в ней произведений («литература»), расположенный в алфавитном порядке. В список не включаются источники, не цитируемые в работе! Оформление списка литературы согласно требованиям — обязательно! Ниже приведены примеры оформления источников:

Якушин В.А. Ошибка и ее уголовно-правовое значение. Казань, 1988.

Соболева А.К. Риторическая герменевтика и интерпретация текстов права // Риторика. 1997. № 1(4).

Язовских Ю.А. Проблемы вменения в российском уголовном праве: автореф. ... канд. юрид. наук. Омск, 2001.

Кабышев В.Т. Человек и власть: конституционные принципы взаимоотношений // Личность и власть (конституционные вопросы): мезвуз. сб. науч. работ. Саратов, 1995.

Решение Московского городского суда от 23.12.2013 по делу № 3-166/2013 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: <http://www.consultant.ru>.

8. Сокращения слов, имен, названий в тексте статьи и в сносках не допускаются, за исключением общепринятых (статья — ст., параграф — §, миллион — млн, год — г. и пр.).

9. Если в статье используется аббревиатура (кроме общепринятых, например, вуз, РФ, МГУ и пр.), то в первом случае ее появления она обязательно расшифровывается, после чего в скобках приводится аббревиатура, используемая далее.

10. Требования к иллюстрациям, изготавливаемым авторами: в Word рисунки не вставлять! Предоставлять только графические файлы с разрешением не менее 300 dpi в формате JPEG. Цветовая модель: Grayscale.

Технический редактор А.В. Стахеева
Оригинал-макет А.В. Стахеева
Дизайн обложки А.В. Киреев

Подписано в печать 11.03.2019
Бумага офсетная. Печать офсетная
Формат $60 \times 84 \frac{1}{8}$. Усл. печ. л. 10,0
Уч.-изд. л. 7,4. Заказ № 6970. Тираж 300 экз.

Издательство Южного федерального университета

Отпечатано в отделе полиграфической, корпоративной и сувенирной продукции
Издательско-полиграфического комплекса КИБИ МЕДИА ЦЕНТРА ЮФУ
344090, г. Ростов-на-Дону, пр. Стачки, д. 200/1, тел. (863) 243-41-66